

ЛУЧШИЕ КНИГИ

Анна Джемс

БОЛЕЕ 200 000
ПОКЛОННИКОВ

НА КРЫЛЬЯХ
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПРИВОРОТ

Annotation

Любовь вдохновляет.

Любовь прекрасна и упоительна.

У любви тысячи ликов и миллионы оттенков.

Но можно ли продать ее и какова ей цена? Сколько еще придется выдержать испытаний на пути к счастью, сколько заговоров, сплетен и обмана?

Сможет ли Катрина противостоять чувствам Кезона?

И что важнее для Кея: любовь или музыка?..

Анна Джейн

На крыльях. Музыкальный приворот

© Анна Джейн, текст

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Ларисе Забелло — за всю ее теплоту и искренность

Все события и действия — вымышлены

Утреннее солнце было ярким, по-летнему дерзким, несмотря на осеннюю пору. Оно било в окно, закрытое жалюзи, однако было не в силах попасть в полутемную комнату — лишь несколько острых, тонких лучей смогли пробиться внутрь и, дрожа, играли на стене да серебрили воду в графине. Еще один луч падал на обнаженную загорелую ногу лежащей на широкой кровати девушки. Многие бы сочли ее красивой — стройная, гибкая, грациозная, с правильными чертами лица и женственными формами, однако высокомерное выражение, застывшее в карих глазах, портило все впечатление.

Таких, как она, не любили.

Таких, как она, называли стервами.

По крайней мере, Алина сама так думала. А цену себе она знала.

— Чего больше всего на свете боится твой брат? — спросила задумчиво девушка и перевернулась на живот, укрываясь сатиновой простыней цвета темного шоколада. В руке ее был телефон с золотистым корпусом. Глядя в него, она отчего-то улыбалась — как будто затеяла что-то.

Лежащий рядом с ней молодой человек, разглядывающий потолок, рассерженно сощурился. Говорить об этом ему не хотелось. Хотелось курить, но при Алине он не мог этого делать. Да и не следовало вспоминать старую детскую привычку.

— Может быть, стоит спросить у него? — поинтересовался он.

— Я интересуюсь у тебя, Кирилл.

— Откуда я знаю, чего боится этот клоун? Потерять славу, группу, свою девчонку, в конце концов, — Кирилл машинально потер щеку, по которой эта самая девчонка когда-то его ударила. И отметил про себя, что стоит побриться.

— А как думаешь, что бы он выбрал? — задумчиво спросила Алина, водя тонким пальцем с длинным бордовым ногтем по его обнаженному плечу. — Любовь или музыку?

— Я тебя не понимаю, — нахмурился Кирилл. Близость девушки опьяняла.

— Ты не должен понимать меня. Ты должен понимать его, — промурлыкала Алина и потерлась головой об его предплечье, как большая дикая кошка. Кирилл едва заметно вздрогнул. Чем больше он находился рядом с Алиной, тем сильнее привязывался к ней. И она словно это чувствовала — понимала, что имеет над ним власть. Как когда-то над Антоном.

— Если бы ты оказался на его месте, — продолжала черноволосая девушка, — что бы тебе страшнее было потерять? Любимую девушку или цель жизни?

— Не знаю.

— Подумай.

— Что за глупости ты спрашиваешь? — поморщился Кирилл.

— Это не глупости...

Алина привстала и, опираясь рукой об подушку, склонилась над Кириллом — так, что ее длинные черные волосы упали ему на грудь.

— Ответь. Любовь или карьера? — прошептала она.

Их лица были напротив друг друга. Над головами дрожали острые, как лезвия, лучи.

— Ты, — хрипло ответил Кирилл и потянулся к Алине, чтобы поцеловать.

Она разрешила. И поцелуй вышел медленным, глубоким, чувственным — как изящная пытка.

Но едва только Кирилл попытался обнять девушку, она оттолкнула его и легко вскочила с кровати.

— Ты мне надоел, — объявила Алина и, ничего больше не объясняя, отправилась в ванную комнату, которая в снимаемом ими двоими номере гостиницы была шикарной. Лесковой нравилось нежиться в пене и пить вино. Или текилу — насмешливая дань отношениям с Антоном. А Кириллу... Кириллу просто нравилось смотреть на нее. Быть рядом с ней.

— Надеюсь, ты уйдешь до моего прихода, — сказала девушка напоследок и скрылась за дверь. Тотчас послышался шум воды.

— Пошла ты.

Кирилл рывком встал и с досадой ударил кулаком по стене. Он любил Лескову — любовью болезненной, не всегда оправданной, той самой, которая есть «вопреки»: вопреки ее характеру, вопреки ее чувствам к его собственному брату, вопреки обстоятельствам. Однако Алина вела себя так, словно хотела специально унижить Кирилла, лишний раз показать ему превосходство Антона. А может быть, она просто отыгрывалась на нем за ту боль, которую доставил ей его брат. Они ведь очень похожи. Близнецы. Не одно лицо, но изредка Кирилла путали с его знаменитым братом какие-то малолетние фанаты, и это его и бесило, и оскорбляло.

Кирилл надел брюки, накинул рубашку, стал застегивать пуговицы.

Алину стоило поставить на место, но он малодушно не мог этого сделать. И знал, что вскоре его злость пройдет, и стоит ей через день или два позвать его вновь, как он придет. Скрепя зубами, но вернется в ее объятия.

Что выберет этот надменный псих? Любовь или музыку? Да ему-то откуда знать?! От брата Кирилл привык ожидать всего самого неожиданного. Антон с детства был таким — странным, отличающимся от других. Сначала — спокойный, серьезный, замкнутый, весь в себе и своем плавании. Кирилл в отличие от близнеца не любил бассейн, да и вообще больше любил смотреть мультики или рубиться в игры, а этот и учился хорошо, и получал награды и медали за плавание, и мать им гордилась куда больше. Тогда, в далеком детстве, Кирилл, ужасно ревнуя Антона к матери, старался как мог заработать ее похвалу и со временем понял, что хорошо учиться или быть первым в какой-то области — не главное. Главное — радовать маму. Он научился закладывать и подставлять Антона (тот этого заслуживал!), иногда даже сам провоцировал. И для матери — женщины властной, становился все более хорошим мальчиком. А потом Антон взбунтовался — после того, как мать решила, что бассейн ему не нужен и пловца со всемирной известностью из него, скорее всего, не получится. Нет, тренеры говорили, что у Антона может быть хорошее будущее и карьера спортсмена возможна очень удачной, но мать решила иначе. Ее дети должны быть обеспечены и ни в чем не знать нужды, и для этого они продолжают семейный бизнес. Кирилл выбору матери не сопротивлялся, хотя его куда больше увлекала история и археология, нежели экономические и юридические науки. Однако он понимал уже тогда — денег его увлечение, стоит ему перерасти из хобби в работу, принесет мало. И подчинился воле матери — выучился в престижном университете и возглавил один из филиалов компании, который она ему доверила. Антон же принялся бунтовать. И, казалось бы, его подростковый бунт затянулся до сих пор — он занимался музыкой и играл в рок-группе, на удивление Кирилла став знаменитым.

Кирилл презирал брата и втайне завидовал.

Его тяжелые мысли прервал писк телефона, лежащего на прикроватной тумбочке. Молодой человек взял телефон.

Дина. Его невеста. Девчонка, которая должна была забрать его свободу. Кирилл был уверен, что брак по расчету — то, что необходимо, однако прекрасно осознавал, что жить вместе с этой девчонкой, которая была младше его, он не сможет.

«Привет. Не могу до тебя дозвониться, — писала она. — Мои родители хотят познакомить тебя с нашими родственниками. Приедешь?»

Она знала, что он в родном городе, знала про Алину, знала про их встречи. Прилетала даже, следила — пришлось отправить ее домой. И скорее всего, это был всего лишь предлог, чтобы увидеться. Знакомиться с родственниками Дины Кириллу не очень-то и хотелось. Все эти официальные церемонии его раздражали. К тому же ему хватило ее дяди и брата. Неприятные личности.

«Перезвоню вечером. Занят, на встрече», — ответил коротко Кирилл. И тотчас получил новое сообщение — как будто бы Дина ждала его ответ, не отходя от телефона.

«Да, конечно, я буду ждать. Хорошего тебе дня!»

Тишину номера нарушили вновь — уже телефон Алины, оставленный ею на коричневых простынях. Однако Кирилл к нему даже подходить не стал — знал, что тот на пароле.

Телефон настойчиво играл, и если бы молодой человек все-таки подошел к нему, увидел, что на экране высвечивается имя и фамилия его матери. Но он, игнорируя звонок, подошел к высокому напольному зеркалу, в котором отражался во весь рост, и внимательно посмотрел на себя.

Высок, в меру мужественен, красив, опрятен. Одет стильно. Не имеет ни татуировок, ни проколов в ушах или на лице. Классическая короткая стрижка. Ничем не хуже брата. Напротив — лучше. Единственное — нужно побриться, но ванная комната занята Алиной, а на нее он сейчас зол. И действительно уйдет до того, как она появится в номере — в белом махровом халате с запахом, свежая, пахнувшая кокосовым гелем для душа, с влажными волосами и капельками воды на шее и лице. Едва только представив эту картину, Кирилл заторопился. Пусть от Лесковой он уйдет злой. Пусть позлится на нее хотя бы немного.

Алина стала второй женщиной, чье внимание брата Тропинины не поделили.

Напоследок, прежде чем накинуть пальто и уйти, Кирилл резким движением открыл жалюзи. Комнату залило солнечным светом.

* * *

Я не верила, что умею так любить: с такой силой, нежностью и отдачей, и два дня и три ночи в отеле вместе с любимым человеком подарили мне много открытий. Мне хватало просто лишь смотреть на Антона — и от этого я чувствовала себя счастливой: цельной и нужной. И в его взгляде я ловила те же самые чувства. Я знала, что он любит меня, а я — его. И это придавало сил и даровало надежду на прекрасное будущее. Совместное будущее. Яркое, как солнце. Притягивающее, как звезды. Романтичное, как луна.

В любое время я могла подойти к Антону и обнять, поцеловать, заявить миру, что он — мой. Я говорила ему о любви, хоть мне и было непривычно признаваться в этом — я словно стеснялась своих чувств. Но еще более непривычно было слышать о любви от Антона. О ней он говорил скупно — подозреваю, что и для него подобные вещи после расставания с

Лесковой были в новинку. Да и во время отношений с ней — первых и хрупких, как я поняла, говорили они о своих чувствах мало. А то и вовсе не говорили.

Однажды я спросила Антона, сидя у него на коленях на балконе, с которого открывался шикарный вид на столицу, кого он сильнее любит — меня или ее?

Зачем спросила, я и сама не знаю — вспомнила вдруг, глядя на полупрозрачное голубое небо, о ней. И захотела узнать.

— Зачем нам говорить о прошлом? — пожал плечами Антон. Из его рта вырывался пар — на улице царил прохлада, но сидеть, прижимаясь к нему, было тепло.

— Мне интересно — насколько я проигрываю, — ответила я, с нежностью глядя в его лицо.

Он просто покачал головой. И хоть лицо его оставалось серьезным, в серых глазах появилась улыбка.

— Что это значит? — осторожно спросила я.

— Катя. Ты любишь свое прошлое? — издали начал Антон.

— В смысле? — не поняла я. Умеет он перевернуть все с ног на голову!

— Ответь.

Его голос звучал мягко, но настойчиво.

— Что-то люблю, что-то — нет, даже вспоминать не хочу, — задумчиво отозвалась я, пытаюсь быть честной и с ним, и с собой. — Наверное, лучше сказать так — я ценю прошлое.

— А хочешь вернуться в него? — продолжал выпытывать Антон, неотрывно глядя мне в глаза и осторожно гладя по щеке одной рукой, а второй — придерживая за талию.

— Нет, — твердо сказала я. Мое настоящее нравилось мне куда больше, чем прошлое. — Точно нет.

— Так и я. Не хочу туда возвращаться. Давай жить настоящим, — сказал он. Его взгляд опустился ниже, следом за пальцами, которые со щеки переместились на шею, потом — на ключицы, после неспешно залезли под вырез теплой кофты, заставляя меня слегка прикусить от неожиданных ощущений губу.

...А казалось бы — всего лишь мягкие прикосновения...

Я запустила руку в его волосы и мимолетом поцеловала в висок.

Антон Тропинин, когда ты успел стать для меня таким родным?..

Не убирая пальцев, он так и смотрел мне в лицо, словно читая меня по нему, чтобы точно знать, чтобы в очередной раз убедиться — мне хорошо с ним.

Я попросила поцеловать меня — без слов, и он, поняв, сделал это, крепко прижимая к себе. А после, подхватив на руки, понес в номер, в живительное тепло.

А вечером уже Антон спросил меня, как бы между прочим, о чем я общалась с Кириллом-Кезоном. Естественно я все ему рассказала. За исключением того, конечно, что Нинке не повезло на встрече с Гектором — это уже только ее дело. Зная Кея, я могла с большой долей вероятности предположить, что он позлорадствует. А Нинка, хоть и не была образцом милосердия и прочих добродетелей, не заслуживала этого.

Мы сидели в номере за ужином. Мне захотелось еще большей романтики, и я решила создать соответствующий антураж. Нас окружил пьянящий полумрак, на круглом столике горели высокие свечи в медных канделябрах, и они перемигивались с огнями большого города, которые было отлично видно из панорамных окон. Играла приятная музыка — лирические баллады известного канадского исполнителя, которые Антон принял весьма благосклонно, хотя, по-моему, мои музыкальные предпочтения заставляли его улыбаться —

так, как улыбаются настоящие гонщики Формулы-1, видя малышкой с игрушечными пластиковыми спорткарами. С сервировкой я не заморачивалась — заказанный ужин красиво и аппетитно подали из ресторана гостиницы, откуда ужин, собственно, и заказывался. Между горящими свечами стояла тонкая хрупкая ваза с одинокой чудесной розой с кроваво-красными лепестками. Вообще-то я попросила Антона купить цветок — один, но он принес целый букет, и остальные цветы стояли на журнальном столике. Кроме того, он купил вино, клубнику и мороженое, как я просила, а еще сливки — по своему желанию.

— И зачем они мне? — не сразу поняла я.

Антон молча указал на губы. Вид у него был при этом такой, будто бы он открывал мне суть простейших вещей. И глаза блестели. Было видно, что Тропинин что-то придумал.

Какие только у него в голове мысли бродят?..

Самые пошлые, вестимо!

— Вот и сам будешь их есть, — ответила я Антону на его жест.

— С тебя, — тотчас предположил он. А я, представив, как он выдавливает сливки мне куда-нибудь на ногу, а после задумчиво слизывает, пачкая нос и щеки, звонко рассмеялась. Картинка в моей голове была впечатляющая.

— Катя-Катя, — укоризненно сказал Тропинин. — Тебе бесполезно делать намеки.

— Намеки на что? — сощурилась я.

— На то, что ты сладкая, — улыбнувшись, как кот Базилио, сообщил Антон.

Не знаю почему, но теперь смеялись уже мы оба: я — смущенно, он — весело.

А еще, видя мои приготовления к романтичному ужину, Антон с насмешкой предлагал заказать много-много шампанского, наполнить им ванную, набросав сверху лепестки роз, и принять ее. Желательно вместе.

— Дорого выйдет, — отозвалась я, поправляя посуду на столе — ужин уже принесли.

— Я закажу самое дешевое шампанское, — пообещал насмешливо парень. — А цветы у нас уже есть.

— Ой, отстань, — махнула я рукой, оглядывая скептическим взглядом столик. Выглядело и правда романтично. — Антош, садись за стол. Все готово.

Он тотчас сел, перевернув стул задом наперед и положив руки на спинку, и окинул меня внимательным взглядом. Ухмыльнулся.

— Что? — не поняла я. И, не выдержав, погладила по плечу. Антон тотчас поймал мою руку — наши пальцы привычно переплелись. И слабый, едва ощутимый, но приятный ток прошел тело насквозь.

— А где твой выход, любовь моя? — проговорил он приглушенным тоном.

— Какой выход?

— Романтический. Ты же ходишь на пол дэнс, малышка, покажи мне класс. Чему вас там учат?

— Вообще-то для этого нужен пилон, Антоша, — наставительно проговорила я.

— Я могу стать твоим пилоном, — предложил он предельно серьезно, но я точно знала, что Тропинин шутит.

Вместо ответа я наклонилась и поцеловала его.

Стань просто моим.

Честно говоря, в полумраке ужинать было не слишком удобно. Я едва не уронила на себя стейк, перепутала тарелки, чуть не пролила вино, а об одну из свечек едва не спалила

волосы, и я ругалась, злясь на то, что никак не получается создать романтический антураж. Еще в самый неожиданный момент вместо очередной лирической баллады раздались жуткий грохот барабанов, стоны бас-гитары и дикие, душераздирающие вопли, которые Тропинин называл экстремальным вокалом. Антон завладел пультом и незаметно от меня изменил музыку, заставив вздрогнуть и уронить с вилки лист салата на колени — прямо на платье, то, в котором я ходила к «Лордам» на пресс-конференцию.

Тогда он и спросил про Кирилла. Словно невзначай.

— Ты его знаешь? Или просто ревнуешь, что я познакомилась еще с одним музыкантом? — спросила я с интересом, держа в руках бокал с вином. Его я пила мало, разбавляя водой и не пьянея. Пьянела я от Тропинина.

— Виделись раз, — не стал особо распространяться на эту тему Антон, и я удивилась, потому как Кирилл упоминал, что лично с ним не знаком. Однако ничего говорить не стала. — И да, детка, я не ревную, — самодовольно добавил мой парень.

Лицо у меня разочарованно вытянулось.

— Совсем что ли?

Он усмехнулся и приподнял указательным пальцем мой подбородок для поцелуя.

В этот вечер Антон смеялся, обнимал меня, видя, как я злюсь, даже пытался сделать массаж. Казалось, он был счастлив. И я — тоже.

А про клубнику, мороженое и даже сливки мы совершенно забыли, поглощенные друг другом.

И уже потом, спустя несколько часов, лежа на кровати с разметавшимися по подушке волосами и слушая его едва слышное дыхание, я поняла, что с любимым человеком романтика — везде.

Впереди нас ждал рассвет.

Эти дни мы почти не спали, боясь, что можем потерять драгоценные минуты нашей встречи, но время все же неумолимо двигалось вперед, приближая часы расставания. Вечность оказалась мигом.

В третью, последнюю нашу ночь, после которой мы оба должна были сесть на самолеты, я словно пришла в себя, поняв, как мало нам осталось, и, к своему стыду, запаниковала.

Я лежала в постели, положив голову Антону на грудь, и от нахлынувших чувств в глазах появились непрошеные слезы.

— Что с тобой, Катя? — чуть приподнялся на локтях он. Тропинин очень четко ловил эмоции, и если к большинству людей был неприлично холоден, то ко мне был чуток. Даже признался как-то, что, когда я заплакала в парке — еще во время игры, — он чуть с ума не сошел.

— Если я заплачу, не пугайся, — попросила я тихо, вставая и садясь в кровати. — Просто... грустно стало.

— Не думай об этом, — сказал Антон, явно поняв причину моей грусти. — Я приеду еще. Ты можешь приехать ко мне.

— Все так сложно, — выдохнула я, уже ненавидя расставание.

— Все просто, — возразил он, сев рядом. — Катя, это ненадолго. И решаемо.

Он говорил спокойным мягким тоном профессионального психотерапевта, приводя вполне логичные доводы: расставание наше временное, мы имеем возможность общаться каждый день, и встретимся снова — еще много раз.

Почему именно мы? Почему именно нас разделяет пространство?

Хорошо, что не время.

— У каждого свои испытания, — словно прочтя мои мысли — в очередной раз! — сказал Антон, обнимая меня за плечи. — А счастлив тот, кто проходит их, девочка моя.

— Я знаю. Но... Как я раньше жила без тебя, — прошептала я, прижимаясь к нему.

— Думаю, плохо, — все также не страдал от недостатка самооценки Кейтон.

Наше прощание после столь бурной встречи казалось настоящей пыткой. С утра у меня жутко болела голова, говорить не хотелось, есть тоже не хотелось, вообще ничего не хотелось. Но нужно было собирать вещи и ехать в аэропорт. У Антона настрой был ничуть не лучше, но мы оба старались делать вид, что все хорошо, дабы не портить один другому настроение — это удавалось с трудом. Я улыбалась, он шутил. Однако из номера гостиницы, в которую мы больше никогда не вернемся, мы выходили молча, лишь изредка перекидываясь короткими фразами.

Больше всего было жалко оставлять букет роз, подаренных Антоном. Они так и остались стоять на журнальном столике — шикарные, алые, как кровь, одинокие. У меня не поднялась рука выкинуть их, и я малодушно предпочла, чтобы от роз избавилась горничная.

Улетали мы из одного аэропорта — рейс Антона был на четыре часа позже моего. После регистрации он проводил меня до паспортного контроля, и мы долго стояли в обнимку, ничего не говоря и просто держась друг за друга.

Казалось, совсем недавно в душе пела весна, а теперь роняла свои золотые листья багряная, как разбитое сердце, осень. Прощанье — всегда боль. Поначалу — тяжелая, ноющая где-то глубоко в душе, а затем, когда уже приходит понимание неизбежности расставания, — острая, колющая, добивающая до конца.

Антон необыкновенно нежно и неспешно, словно наслаждаясь каждым мгновением, поцеловал меня в последний раз. Коснулся губами носа — как будто бы я была ребенком. Улыбнулся, держа мое лицо в своих ладонях.

— Все хорошо, — сказал он уверенным тоном Кея, в котором слышалась мягкость Антона.

— Конечно, все хорошо, — повторила я за ним, обманывая и его, и себя.

Что было хорошего в прощании?

Но верно говорят — перед смертью не надышишься. Нам все же пришлось сказать: «До свидания», и я одной из последних прошла паспортный контроль.

Во мне нашлись силы, чтобы улыбнуться Антону, обернувшись. И даже послать воздушный поцелуй. А он стоял и смотрел на меня, и я видела, как руки его сжимаются в кулаки.

В самолете я беззвучно плакала — не хотела этого, но слезы сами собой текли по щекам, и мне оставалось только утирать их, не реагируя на удивленные и сочувствующие взгляды людей, сидящих рядом.

Успокоилась я не сразу.

За иллюминатором безмолвно плыли обманчиво легкие облака — куски небесного мороженого, а на душе было тяжело, как будто к ней ржавыми гвоздями прибили железную пластину. Потом мы попали в зону турбулентности. Небо посерело, тучи потемнели, набухли, и самолет стало потряхивать. Загорелся значок, предупреждающий, что нужно пристегнуть ремни, что мне и пришлось сделать.

За этими мыслями, под шум далекой грозы, которую мы облетали, я и уснула.

Приземлились мы без проблем, мягко, и я вместе со всеми вяло аплодировала пилотам, а после, получив багаж, села на рейсовый автобус и доехала до города. Настроение было хуже некуда. Хотелось бродить по шуршащей листве безлюдного парка, воткнув в уши наушники, слушать голос Антона, но из-за сумки я не могла этого сделать, а потому направилась сразу домой. Сообщения ни до Ниночки, ни до Кея не доходили.

Около подъезда меня окликнули, и я, обернувшись, увидела торчащего из окна своего крутого внедорожника Валерия. Он улыбался и махал рукой. Рядом с ним на переднем сиденье сидела Настя. Отношения их день ото дня становились все крепче и крепче, хотя эта парочка все время переругивалась и ссорилась по пустякам. И, подозреваю, потом точно так же бурно мирилась. Настя все время жаловалась, что Валерий не признается ни ей, ни ее родственникам, среди которых самой яркой фигурой была лучшая подруга Фроловны — Семеновна, что является наследником очень и очень богатого папы, причем наследником единственным. Валерий искренне считал, что Настя ни о чем не догадывается, притворяясь водителем обеспеченного босса. Та же, естественно, была в курсе всего финансового положения Валерия, однако делала вид, что ничего не знает и только жаловалась мне. А Валерий столь нехитрым образом проверял Настю на чувства — что ей нужно: его деньги и положение или же он сам. На Кея насмотрелся, не иначе. Нинка, которая была в курсе, что за отношения завел ее бывший настырный поклонник, ухохатывалась и твердила, что «Бабе Яге пора в дурку на комплексное обследование и квалифицированную помощь специалистов». А Настю просто называла дурой — очень уж не любила с детства.

Судя по всему, сейчас парочка куда-то собралась — оба были пристегнуты. Однако, увидев меня, они вылезли из машины.

— Катька! Привет! — обняла меня Настя. Она загорела, что здорово оттеняло ее светлые глаза — они казались ярко-голубыми. Кажется, подруга как-то говорила, что они с Валерием полетят в Таиланд. — А мы только с моря вчера прилетели.

— Здравствуй, Катенька, — благосклонно приветствовал меня и Валерий. — Как там твой псих? — явно имел он в виду Антона. У них сложились весьма непростые отношения.

— У вас все хорошо? А то ты бледненькая какая-то, — всмотрелась в мое лицо Настя.

— Все хорошо, ребята, — улыбнулась я. — Я только с самолета. Устала немного.

Мы разговорились — хоть и жили дверь в дверь, но давно не виделись. Валерию понадобилась вода, и он пошел в магазин за углом, оставив нас вдвоем, и Настя, едва парень отошел от нас на приличное расстояние, заговорила взволнованно:

— А у нас скоро свадьба будет! Может быть, — добавила она и многозначительно хмыкнула.

— Свадьба? — искренне порадовалась я за подругу. — Здорово...

— Тише ты, — зажала мне рот ладонью подруга, оглянувшись. — Услышит еще. У Валеры не уши, локаторы.

Я улыбнулась. При мне так Валерия еще никто не называл. Только Бабой Ягой.

— В общем, он хочет мне сделать предложение, — поведала Настя, которая, как и я, еще полгода назад и не думала об отношениях. — Я подслушала его разговор с другом.

— Насть, поздравляю, — искренне сказала я. Мне и правда было радостно за этих двоих.

— Но тут есть проблема. Этот идиот так и не признается, что сыночек богатенького папочки, а все строит из себя водителя, — прошептала Настя и картинно смахнула пот со лба.

— Признается, — уверенно отозвалась я. Что в этом сложного?

— Но он и своему отцу не говорит ничего, — заговорила подруга. — Тот не знает, что Валера со мной встречается. Ну, и что жениться хочет. Ты же понимаешь, что богатые предки своих деток абы за кого не отдадут. Кому нужен мезальянс?

Я медленно кивнула. А ведь и верно. Родитель Валерия — человек далеко не бедный и, как я понимаю, властный. Разрешит ли он единственному сыну связать жизнь с Настей? Нет, она хорошая, верная, понимающая, хозяйственная и действительно любит Валерия, но... Есть ли его отцу до этого дело?

— И что вы будете делать? — спросила я.

— Не знаю, — вздохнула Настя. Глаза ее воинственно сверкнули. — Но я собираюсь за него бороться. И точка.

Знала бы я, что скоро мне придется повторить эти слова...

— Все будет хорошо, Насть, — коснулась я плеча подруги.

— Молчи, тихо, — в панике зашептала она. — Он идет.

И подруга стала громко и несколько наигранно обсуждать сплетни о соседях из тридцать пятой.

Валерий был столь любезен, что помог донести сумку до двери, хотя я просила его не делать этого, а после вместе с Настей они исчезли в лифте: оба веселые, загорелые, чем-то неуловимо по духу похожие друг на друга.

Если они женятся, я буду за них только счастлива.

Интересно, а у меня может быть свадьба?

С этими мыслями я попыталась найти ключи в сумке, но эта попытка была безуспешной, и я, плюнув на все, позвонила в дверь, за которой, почему-то перестало орать мое любимое: «Убью на хрен!» Раньше фраза звучала, когда включали свет в прихожей, теперь заменяла звонок — Томас долго не мог нормально подключить его, и ему решил помочь дядя Боря. Под его чутким руководством папа подсоединил провода. А дядя Боря потом долго хохотал. И ведь критик, бизнесмен, а ведет себя, как ребенок.

Дверь мне открыла совершенно незнакомая, среднего роста крепкая девица в черной майке и шортах, поверх которых был накинута Лешин фартук. Выглядела девица эпатажно: короткие встрепанные волосы цвета воронова крыла, многочисленные проколы в ушах и один — в носу, а также татуировка на руке в виде какого-то мифического чудовища. Лицо ее было симпатично, но своеобразно: острый взгляд карих насмешливых глаз, тонкие губы, удлинённый нос. Она была похожа на хищницу.

— Вы кто? — спросила я, не испытывая особенного удивления. В нашей квартире кого только не бывало.

— Хозяйка, — ответила девушка. Голос ее был слегка грубоватым, что было под стать внешности.

— Чего? — закрались в мою душу нехорошие подозрения. Какая еще хозяйка?

Медной горы. Дай ей по лбу железной ложкой и гони в три шеи.

— А ты кто? — поинтересовалась «хозяйка». — А-а-а, — протянула она, — сестра? Что ж, проходи, сестра, — пригласила она меня в собственный дом. И я зашла.

— Сестра? — подняла я бровь, ставя сумку на пол. — Вы что, из церкви?

Вот только религиозных деятелей, зовущих всех подряд братьями и сестрами, мне в квартире не хватало. Не то, чтобы я против — каждый верит, во что хочет, но делать из дома молельню как-то не особо хотелось.

— Из церкви? — почесала затылок девица и расплылась в улыбке. — А, мне нравится твое чувство юмора, сестра. Я тут оладушек нажарила, хочешь? — спросила она меня добродушно. В квартире действительно вкусно пахло. — Думаю, вечером мясо с картошечкой сварганить, а то вы тут голодуете.

— Вы нашим поваром стали? — разулась я и аккуратно поставила обувь на полочку. Девица весело расхохоталась.

— Из церкви, поваром... Кем ты меня еще сделаешь, а? — спросила она весело. И тут, слава богу, из кухни вырулила Нелли, на ходу что-то дожевывая.

— Онни! — бросилась она ко мне и даже обняла в порыве сумбурной нежности. — Ты как?! Как Антошка?! Понравилось в Москве?! Представляешь, а эта онни^[1] — невеста Эдгара!

— Что? — опешила я. Несколько дней назад уезжала, брат вроде бы девушек шугался, а тут уже невеста, смотрите-ка. Я так однажды приду, а он уже чей-нибудь муж. Или отец.

— Кира, — протянула мне руку девица.

— Катя, — с недоумением пожалала я ее. Рукопожатие вышло крепким.

— Знаю, — кивнула Кира.

— Кстати, Эд — атеист, — сразу сказала я. — Он верит только в себя. Ну и в искусственный интеллект.

— Ой, не могу, юмористка, — захохотала эта Кира. — У вас вся семья прикольная.

— Вливайся, онни, — широко улыбнулась перешедшая на употребление корейских словечек Нелли. — Знаешь, как она готовит обалденно! Быть тебе нашей невесткой! — заключила она торжественно, обращаясь уже к гостю.

— Что ты несешь, — вылез из своей комнаты и Эд, услышавший шум в прихожей. Выглядел он слегка смущенно — явно из-за Киры, но старался быть уверенным. Но, самое главное, в его глазах было что-то похожее на нежность. Примерно так он смотрел на свой новый системный блок, когда собственноручно собрал его, заказав какие-то жутко дорогие детали.

— Так, я не поняла, милый, ты что, не хочешь на мне жениться? — с разбойничьей ухмылкой переспросила Кира и пошла на него. Я думала, братик попятясь, но он только усмехнулся. По-взрослому! И взял ее за запястье, останавливая. Девушка лихо ему подмигнула, и Эдгар едва удержался от улыбки.

Мы с Нелли переглянулись, стараясь не засмеяться — выглядели эти двое немного нелепо, но ужасно мило.

— Жду в едальне для дальнейшего знакомства! — скомандовала Кира и утащила Нелли и Эда следом за собой.

Приведя себя в порядок и приняв освежающий душ, я направилась в кухню. Брат и сестра сидели и спорили, вернее, Нелли усиленно что-то доказывала, а Эдгар вяло отмахивался. Кира же деловито хлопотала у плиты. Она одновременно готовила оладьи, какой-то мудреный соус, что-то помещивала в двух кастрюльках сразу и резала овощи для салата. Чувствовала она себя в нашем доме вольготно, как будто бы сто лет уже готовила в этой кухне.

— Чем я могу помочь? — спросила я, чувствуя себя неловко. Кира казалась настоящим ураганом: она успевала все, умудряясь и весело болтать, и делать дела.

— Сиди, ты с дороги устала, — щедро махнула рукой девушка.

Как оказалось, прибыла она в наш дом ровно через несколько часов после моего

отъезда, вместе с сумкой, умудрившись около подъезда поругаться с Фроловной и пенсионным патрулем — видите ли, Кира стояла и курила, и дым попадал как в окна первого этажа, так и на детскую площадку. Девушкой Кира оказалась бойкой и бодро отвечала старушкам, доводя их до белого каления. Они едва не вызвали наряд полиции, однако Кира сумела пробиться сквозь пенсионный патруль и попасть в подъезд вместе с кем-то из жильцов.

Звонок в дверь стал неожиданностью для всех, кроме Эдгара, который ее ждал, но скрывал приезд. По рассказам сестры, он лично открыл дверь и привел Киру в кухню, где за философской беседой сидели Алексей, Томас, а также дядя Боря и еще несколько папиных дружков.

— Это Кира, и она поживет у нас, — объявил Эд присутствующим, и, конечно же, ему никто и слова не сказал. Папа тотчас захотел познакомиться со столь прекрасной девушкой, и любопытные гости, которым стало интересно, что творится в личной жизни затворника Эда, его в этом поддержали. Так Кира на неопределенное время осталась у нас.

Ей было чуть больше двадцати, она приехала из Владивостока и перешла на последний курс педагогического вуза, в котором училась. С Эдом они познакомились еще в марте через сетевую игру, на пати, когда единым отрядом отправились выполнять какую-то сверхсложную миссию в очередном данже. Позже их общение плавно перетекло на новый уровень — в социальные сети. А после бурных переписок и разговоров по скайпу Кира взяла и приехала к Эду. Ее с радостью разместили в нашей с Нелли комнате, на моей кровати. Девушкой она оказалась не только целеустремленной, но и хозяйственной и тотчас взяла домоуправление в свои руки, готовя ежедневно и радуя тем самым моих дорогих родственничков, которые за еду могли простить все, что угодно. Кира была девушкой брутальной, слушала тяжелую музыку, много курила, увлекалась татуировками и пирсингом и даже подрабатывала в тату-салоне. Кроме того, «гамала», занималась исторической реконструкцией и парашютным спортом. И вообще, оказалась компанейской и веселой.

В общем, не так я представляла будущую учительницу младших классов.

— А как же учеба? — поинтересовалась я удивленно.

— Учеба подождет, — отвечала бодро Кира. — Я академ взяла.

— Вот как, — улыбнулась я и попробовала наконец оладьи, — оказалось, что готовит Кира действительно здорово. Нелли и Эд уплетали за обе щеки.

— У вас какие-то серьезные намерения? — спросила я брата и его девушку. Видеть влюбленного Эдгара было непривычным делом. Но если он нашел свое счастье, я буду только рада.

И пусть это счастье живет не в нашем доме. Я за оладушки не продамся!

— Посмотрим, — отмахнулся Эдгар. Кира ему улыбнулась — несмотря на некоторую грубоватость, кажется, она неплохо относилась к брату, хоть и не проявляла нежности.

— А они вчера и позавчера спали вместе, — громким шепотом сообщила Нелли. Кира изловчилась и легонько треснула ее поварешкой по лбу. Младшая сестра начала возмущаться, но Эд сказал, что, если она не замолчит, он ее отправит жить на балкон.

— Чего вы на нее напали, — вступилась я за сестричку. — Она маленькая и, как следствие, глупая. А глупых надо жалеть.

— Онни! — взбесилась Нелька. — Когда Антон придет и у тебя от счастья глаза треугольные будут, я тебе то же самое скажу! Что от любви глупеют, а глупых надо жалеть!

— Я от любви не глупею, — попыталась возразить я, понимая, что лгу сама себе.

— Я тупею, да? — громогласно расхохоталась Нелли. Что-то она все больше и больше становится похожа на Лешу.

Наше препирательство прервал телефонный звонок, и я тотчас схватила телефон, думая, что это Антон. Номер, однако, был незнакомый.

— Екатерина? — осведомился женский холодный голос.

— Да, — с опаской, почуяв неладное, ответила я.

— Меня зовут Алла Адольская. Я — мать Антона Тропинина, которого ты, несомненно, знаешь.

Женщина замолчала, давая мне секундную возможность осмыслить ее слова.

— Что вы хотите? — спросила я пересохшими отчего-то губами. — Что-то случилось с Антоном? — вдруг подумалось мне, что с ним что-то произошло.

Внутри все сжалось от иррационального страха.

— Случилось, — подтвердила Алла. И, выдержав паузу, сообщила:

— И по этому поводу нам нужно встретиться, дорогая моя.

— Что с ним? — тотчас спросила я, ужасно нервничая. Даже дыхание стало частым и глубоким.

— Я же ясно дала понять — расскажу при встрече, — не слишком любезно ответила мать Антона.

— Когда?

— Скажем, через час. В «Белой лагуне», — назвала Алла известный ресторан, у которого была слава претенциозного модного местечка.

— Хорошо, — согласилась я тотчас. Мама Антона не спросила, смогу ли я вообще приехать в это время и в это место, как будто бы и не сомневалась в обратном. Прощаться тоже было не в ее стиле, и женщина, услышав мой ответ, просто сбросила вызов.

Я, не совсем понимая, что происходит, попыталась набрать Антона, но он все еще не отвечал. То ли был еще в самолете, то ли...

Я задержала дыхание, не замечая, как пристально на меня смотрят.

Что могло случиться? Так, Катя, выдохни. Надо подумать, понять... Если бы с Антоном что-то произошло во время полета, его мамочка не была бы столь уверена и даже нахальна.

Но чего она хочет?.. Ей не нравится, что мы вместе?.. Она до сих пор строит планы на отношения Антона и Лесковой, которую, как я поняла, Адольская мечтала увидеть в невестках.

Это было самым вероятным.

Страх, поселившийся в груди, однако, не пропадал.

— Что случилось, онни? — удивленно посмотрела на меня Нелька. Лица Эда и Киры тоже были весьма озадачены.

— Мне пора, скоро вернусь, спасибо, было вкусно, — на одном дыхании выпалила я, выбегая из кухни и бросаясь в свою комнату. Быстро переодевшись, я схватила сумку, обулась кое-как, открыла дверь и... столкнулась с Лешей, который возвращался домой во вполне благодушном настроении.

— О, Катька, — радостно сказал он, увидев меня. — Понравилась столичная жизнь? Видела, какую амазонку наш дурачок привел? — явно имел он в виду Киру.

Но я, оттолкнув дядю, бросилась к лифту, скороговоркой сообщив, что вернусь позднее и все расскажу.

— Ты куда, неблагодарная племянница? — возопил шутливо тот, но створки лифта

закрылись, и лифт, все так же тяжело покряхтывая, повез меня вниз.

До места встречи, которое располагалось в центре города, я добралась ровно за час и, боясь опоздать, бежала от остановки до самого ресторана, спрятавшегося на набережной. Дул холодный ветер, срывая золотые и багряные листья и устилая ими дорожку, по которой я бежала, чувствуя, как бьет по бедру висевшая на плече сумка. Ветер ударял прямо в лицо, с хохотом, который заменяло ему шуршание сухой листвы, трепал волосы, пробирался под одежду, но свернуть я не могла. И остановиться — тоже.

В ресторане «Белая лагуна», девизом которого явно было «Элегантность и роскошь», оказалось тепло, но стерильно, как на красивой журнальной картинке: натертый до блеска дубовый паркет, тяжелые алые портьеры, громоздкие люстры, диванчики из белой кожи, тонконогие столики из натурального дерева, картины, зеркала, вазы... Все утонченное, стильное и безликое, теряющееся на фоне друг друга. Совершенно никаких запахов. И не одного живого цветка.

— Добрый день, — приветливо улыбаясь, обратилась ко мне администратор — высокая девушка в длинном темно-синем платье с белым воротником-стойкой. — У вас заказан столик?

— Нет, но меня ждут, — объяснила я. Смекнув, кто меня ждет, администратор вежливо предложила мне раздеться в гардеробе и повела в самый конец зала, где за укромным столиком, на котором стоял лишь стакан воды, и сидела Алла Георгиевна Адольская, родная мама моего Антона. Мы никогда не встречались с ней лично, но я видела ее в квартире отца и сына Тропининых. И впечатление она на меня произвела неизгладимое.

Она была довольно высокой для женщины, статной, со светлыми, почти белыми волосами, которые ровными волнами ложились на покатые плечи. Нельзя было сказать, что Алла выглядит молодо — напротив, ее внешность соответствовала возрасту, однако женщина преподносила свой возраст с достоинством: укладка, макияж, украшения, брючный костюм, туфли на высоком каблуке — все это было подобрано умело, со вкусом. Настоящая деловая женщина с цепким взглядом и гордо поднятой головой.

Алла подняла взгляд, когда я была еще на середине зала, и смотрела на меня все то время, пока я шла к ее столику. В глазах Адольской не было презрения или ненависти. Она смотрела на меня, как человек, пришедший на деловую встречу: хладнокровно, оценивающе, обдумывая, как получить выгоду. И между бровей ее виднелась вертикальная морщинка — такая же появлялась у Антона, когда он был задумчив или хмур.

— Здравствуйте, — громко сказала я, стараясь, чтобы голос мой не дрожал, и села напротив. Здраваться маму Антона, кажется, тоже не учили.

К нам тотчас подскочила девушка-официант, которая хотела протянуть мне меню, однако Алла остановила ее повелительным жестом. В ярком свете люстр сверкнул бриллиант на указательном пальце. Всего лишь три украшения — кольцо и крупные серьги из одного комплекта, но сколько достоинства они прибавляли ее образу!

— Не надо, — сказала официанту Адольская. — Девушка скоро уходит.

Официант, откланявшись, отошла.

И мы остались наедине.

Адольская одарила меня еще одним внимательным взглядом, но я попыталась выдержать его, что далось непросто.

Нервничая, я сцепила руки на коленях.

— Итак, перейду сразу к делу, — сказала Алла.

— Что с Антоном? — слотнув, спросила я. Мне нужно было знать, что с ним все хорошо. Необходимо!

— С ним, надеюсь всей своей материнской душой, все в порядке, — краем алых губ улыбнулась Адольская. — А вот с тобой — нет.

— Со мной? — нахмурилась я. И если раньше у меня были сомнения, то сейчас я точно поняла — мать Антона против наших отношений. Точно против. Более того, она сделает все, чтобы эти неудачные с ее точки зрения отношения закончились.

Адольская не стала разглагольствовать, что я — не пара ее сыну.

Не стала кричать, что я должна оставить его в покое.

Не стала угрожать.

И даже про мезальянс не сказала.

Она просто спросила, и тон ее был обиденный:

— Сколько?

— Что — сколько? — растерялась я, сцепив руки на коленях еще сильнее — до легкой боли.

— Сколько ты стоишь, Катя Радова? — медленно спросила мать того, кого я любила.

Меня словно лицом в снег кинули. Щеки обожгло, как от удара.

— Что... Что вы говорите? — не сразу пришла я в себя.

— Ты отлично расслышала вопрос.

— Вы с ума сошли? — почти прошептала я.

— Так, девочка, давай без дерзости. И без сцен а-ля «Я его люблю до гроба, хочу быть вместе, не могу», — поморщилась Алла. — Будем говорить, как взрослые люди. Не на языке эмоций, а на языке разума. И будем логичны. Сколько ты хочешь, чтобы оставить в покое моего глупого сына?

Снег как будто бы и в горло натолкали — от переполнявших чувств какое-то время я и говорить не могла, и все во мне трепетало — и совсем не от страха.

Да как она смеет?

Я молчала, не в силах выговорить ни слова. Все те заготовленные заранее фразы, которые крутились в моей голове, пока я ехала сюда, разом пропали, оставив только красную полосу возмущения и зарождающейся праведной ярости.

— Давай повернем наш разговор в более поэтичное русло, — предложила Адольская, прекрасно понимая мое состояние. И явно считая, что сможет меня подавить.

— У тебя есть мечта? Я могу ее исполнить.

Я молчала, прикусила язык, чтобы с губ не сорвались злые слова, самым ласковым из которых было «тварь».

Ты пожалеешь о том, что сейчас говоришь мне эти слова.

— Скажу откровенно, как человек с большим, нежели у тебя, опытом, — продолжала она, приняв мое молчание за согласие. — Любовь прекрасна лишь в книгах. В жизни она длится несколько лет, а потом угасает. Медленно, но верно. Сейчас мой мальчик влюблен, без ума от тебя, Катя Радова. Но ты думала, что будет через, скажем, — ее серые, как и у Антона, глаза, задумчиво посмотрели в глянецовый потолок, — лет пять? Или десять?

Я продолжала молчать, глядя на нее, не мигая, собирая всю свою злость воедино, как огненный пазл. А Алла продолжала:

— Антон найдет другую. Ты постареешь, подурнеешь, твой юношеский пыл угаснет. Любовь потеряет всякую значимость. И *ты* потеряешь всякую значимость, — почти

насмешливо сказала она, и мне почудилось, что за этой злой усмешкой кроется нечто куда большее. — Поверь, все закончится крахом. У него будет уйма таких, как ты. Но я даю тебе шанс уйти без потерь. С гордостью. И с деньгами.

Между нами повисло напряженное молчание.

Она ждала.

— Мне не нужны ваши деньги, — разлепила сухие губы я. Перед глазами стоял туман. Он же липкими клочьями опутывал сердце.

— Ох уж этот юношеский максимализм, — понимающе улыбнулась Алла. — Дорогая моя глупая Катя Радова. Я предлагаю тебе выгодную сделку. — Жестом фокусника она вынула из сумочки банковскую карту золотого цвета и небрежно кинула ее на стол. — Тут три миллиона. Обналичишь после того, как я увижу, что ваши отношения с Антоном канули в Лету.

Мне хотелось, чтобы карточка взорвалась.

— Я, по-вашему, стою три миллиона? — сквозь зубы сказала я.

Женщина весело рассмеялась, и смех ее был противным, как и голос: высокий, с издевательскими нотками.

— А-а-а, Катя Радова хочет больше? — спросила она понимающе. — Я недооценила тебя. Пять. Тут будет пять миллионов, — глядя мне прямо в глаза, сказала она, наблюдая за моей реакцией. — *Еще* больше? То ли ты глупа, то ли слишком умна, — и она продолжила: — Мне стоило пресечь ваши отношения на корню, но я думала, что он сам оставит тебя. Наиграется, как с остальными своими куколками. А я даю тебе шанс. Остаться не только со своим достоинством, но и с неплохими бабками, — вдруг перешла она на сленг. В стальных глазах появился еще и азарт — ей было интересно, сколько я стою.

— Нет, — едва слышно сказала я, сжимая пальцы и глядя в стол.

— Что? — не расслышала Адольская.

— Нет, — громче повторила я, поднимая на нее глаза, в которых начали собираться слезы, и лишь усилие воли не дало мне заплакать — так обидно стало. Обидно за все: за нашу любовь, за себя, за Антона. Но ярость в какой-то момент вдруг перекрыла и эту жалость, и этот страх.

Невыплаканные слезы призвали ее — всю, без остатка, и она пришла, сжигая сердце и плавя душу.

— Что — нет? — с раздражением спросила Алла. — Все меряется деньгами. И твоя любовь — тоже, — уверенно заявила она.

— А материнская любовь меряется деньгами? — спросила вдруг я, чувствуя, как вся скованность срывается ветром.

Глаза Адольской наполнились гневом — в один миг.

А я не хотела робеть перед ней. Я не хотела пасовать. Я не хотела проиграть той, которая торговала чувствами. Моими чувствами. Чувствами любимого человека.

Атакуй ее! Бей по больному!

И я словно стала другой — как скала, сколько ни бей, не будет трещин.

— Я смогу собрать тысяч пятьдесят, — издевательски, зло сказала я. — наверное, хватит, да?

— Замолчи, — предупредила Алла меня.

— А скидку сделаете? — не могла успокоиться я, зная, куда бить.

— Не смей так со мной разговаривать, — предупредила меня она ледяным тоном.

— Я разговариваю с вами вежливо, — произнесли сами собой мои губы, и вдруг перед глазами все прояснилось, став четким и ярким. — Вы сказали, что у вас мало времени. А я не хочу отнимать его. И сразу говорю — у вас денег не хватит.

Ты пожалеешь за каждое свое слово.

— У тебя ума не хватает, — картинно вздохнула женщина, скрещивая руки на груди. — Этот вопрос решен. Нам нужно обсудить его стоимость. Я в последний раз повторяю: даю возможность тебе уйти с достоинством.

— Кем решен?

— Мной.

— Не имеете права, — четко произнесла я.

— Имею. Знаешь, Катя Радова, есть такие родители, которые желают счастья своим детям, — с подтекстом сказала она. — Можешь считать меня мегерой и черт знает кем еще, но только спустя годы, когда останешься у разбитого корыта, поймешь меня, — ее логика была просто пуленепробиваемой.

— Да вы просто не верите в любовь, — сказала я, чувствуя, как покалывает щеки от распирающей внутренней злости. Даже кровь по венам побежала быстрее. Стала гуще, горячее.

— Да ты что? — ехидно осведомила Алла, вытаскивая из сумочки пачку прямоугольных карточек. — А ты веришь, моя святая? А во что ты еще веришь? Во что ты будешь верить, когда твоей семье нечего будет есть? — вдруг спросила она. — Я ведь все о тебе знаю, Катя Радова. Отец — бездарный нищий художник, — кинула она на стол фото улыбающимся Томасом, руки которого были перепачканы краской. — Мать бросила и живет в свое удовольствие в Индии, — фото мамы, которая давно стала чужим человеком, появилось на столе: она была предельно серьезна и собрана, глядя куда-то вдаль. — Брат — геймер, сидящий на шее у отца. Как и ты, — на стол полетело фото Эдгара, а следом — Алексея. — Дядя — повеса и жигало.

Меня изнутри теперь обожгло холодом, крылья бабочек заledenели и стали острыми, как иглы.

— Вы забыли сестру, — сказала я дрожащим от злости голосом.

— С точки зрения финансового обеспечения твоя сестра слишком мала, я не брала ее в расчет, — парировала Алла.

— Я не ударю вас и не вылью на вас бокал с водой только потому, что вы — мама Антона, — выдохнув, чтобы не сорваться, произнесла я, а та, не обращая внимания на меня, сказала:

— Что будет, если твои дорогие родственники все потеряют? Отец не сможет продавать картины и выставлять их в галереях. Маленький бизнес дяди закроется. Ты сама будешь содержать свою чудную семью?

— Замолчите! — воскликнула я.

Господи, как удержаться, чтобы не оскорбить ее в ответ?

— О чем ты думала, дура, когда к моему сыну привязалась, — вдруг другим — жестким, хлестким голосом заговорила Алла, и сама словно изменилась: взгляд ее стал хищным, опасным. Только такие железобетонные люди могут устоять в большом бизнесе. — Кто он. И кто ты. Думала, приберешь к ручкам богатого мальчика? Да я таким охотницам, как ты, головы откручивала. Мезальянса не позволю, — поставила она точку. Но я перерисовала ее в запятую.

— Вас никто не спрашивает. Что бы вы ни говорили, какую чушь ни несли — у нас с Антоном все серьезно. А любовь покупают только те, кто сам не любил. Не думали об этом?

— Не ценишь ты благополучие семьи, ох, не ценишь, Катя Радова, — притворно вздохнула Алла.

Праведная ярость не отступала. Краски и очертания предметов стали столь ярки, что блеск бриллианта на ее пальце слепил глаза. Мне хотелось оттащить ее за волосы и кинуть лицом в грязь.

Почему она так поступает с Антоном?

Разве может мать так себя вести?

Любит ли она своего сына?

И какого из?.. А какого — ненавидит?..

И меня понесло, и иглы заледеневших крыльев бабочек кололи внутри до самой крови, но снаружи я была скалой, утесом, тем, что нависает над морем, застыв в воздухе. Молчание стало невозможным испытанием.

— Это вы... — я выдохнула, приказала себе собраться и продолжила. — Вы не цените того, что имеете. Не цените вашего сына. Не цените его таланта. Но знаете, есть тысячи людей, которые ценят его куда больше, чем родная мать. У меня в душе, — я коснулась левой стороны груди ладонью, — сейчас все горит. Ломается. Я не понимаю, я совсем не понимаю. Как мать может продавать сына? Неужели матери плевать на его счастье? Вы так ненавидите Антона? Он ведь ваш ребенок, а вы, ничего не зная и ни в чем не пытаясь разобраться... — я набрала воздуха. — Не зная ничего, вы пришли и решили, что я — охотница за его деньгами. Боже! Да плевать мне на его деньги, на ваши деньги! Я люблю его, просто люблю, ни за что люблю и за все люблю, вопреки всему люблю, — голос мой звенел от ярости. — А вы... Вы говорите такие страшные вещи, что кажется, будто Антон для вас ничего не значит. Как будто бы он ваша игрушка: захотела — купила, захотела — выбросила. Если бы вы хоть что-то знали, если бы вы интересовались его жизнью, вы бы так не говорили. Вам бы было известно, что я полюбила его, не зная, кто он и какой у него счет в банке.

Я замолчала.

— Выговорилась? — цепкий взгляд серых глаз обжег меня. — Так утомительно общаться с такими, как ты — идейными. Глупее вас нет.

— Вы его ненавидите? За что? — спросила я прямо.

Алла закатила глаза.

— Я же просила. Говорим на языке разума. С моим сыном такой, как ты, не быть. Два дня, — она, как собаке, резко бросила мне через стол визитку, которая упала на пол. — Семь миллионов или проблемы. У тебя и твоих родственников. А я мастер создавать проблемы, Катя Радова, — мое имя в ее устах звучало особенно противно.

На этом она встала, глядя на меня сверху вниз. Без презрения, но с превосходством. Так в старину наверняка смотрели знатные аристократы на своих подневольных крестьян.

— На короткое будущее — такими речами ты меня не возьмешь, дорогая моя девочка. Мне плевать на слова. И бесплатный совет: знай свое место, — на этом она покинула меня, и, громко цокая каблуками дорогих туфель, удалилась.

А я осталась сидеть, глядя в одну точку. Ярость улеглась с ее уходом, оставив такой дикий беспорядок в душе.

Перед глазами вновь все начало плыть, и дрожь в руках усилилась. Казалось, будто я попала в невесомость и не сижу сейчас на диванчике в ресторане, а застыла в разбитом

воздухе.

Как она может так поступать?

Кто она такая, чтобы отбирать мое счастье?

Мерзкая стерва. Я должна найти на нее управу. Я должна, должна...

...должна. Но кто я и кто она?

— Все в порядке? — подошла ко мне девушка-официант, которая наверняка что-то слышала из нашего разговора. — Может быть, воды?

— Нет, спасибо, — мотнула я головой.

— Вы правильно ей сказали, — тихо произнесла вдруг она, перестав видеть во мне гостя заведения. — Не продавайте, если любите.

— Я не собираюсь, — шепнула я с трудом — голос пропал.

— Простите. Я не хотела подслушивать, это вышло случайно, — продолжала девушка. И глаза ее были вдумчивыми и печальными — как у человека, который однажды предал и сожалеет.

— Все в порядке, — слабо улыбнулась я.

Она вернула улыбку.

— Они думают, что деньги дают им власть. Но на самом деле их деньги — их бессилие.

Девушка все-таки принесла мне стакан холодной воды с кубиками льда, и я, глядя на них, вспоминала рассказ Антона о детстве, о том, чего его лишила мать, о том, что требовала, о том, как она к нему относилась. Немудрено, что такая мать, как Алла Адольская, сделала из доброго, милого Антона жесткого и циничного Кея.

Что же делать?..

Ответ на вопрос пришел тогда, когда я сделала последний глоток воды.

Он был прост: нужно поговорить с отцом Антона. А ведь Олег Иванович намекал мне — если будут проблемы, обращаться к нему: семья их довольно сложная. Может быть, заранее знал, что Алла может так поступить?

И я, с трудом нашарив в сумке телефон, набрала Олега Ивановича, который предусмотрительно оставил свой номер в ту нашу первую и последнюю встречу.

Трубку он поднял не сразу. Я уже хотела отключиться, как услышала его голос.

— Слушаю.

— Здравствуйте, это Катя. Девушка Антона, — взволнованно начала я. — Простите, что беспокою вас.

— А-а-а, Катя, — вспомнил меня Тропинин-старший. Его голос потеплел. — Что-то случилось?

— Случилось, — честно ответила я. — Вы можете сейчас разговаривать?

— Могу. Опиши вкратце, что произошло, — попросил Олег Иванович, и я, сбиваясь, рассказала о сегодняшней нашей встрече с Аллой Адольской. Как я и полагала, открытием это для него не стало. Отец Антона только хмыкнул в трубку.

— Мне так неловко, что я беспокою вас, — произнесла я, — но мне нужен ваш совет. Я не знаю, что делать. Мы любим друг друга. И если нам суждено расстаться, то не потому, что я продам его.

Я надеялась, что Олег Иванович поймет меня.

Но в моей голове вдруг пронеслось — а может, отец Антона считает, что бывшая жена права? Вдруг я для его сына — не пара? Хотя он так радушно отнесся ко мне в ту нашу встречу...

То были лишь слова. Но ты все равно должна использовать этот шанс.

Я не отдам Антона. Никому.

— Поступим так, — решил в это время Олег Иванович. — Сможешь приехать ко мне через часа два? Обговорим все лично.

— Да, конечно, смогу.

— Помнишь адрес?

Еще бы я не помнила!

— Тогда жду, Катя, — сказал Тропинин-старший, и мы распрощались.

Упавшую на пол визитку я все-таки не подняла. Так противно мне было к ней прикасаться.

Квартира Тропининых, обставленная в современном стиле хай-тек, из окон которой открывался чудесный вид, находилась совсем неподалеку от этого ресторана, но я не посмела прийти раньше. Выйдя на улицу, я бездумно шла по тротуару, не замечая ни ветра, ни накрапывающего дождя, ни осеннего цепкого холода. Я просто шла и думала: как же все это несправедливо. Я только нашла свою любовь. Но человек, который, казалось бы, должен хотеть счастья своему ребенку, решает это самое счастье у него отнять.

Неужели я настолько не пара Антону?

Я недостойна его?

Что мне сделать, чтобы стать достойной?

Разбогатеть? Кинуть пачки денег в лицо его матери? Осыпать ее с ног до головы золотом? Ни моя любовь, ни моя искренность, ни моя вера в него — неужели для нее это ничего не значит, и счастье Алла видит лишь в хрусте купюр и звоне монет?

Я не могла найти ответа и все шагала и шагала вперед.

Антон, который, видимо, уже вышел из самолета, звонил мне и писал сообщения в соцсети и мобильном мессенджере, но я не брала трубку и не отвечала. Не потому, что не хотела говорить с ним — напротив, я безумно соскучилась по его голосу и по его взглядам, рукам, губам, хоть мы совсем недавно расстались. Я не хотела говорить ему о том, что пытается сделать его мать. А ведь стоило бы мне ответить на звонок, я бы расплакалась и все-все-все рассказала Антону.

Но пока что он не должен был этого знать. Он должен был писать песни, работать в студии и быть счастливым.

В какой-то момент в мессенджере пришло сообщение от Кириллы — музыканта из «Лордов», что меня ужасно удивило. Я и не думала, что он напишет мне.

«Привет. Это Кирилл. Как дела, Катя?:)» — спросил он. И я ответила, надеясь, что переписка сможет отвлечь от горьких мыслей.

«Привет. Честно говоря, не думала, что ты напишешь. Дела хорошо, а как ты?»

«Вы с Нинкой классные:) Как я мог не написать? К тому же на русском со мной больше никто не общается. А дела отлично. Вечером концерт. Скоро поедem чекаться», — ответил он тотчас.

«В каком ты сейчас городе?» — из вежливости спросила я, переходя через лужу.

«Бухарест. А ты еще в Москве?»

«Нет, вернулась сегодня. Бухарест красивый? Тебе там нравится?» — спросила я, печатая озябшими на ветру пальцами.

«Отели всего мира одинаковы», — сообщил он и поставил забавный смайлик.

«А погулять по городу тебе не хочется?» — поинтересовалась я.

«Мне хочется, чтобы меня оставили в покое фанаты:» — самодовольно признался Кирилл. — *«Черт знает, как свалить из гостиницы. Они всюду!»* — теперь он отправил рыдающий смайл. Мне бы его проблемы.

«И ты совсем не волнуешься перед концертом?» — спросила я. У Антона тоже спрашивала. Он — не волновался. Не боялся выступать перед публикой. Скорее, ждал начало выступлений, чтобы полностью раствориться в музыке и в чужих сердцах.

«Нет. Это моя работа:» Катя, *«что-то случилось?»* — вдруг спросил он, поняв, видимо, что со мной что-то не так.

«Мне кажется, небо падает на меня», — призналась я. И как назло, наступила в глубокую лужу.

Кирилл не стал ничего спрашивать. Написал только:

«Держись, малышка!»

Но тотчас отправил второе сообщение:

«То есть не подумай, что это флирт. Я так всегда говорю своей Гекате. Держись, чтобы ни случилось, а плакать будешь потом. Договор?»

«Договор», — ответила я. И мне стало немного легче от его простых слов на экране телефона.

Да, сначала я должна решить эту проблему, а потом смогу переживать вволю. Кричать, реветь, жаловаться.

Все верно. Сейчас — терпи.

Мы переписывались до тех пор, пока Кезон не уехал на чек-саунд, жалуясь, как его, бедного, тиранит его ненаглядная Геката. И за время переписки я немного отвлеклась от мыслей и чуть-чуть приободрилась.

Хорошо, когда есть люди, которые могут поднять боевой дух и настроение, даже находясь за тысячи километров.

Два часа спустя, мокрая и дрожащая от холода, я направилась к дому Тропининых. Охрана пропустила меня без вопросов — узнала да и, наверное, Олег Иванович предупредил их.

Я остановилась около лифтов, бездумно нажимая на кнопку вызова. Когда один из них подъехал, оттуда вышла коротко стриженная черноволосая высокая девушка модельной внешности: ухоженная и красивая. Она, переписываясь с кем-то по телефону, случайно толкнула меня плечом.

— Извините, — не глядя на меня, сказала девушка, и я успела заметить яркую огромную серьгу в ее ухе — точно такие просто были и у Ниночки: этнический дизайн, выдержанный в золотистых, зеленых и голубых тонах волей-неволей привлекал взгляд.

Отец Антона уже ждал меня. Выглядел он бодро и даже как-то немного помолодевшим.

— Взял отпуск на пару дней, — пояснил мне Олег Иванович, приглашая в гостиную. Удивительно, но он, как и сын, поддерживал в квартире порядок. Конечно, несколько раз в неделю к ним приходила убираться женщина, следящая за домом, однако и в ее отсутствие ничего нигде не валялось.

Я села на диван, и хозяин квартиры предложил мне чай.

— И не отказывайтесь, Катя, — решительно сказал он. — Вы замерзли, я же вижу.

И я, пробуя осторожными мелкими глотками крепкий чай с бергамотом и не притрагиваясь к сладостям, которые Тропинин-старший достал специально для меня, поведала обо всем, что сегодня произошло.

Олег Иванович внимательно слушал и молчал.

— Мне очень неловко беспокоить вас, — сказала я после сбивчивого рассказа, — но мне больше не у кого спросить совета. Я не хочу бросать Антона. Но я боюсь, что Алла... — я закусила губу. — Что-нибудь сделает моим родственникам.

Олег Иванович задумчиво покачивал ногой. Он был так же, как и в прошлый раз, одет в рубашку с закатанными рукавами, но вместо брюк были домашние джинсы.

Мужчина молчал, словно обмозговывая что-то, а я, боясь, что он откажет мне, продолжила с неизвестно откуда появившимся пылом:

— Я понимаю, что не такую, как я, вы бы хотели видеть рядом с Антоном. Логичнее бы было предположить, что вы бы хотели видеть рядом с ним обеспеченную девушку, более целеустремленную, более образованную, более красивую, более стильную. А с ним я, — я слабо улыбнулась, грея замерзшие руки об кружку. — Но, как бы смешно это не казалось, я его люблю. А он — меня. И мы счастливы. Я не могу все бросить, даже если я не ровня ему, — на моих глазах вновь появились слезы, и я украдкой смахнула их, надеясь, что веки не покраснели.

— Глупости, — вдруг сказал Олег Иванович и поднял на меня спокойный взгляд. — Все это глупости, Катя. Мне нет дела до того, какие девушки будут рядом с моими сыновьями: лишь бы эти оболтусы были счастливы. Деньги? — он отпил из своей кружки. — Катя, я столько заработал денег, что им хватит. И внукам моим хватит. Мне смысла нет устраивать свадьбы по договору, — ухмыльнулся вдруг он, словно вспомнив что-то.

Мне нечего было ответить, но я была рада услышать его слова.

— Я вот что скажу сейчас, Катя, — произнес мужчина со вздохом. — Отцом хорошим я никогда не был — вечно работа, работа, работа... Детьми занималась Алла, в том числе и после развода. Я давал деньги, заезжал к ним раз в месяц с подарками — в общем, откупался. Нет, я их любил, но мне было некогда: бизнес, поездки, женщины — возможно, тебе, как особе юной, странно это слышать, но я говорю, как есть. С Аллой не сложилось, но появились большие деньги, а вместе с ними — большие соблазны. И я многое выпустил из виду. Много упустил. Даже не знал, что Алла запретила Антону заниматься плаваньем. А ведь это я его в детстве плавать учил — сам когда-то плавал, даже КМС получил, но не сложилось у меня с этим, увы. Зато у Антохи складывалось. И я гордился им. Думал, что мой сын добьется успехов! Ведь он унаследовал любовь к воде от меня. Но я был слишком занят работой и новой женщиной, — был предельно откровенен со мной Тропинин-старший. — И все пропустил.

Он со стуком поставил свою чашку на столик. И продолжил:

— А потом меня встречает тренер, мой старый знакомый — мы случайно пересеклись на улице — и говорит: «Олег Иваныч, зря вы так». Я спрашиваю: «Что — зря?» А он: «Зря вы так с Тохой. У него ведь могло сложиться все. Перспективы какие были! И по характеру — боец». Я сначала не понимал, Катя, а потом дошло, о чем толкует тренер: Алла забрала Антона из секции, запретила плавать. Сказала, что ему нужно заниматься и поступить в какой-то институт, чтобы заниматься семейным делом. Я, помню, приехал к ним, чтобы поговорить с Аллой, переубедить. Но дома не было никого, и я поднялся в спальню Антона. Увидел случайно тетрадь на столе, думал — школьная, решил посмотреть оценки — в кои-то веки. Открыл — а это что-то вроде дневника. Я читать-то не стал, но строки на первой странице увидел. Ему тогда сколько было? Четырнадцать? Или меньше? А он писал: «Зачем мне жить?» — Олег Иванович усмехнулся и потер лоб. По взгляду я поняла, что это

воспоминание слишком сильно повлияло на него, хоть и не было в нем ничего особенного, на взгляд многих людей.

— Мне было в три раза больше лет, чем ему, сопляку. Но я ни разу не задавался таким вопросом. Мне тогда даже страшно стало. Вдруг чего натворит? Подросток, как-никак. Мало ли что взбредет в голову. Я увез Тоху к себе, и мы серьезно поговорили. Предлагал ему вернуться, продолжить тренировки, а он сказал, серьезным таким тоном, как взрослый: «Я на соревнованиях не был. В молодежку не попадаю. Зачем мне это теперь?» С гонором он у меня, — с любовью добавил Олег Иванович. — В Адольских пошел характером. Что мать, что дядька, что Тоха, — он улыбнулся мне. — Наверное, я тогда и решил, что не буду запрещать сыновьям жить так, как они хотят. Потому что лицо той женщины, с которой я тогда обо всем забыл, толком и не вспомню, а то, что у него было написано в дневнике — помню до сих пор. И лицо его помню, и глаза. Сколько лет прошло... Если Антон выбрал вас, Катя, я ни слова не скажу. Свадьба — так свадьба. Помогу. И с Аллой помогу.

— Мне стыдно, что с этой проблемой я пришла к вам, — опустила я взгляд. И вдруг заметила на полу, у ножки круглого дивана, знакомую сине-зеленую с золотом серьгу, поняв, кто был у Тропинина в гостях. И вдруг, несмотря ни на что, Аллу стало... жаль?

А может быть, она до сих пор любит Олега Ивановича, а тот так и продолжает встречаться с женщинами, даже с девушками, ровесницами своих детей. Может быть, это и имела в виду Адольская?

Святая женщина! Уберечь тебя хотела от горькой долюшки! Еще и огромную сумму предложила.

Но несмотря ни на что, я не чувствовала к отцу Антона неприязни. С кем он встречается — его дело.

— Вы правильно сделали, — продолжал тем временем Олег Иванович. — И я рад, что вы слышали меня в тот раз — с проблемами обращаться ко мне, а не к сыну. Он может дров наломать, а я спокойненько все решу. Значит, так. Есть у меня кое-что на супругу бывшую. По ее двойной бухгалтерии. Это ее остановит. Вы с ней поговорите или я сам?

— Я, — был мой ответ.

— Вот и славно, — остался доволен моим ответом Тропинин-старший. — Сейчас принесу вам копию кое-каких документов. Вы ей при встрече покажете. Не сомневайтесь — она присмирет, уберет коготки, — сказал, отчего-то веселясь, Олег Иванович. Как будто бы предвкушал.

И правда, полчаса спустя я стояла у порога, держа в руках папку с нужными бумагами, в которых совершенно не разбиралась.

— Не бойтесь Аллу и держитесь уверенно. Может быть, она вас вообще проверяет, — напутствовал меня папа Антона, которому я была безмерно благодарна. — Не дайте себя сломать. И знайте, что я — на вашей стороне. Алла совсем выжила из ума, — посетовал он, — в юности была совсем другая. И даже очаровала моих родителей. А ведь они были против моей первой невесты, и я покорился, так сказать, их воле.

— Жалеете? — спросила я.

— Теперь уже нет. И знаете что, Катя, — сказал неожиданно Олег Иванович. — Вы красивая. Вы очаровательная. И моему оболтусу повезло вдвойне, что на него, несмотря на выкрутасы и сложный характер, польстилась такая чудесная девочка, как вы.

— Вы меня смущаете, — слабо улыбнулась я. — Это мне повезло, что у меня есть Антон.

— Какое-то слабое везение, но уж если любите друг друга...

Я промолчала, не зная, что сказать.

— Спасибо, — сказал Олег Иванович мне в спину, когда я уже оказалась в коридоре.

Я удивленно обернулась.

— За что?

— За то, что не продали моего сына.

Из дома Тропининых я выходила, уверенная в том, что смогу победить своего внезапного противника. Решить эту проблему следовало как можно скорее, потому как я чувствовала — сил, для того, чтобы держать себя в руках, у меня остается все меньше и меньше.

А Антон продолжал мне звонить — восемнадцать непринятых звонков меня испугали и рассмешили одновременно. И я все же перезвонила ему — не вытерпела. Он ответил в ту же секунду. И был зол.

— Катя! Почему не берешь трубку? — спросил крайне раздражено и взволнованно Тропинин.

— Извини, я спала и не слышала, — ответила я. Всего лишь его голос, но как тепло становится внутри.

Мое солнце.

— Где спала? — жестким голосом уточнил он. — Я звонил вам домой. Твоя сестра сказала, что ты ушла.

Порыв ветра ударил мне в лицо, откинув волосы назад.

— У Нинки спала. Пришла к ней в гости сразу после самолета и случайно заснула, — с легкой душой соврала я, точно зная, что пока ничего не разрешится, ничего не стану говорить ему о его маме.

— Тогда спи дальше, — непонятно почему обиделся он.

— Антош, — мягко позвала его я. — Не злись. Извини, что так вышло.

— Ты понимаешь, что это ненормально? — спросил Тропинин сердито. — Я посадил тебя на самолет, ты прилетела, и я не могу до тебя дозвониться. Что я должен думать, черт возьми?

— Прости, — вздохнула я, чувствуя себя неловко. Однако то, как Антон злиться, мне нравилось.

— Прости? И это все, что ты мне можешь сказать? — едва ли не скрипел Антон зубами. — Нет, серьезно?

— Я звонила тебе, когда прилетела, но ты еще был в самолете, — отозвалась я, пытаюсь оправдаться. — А потом... уснула.

— Ты уснула, а я должен сходить с ума. Не делай так больше, Радова. Всегда будь со мной на связи, — сказал он и добавил с чувством: — Ненавижу беспокоиться.

— Я люблю тебя, — сказала я невпопад.

— Не подмазывайся, — отмахнулся Антон.

— И уже скучаю.

— Неужели?.. А я думал, ты решила поиграть в свои любимые прятки, — усмехнулся он.

— В следующий раз я тебе что-нибудь станцую, — попыталась подмаслить его я. — Хочешь?

— Нет, — отрезал он и напомнил ехидным голосом: — У тебя нет пилона. А чтобы ты танцевала в клубе, я не хочу.

— Я без пилона, — успокоила его я. — Приватный танец.

Танец маленьких утят.

Постепенно Антон успокоился.

Мы разговорились, и звук его голоса меня успокаивал все больше и больше, и уже было не так страшно. Мы беседовали долго, и я уже сидела в автобусе, везущем домой, как спросила, сама не поняв, зачем:

— Скажи, Антон, — осторожно начала я.

— Антон, — пошутил он, как всегда остроумно.

— Смешно, — даже не улыбнулась я. — Ответь на вопрос. Ты бы смог обменять меня?

— Что? — не понял он. — В смысле?

— Обменять, — повторила я, спешно придумывая другую формулировку.

— Ты стала крышкой из-под кока-колы, чтобы я менял тебя на приз, детка? — осведомился Тропинин.

— Нет. Ели бы тебе сказали: твоя любовь или то, что тебе безумно дорого, что бы ты выбрал? — задала новый вопрос я, сама не зная, зачем говорю все это.

— Катя, мне не нравятся подобные вопросы. Для чего ты это сейчас говоришь? — спросил очень серьезно Антон.

— Просто в голову пришло, — ответила я, бездумно глядя на безликие дома, мимо которых проезжала.

Только сегодня утром я была с ним, в другом городе, а сейчас я одна и дома. Как это произошло?

— Тебе в голову приходят глупости, — отрезал Тропинин. Он понял, что сказал это слишком резко, и добавил, стремясь сгладить ситуацию: — Лучше бы тебе в голову приходили другие вещи. Например, прислать мне фото, которые могу видеть только я, — его голос стал вкрадчивым.

— С занятий на пол дэнс, — подхватила я его игру, чтобы он ничего не заподозрил.

— Да, можно оттуда, девочка моя, — радостно согласился Антон. — Я уже жду свой приватный танец. Может, по скайпу?

— Только вживую, милый.

Так, разговаривая с любимым человеком, я и доехала до дома.

Ни с кем разговаривать не хотелось, и я, извинившись и сославшись на головную боль, ушла в свою комнату, где долго лежала, глядя в черный потолок, заснув лишь глубокой ночью.

Проснулась я рано — весь дом еще спал — и направилась на кухню. По пути я заглянула в приоткрытую дверь комнаты брата, застав презабавную картину. Эдгар, пытаясь не разбудить обнявшую его Киру, вылезал из кровати, явно желая сесть за любимой компьютер.

Увидев меня, он, смутившись, погрозил кулаком, а я лишь махнула рукой и отправилась пить кофе. Выпью одну чашку, стану бодрой и уверенной — и позвоню Алле. Но я выпивала эту чашку и говорила себе вновь — выпью вторую и тогда позвоню. И так повторялось вновь и вновь. После четвертой мне стало плохо, и я поняла, что откладывать не стоит — кофе меня не спасет. Я не могу больше тянуть время. Чем быстрее я поговорю с Адольской, тем быстрее забуду все это, как кошмарный сон.

Когда я набрала ее номер, стрелки часов показывали ровно девять часов. Мама Тропинина ответила мне быстро, и голос у нее был бодрый — как у человека, который уже давно не спит.

— Здравствуйте. Это Катя Радова, — сказала я, оглянувшись на дверь — вдруг кто услышит этот разговор? А мне бы этого не хотелось.

— А ты все-таки оказалась немного умнее, чем я думала, — рассмеялась женщина. — Быстро позвонила. Молодец. За это накину тебе еще тысяч триста, — тотчас оскорбила она меня, но я проглотила эти слова.

— Где и когда мы можем встретиться? — только и спросила я и тотчас услышала ответ:

— Полдень. В том же месте, где и вчера, — на этом она бросила трубку.

Чего мне стоило дожидаться полудня! Из дома я выехала уже в десять утра, ни с кем не разговаривая от охватившего меня волнения. В ресторане «Белая лагуна» я оказалась уже в одиннадцать, и еще час ждала, нервничая, Аллу. Вчерашняя девушка-официант посматривала на меня странно — наверное, думала, что я согласилась-таки на предложение Адольской. Переубеждать ее я не стала.

Мать Антона появилась ровно в полдень. Зашла, как королева, в пустое еще заведение, одетая в элегантное деловое платье, сверху которого был накинут модный пиджак. Украшения она сменила: кольцо на пальце и колье на ухоженной шее — все из сдержанно-благородной платины, с яркими алыми камнями, похожими на заледеневшие кубики крови.

Алла Адольская вновь не удосужилась поздороваться — села напротив с видом триумфатора.

Но я уже не боялась ее так, как вчера.

— Люблю решать вопросы быстро, — сказала довольным голосом Алла, жестом отправляя прочь официанта. — Ты порадовала меня, включив, наконец, мозги. Считай, что сегодня ты получила счастливый билет в жизнь.

Она ничуть не сомневалась в своей победе. Была в предвкушении. Ей даже и в голову не приходило, что может быть как-то иначе.

А я, ничего не говоря, протянула ей папку с копиями документов ее двойной бухгалтерии. Алла с некоторым удивлением глянула на меня, не сразу, видимо, поняв, что это, но задавать лишних вопросов не стала — открыла папку и несколько минут изучала ее содержимое.

— Где взяла? — подняла на меня глаза мать Антона.

Я думала, с ее-то нравом она устроит истерику, начнет кричать, пугать, угрожать... А Алла просто пробежалась внимательно по строкам, поняла все вмиг и отложила документы в сторону. Только взгляд у нее был пугающе ледяным. С таким не устраивают скандалы, с таким молча и хладнокровно уничтожают.

Не бойся ее. Теперь она ничего не сможет сделать.

— Олег Иванович дал.

— Олег Иванович, — задумчиво протянула Алла, откинувшись назад, на мягкую спинку дивана. — Вот как.

— Он просил передать, что поддерживает наше с Антоном общение, — сказала я, вспомнив слова Тропинина-старшего.

— Не мудрено. Он делает все, чтобы пойти мне наперекор. К тому же питает страсть к бездарным художникам. Пытается влиться в творческую тусовку? — сама себя спросила Алла, и я не понимала: то ли сейчас она в ярости, но хорошо контролирует себя, то ли ей все равно — сделка сорвалась, но это еще не конец. — А у тебя взгляд-то оскорбленный, — вдруг с усмешкой посмотрела она мне прямо в глаза. — Я мало предложила вчера?

Теперь уже не ярость говорила во мне — а нечто другое, более спокойное, но уверенное. Огромное, словно море, верное самому себе.

Справедливость?

Ты в своем праве.

— Мало. Знаете, сколько стоит любовь? — вдруг спросила я. — Столько, сколько звезд на небе, столько и стоит. У вас бы денег не хватило. Но знаете, что по-настоящему обидно? Не то, что вы пытались меня купить. А то, как вы относитесь к своему сыну. Мне жаль Антона.

Я оставалась спокойной и — главное — убежденной в себе и своих словах. Сильной.

А Алла смотрела на меня с насмешливым интересом, с какими смотрят на маленьких детей, которые учатся ходить и падают, падают, падают...

«Ну, давай, говори, девчонка, я, так и быть, послушаю» — говорил ее взгляд, за которым, однако, скрывалось что-то еще. То, чего Алла умело не показывала.

— И да, кое-что еще. Вы хотите, чтобы он был с другой, которая ему под стать, не зная при этом, что эта другая, — явно намекала я на Алину, — затащила в постель вашего второго сына. У которого, между прочим, есть невеста, — припомнила я и милашку Дину. — И вместо того, чтобы решить эту проблему, вы создаете новую. Вы пытаетесь добить Антона. Оставьте его в покое — я прошу вас.

— Ты? Просишь меня? — сощурилась Алла. — Матушка ты моя Тереза, просить меня ни о чем не надо. Я с тебя за такие просьбы столько спрошу, что кожу придется продать, чтобы отплатить.

— Вы же его мама, — почти с отчаянием выкрикнула я.

— Не надо пафоса. Я тоже самое могу сказать и твоей матери, — не преминула отметить Алла, которая, кажется, хорошо изучила биографию моей семьи.

— Говорите, — пожалала я плечами.

— Не собираюсь терять время. Я поняла тебя и своего бывшего муженька. Оставайся с моим глупым сыночком. Но помни, Катя Радова, — ее взгляд не предвещал ничего хорошего, а слова звучали, как пророчество, — что однажды ты потеряешь свою ценность. Дешевок не любят. Подделки — не ценят.

Я молчала, стиснув зубы.

— Ты мне вчера сказала, что, дескать, я сына своего продаю. — Я вдруг поняла, что Аллу эти слова все-таки задели, только виду она не подала. — Так вот, моя милая находчивая Катя Радова. Твой Олег Иванович — не добрая феюшка с волшебной палочкой. Сегодня он тебе помог, а завтра за ненадобностью выбросит и тебя, и сыночка. Или мой сыночек тебя выбросит. Дело времени, Катюша. А яблочки от яблоньки... Сама знаешь.

Я вдруг вспомнила яркую женскую серьгу на полу квартиры папы Антона, и девушку модельной внешности, с которой я столкнулась около лифта. И мне вновь — ну что за глупости! — стало жаль эту женщину с железной хваткой.

— Если он так с вами поступал, это не значит, что любви нет, — тихо сказала я, зная, что за эти слова она меня возненавидит. Для нее это — банально, пафосно, издевательски. А для меня — истина.

— Учить меня вздумала? — приподняла бровь — прямо как Антон — Алла. — Смело.

— Вы красивая, яркая женщина, самостоятельная и умная. Вы могли бы быть счастливы в любви. А вы лелеете старые обиды, — я вновь стиснула зубы. — Так глупо.

Она, не дослушав меня, встала из-за стола.

С таким же успехом ты могла бы донести эту мысль до утюга.

— Не Катя. Катрина, — сказала я ей в спину, чувствуя, как меня отпускает напряжение. — Меня зовут Катрина.

Но Алла даже не обернулась.

Сделка не состоялась, и ей нечего было говорить.

* * *

Из ресторана Алла Георгиевна вышла в отвратительном настроении и, громко хлопнув дверью, села в автомобиль — темно-синий, представительского класса. Подумать только — эта девчонка, на первый взгляд наивная дура, ее переиграла! Взяла и обратилась к бывшему. А этот козел решил поиграть в добродетель!

Или через девчонку захотел припугнуть ее?

Как бы то ни было, освободить Антона не получилось. Не то, чтобы Алла всерьез взялась за семью Кати, но припугнуть девчонку стоило. Решила связать свою жизнь с ее сыном? Пусть знает, каково это, когда его мать — стерва. Так ведь ее окрестили и бывший муж, и сын, и сотрудники — правда, за глаза. Пусть девчонка боится за своих близких. Пусть боится обидеть Антона. И пусть не думает, что ей что-то перепадет с чужого барского стола.

Алла никак не могла ее понять.

То ли эта Радова слишком расчетлива и надеется заполучить больше, чем ей было предложено, то ли безобразно глупа и надеется на любовь и счастье. Она, Алла, в свои двадцать два такой глупой не была. Знала, что хотела и стремилась к этому.

Женщина с трудом взяла себя в руки, завела машину и поехала в офис.

По дороге она сделала три телефонных звонка.

— Алина, здравствуй, — сказала Алла обманчиво теплым голосом, уверенно держа руль. За ним она была с тех пор, как муж ушел из семьи.

— Как все прошло? — тотчас осведомилась та. Алина Лескова отлично знала о том, что делает Алла, более того, она сама подтолкнула ее к этому, рассказав, что отношения Антона и Кати стали слишком уж теплыми и тот не собирается бросать ее, как остальных своих девок. Вечно занятая Алла, наверное, долго бы еще не обращала внимание на их связь. Но к словам Лесковой прислушалась.

А теперь от Радовой узнала о том, что Лескова крутит шашни с Кириллом. Адольская не знала, правда ли, но что-то ей подсказывало, что эта девчонка с горящими от негодования глазами не станет лгать. Такие, как она, любят правду. Докапываются до нее, какой бы грязной эта правда ни была. Если это, конечно, не хорошо разыгранный спектакль по отъему их семейного капитала через Антона.

— Расскажу при встрече, — пообещала женщина. — В восемь, приезжай ко мне, милая. Поговорим.

— Приеду, — тотчас ответила девушка, которую Алла пророчила Антону в жены. Ее родители тоже были не прочь объединить семьи, вернее — капиталы. К тому же Алина нравилась Адольской — уверенная, целеустремленная и при этом — без памяти влюбленная в Антона. Идеальная жена. Но у них ничего не получилось.

— Вот и отлично, милая. Буду ждать.

Они тепло попрощались, и затем Алла позвонила своему второму сыну.

— Кирилл, ты свободен? — уже более властным тоном осведомилась она, злая, как тигр. Ладно, Антон, он всегда был не в себе, делал, что хотел, не ценя мать, но этот-то что творит? С родителями Дины уже все сто раз обсуждено, даже договоры кое-какие

подписаны. А он играет с Лесковой, как ребенок. Ладно бы, сначала женился, а затем начал ходить налево. Ребенок. Но ничего, она вправит ему мозги, куда следует.

На Дину Адольской было откровенно плевать. А вот ссориться с ее родителями не хотелось — слишком выгодной партией казалась девочка.

— Мама, что-то случилось? — рассеянно поинтересовался Кирилл и крикнул куда-то в сторону:

— Проект с правками мне на стол через два часа!

Видимо, на работе.

— Нам нужно поговорить, Кирилл, — сказала его мать. — В восемь пятнадцать жду у себя.

— Но у меня встреча, — растерялся тот, чувствуя в голосе матери недовольство.

— Перенесешь, дорогой мой, — решительно велела ему Адольская.

— Хорошо, — не понял, почему мать сердита, Кирилл, но перечить не стал, и они распрощались.

— Тебе торт шоколадный купить? — спросил он вдруг перед тем, как повесить трубку. — Я по дороге к тебе в твою любимую кондитерскую заеду.

— Купи, — улыбнулась отчего-то Алла.

Кирилл всегда был заботливым.

А вот Антон — нет. Своенравный жестокий мальчишка. Никогда ее не любил. А ведь она отдавала всю себя близнецам, пока Олег не решил, что устал от семейной жизни, и часть бизнеса пришлось брать в свои руки — тогда Алле не хотелось, чтобы ее дети в чем-то нуждались. А в то, что бросивший их Олег будет помогать — не верилось. Нет, он помогал — деньгами. А мальчишками совсем почти и не интересовался. Антон ушел к нему жить — ей в награду за заботу. Такой же, как и отец.

Третий звонок Адольская сделала бывшему мужу.

— Браво, Олег, — сказала она холодно. — Отличный ход. Долго хранишь на меня компромат?

— Ты меня достала, — с сожалением в голосе произнес мужчина. — Это не ход, это способ спасти своего сына от твоей чудовищной, невероятной глупости. Не лезь к Антону.

— Заботишься о любимом сыночке? — прошипела Алла. Только один голос бывшего супруга злил ее неимоверно.

— Я люблю своих сыновей одинаково, — отрезал Олег.

— Лицемер.

— Дура. Эгоистичная злая дура.

— Да, все твои девки — умны, — весело рассмеялась женщина. — А я одна — дура. Мне плевать на Радову, Олег, ты ведь лучше других знаешь, что сыночек пошел в тебя и мальшка Катя скоро останется одна. Но запомни одну вещь — тебе я этого не прощу.

Тот бросил трубку.

Адольская выругалась сквозь плотно стиснутые зубы.

Какая любовь? О чем твердила эта девчонка?

Чушь.

Этим же вечером у нее состоялся разговор с Кириллом и Алиной, в котором она предельно четко и ясно пояснила обоим свою позицию — она не намерена терпеть их чересчур близкое общение: у Кирилла есть обязательства перед Диной и ее семьей. Алина молча выслушала и даже улыбнулась, а Кирилл после ухода девушки устроил едва ли не

истерику.

С Алиной Лесковой он, однако, продолжил встречаться, но уже тайно. Так, чтобы мать не знала. Потому что просто так отпускать своего лже-Дракона Алина не хотела. А чувства Кирилла были слишком сильны.

* * *

Из ресторана я выходила на слабых ногах — после того, как этот чудовищный разговор был завершен, после того, как я высказала все, что думаю, этой ужасной женщине, которая волею судьбы была матерью моего Антона, после того, как она ушла, я позволила себе побыть слабой.

Я сидела, чувствуя, как дрожат расслабившиеся мышцы, как звенит в голове тревожный колокольчик, как подкатывают к глазам слезы.

Неужели это закончилось? И я смогла? Смогла отстоять свою любовь?

А сколько раз мне еще предстоит это делать?

Я закрыла лицо ладонями и заплакала беззвучно — не от того, что мне было так плохо — где-то за слоем тревоги моя душа ликовала, а от того, что эмоции во мне требовали выхода, и они покидали меня вместе со слезами: и гнев, и обида, и страх.

Девушка-официант, увидев, что я плачу, принесла мне фарфоровый симпатичный чайник с ягодно-травяным напитком.

— Успокаивающий. За счет заведения, — улыбнулась она мне, ставя рядом тарелочку с пирожным — корзиночку с воздушным кремом и кусочками фруктов.

— Спасибо, но я заплачу, — твердо сказала я.

— Вы молодец, — только и сказала официант. — Ловко вы ее.

Чай оказался душистым, корзиночка — вкусной, и мои слезы вскоре высохли. Я сидела, не веря, что выдержала это, написала сообщения Нинке, ответила на сообщение Кирилла, который вновь написал мне, думала об Антоне — сейчас он еще спал после ночи, проведенной в репетиционной.

Из кафе я вышла в умиротворенном состоянии, решив, что позвоню Антону и все ему расскажу. Он должен знать обо всем, хоть речь пойдет о его маме. Это будет справедливо. Надо только дождаться, когда мой мальчик проснется.

Едва я подумала об этом, как мой телефон отчаянно затрезвонил — звонила Нинка. Оказалось, она звонила много раз — и вчера, и сегодня. Но вчера вечером я не слышала звонков, лежа в кровати без сил, а сегодня все мое внимание забрала Адольская.

— Радова! — прорычала Ниночка. — Где тебя черти носят?!

Когда я осталась в Москве с Антоном, мы почти не общались — изредка перебрасывались сообщениями. И я даже успела соскучиться по этой сумасбродке.

— До тебя, как до президента, не дозвониться, — выговаривала мне Журавль, очень злая и возбужденная одновременно.

— Вообще-то я тебе вчера писала! Что случилось? — насторожилась я. Голос у подруги был странный.

— Что-что! Я выхожу замуж! — огорошила меня Нинка, и я, не вовремя споткнувшись, чуть не упала прямо в лужу, в которой гордыми корабликами плавали листья. Только чудо не дало мне грохнуться вниз.

— Как?! — так громко воскликнула я, что на меня обернулись люди.

— Вот так. Раком об косяк, — заявила, нервно расхохотавшись, подруга и спросила с огромным любопытством: — У вас-то что-нибудь с Блонди было? Если да, хочу все знать с самыми грязными подробностями!

— Какие подробности! — возмутилась я. — За кого ты выходишь замуж?! Ты шутишь, да?

— Не шучу, — отозвалась она легкомысленно.

— Да ладно тебе, ты меня разводишь! — не верила я.

— Ой, Радова, какие разводы. Мне не до шуточек! Расскажи лучше, как там твой Тропино...

— И за кого ты выходишь?! — громко воскликнула я, перебивая подругу. Чего-чего, а такой новости я не ожидала.

— Не скажу, — заупрямилась Нина.

— Что значит — не скажу?! — от возмущения я встала, как вкопанная, посередине дороги.

— Это было внезапно, словно ураган, — призналась Журавль.

— У тебя всегда в голове ураган бушует, — отозвалась я, не в силах поверить в услышанное. — Ты все-таки шутишь, да? — спросила я с надеждой.

— Такими вещами не шутят, — заявила Нинка. — Я сейчас к тебе приду и все-все расскажу!

— Я еще не дома, — отозвалась я.

— А где шатаешься?

— С мамой Антона встречалась, — вздохнула я. — Это Матвей, да?

Но подруга меня словно не слышала.

— И что его мамане от тебя надо было? — жутко удивилась трубка голосом Журавля.

— Не скажу, — спародировала я ее.

— Через час я прихожу к тебе, и мы обмениваемся новостями, — почти с угрозой в голосе сказала Ниночка.

— Так за кого ты выходишь? — попыталась еще раз узнать я ответ на столь шокирующий вопрос, однако подруга отключилась.

Домой я приехала с непонятно-взволнованным настроением. С одной стороны, я все еще отходила от встречи с госпожой Адольской, а с другой, мне было жутко непонятно и любопытно — что там за эти несчастные несколько дней произошло с Ниночкой, что она аж решила выскочить замуж и скрывает, за кого.

Смею предположить: за дряхлого миллионера, стоящего на пороге перехода на новую ступень существования, куда бы она его милостиво и подтолкнула.

Ниночке бы очень подошло быть вдовой-миллионершей.

Однако, как оказалось, Журавль жениха вовсе и не скрывала. Скрывали от нее.

Когда я вернулась домой, Ниночка уже приехала и сидела на кухне в компании Алексея, Киры и Эдгара. Томас до сих пор работал в студии, в поте лица трудясь над новым шедевром, и Нелька поехала отвозить ему обед.

Родственники и подруга за обе щеки уплетали солянку, весело о чем-то разговаривая.

— Всем привет, — поздоровалась я.

— А вот и наша депрессивно-компульсивная, — понабрался Леша слов от новой пассии — психотерапевта.

— Нормальная, — буркнула я, присаживаясь за стол. Нинка поймала мой взгляд и тотчас заиграла бровями. Выглядела она не как человек, который ошарашен внезапной свадьбой, а вполне довольно. Так, как будто бы у нее исполнилась мечта.

— Опять пойдешь в свою комнату сидеть и куковать или соизволишь пообщаться с родственниками? — поинтересовался дядя.

— Соизволю, — отвечала я, хотя мне хотелось быстрее уединиться с подругой в своей спальне. Однако сначала пришлось обедать, хотя кусок в горло не лез, а затем за чаем слушать рассказ громогласной Киры о том, как она училась водить машину — Эд при этом смотрел на нее крайне рассеянно и, держу пари, мечтал оказаться около любимого компа. Алексей зато не мог наумилиться — никак не мог поверить, что нашлась ненормальная, которая позарилась на его племянника.

В конце концов, я не выдержала, встала и взяла Нинку за руку.

— Нам нужно посекретничать, — объявила я и утащила упирающуюся подругу в свою комнату под удивленные взгляды родственников.

В спальне мы уселись с ногами на мою кровать друг напротив друга.

— Ну, — уставилась я на подругу вопросительно.

— Нравится мне ваша мужланка, — поделилась со мной Нинель. — Я супы терпеть не могу, а тут прям объедение. Всю кастрюлю бы сожрала. Удобно такую домработницу держать. И платить не надо.

— Рассказывай! — не выдержала я. — Что ты на сей раз удумала?!

— Ты первая! — заявила она, изнывая от нетерпения. — Что хотела от тебя мамаша, и что было с Блонди? Подробно и по порядку. Очень подробно. Показал он тебе мачизм экстра-класса?!

— Какая тебе разница? Говори, за кого собралась! — хлопнула я рукой по постели.

— Как — какая?! — возмутилась до глубины души Журавль. — Я за тебя волнуюсь, между прочим. Ты же не алло! Что там тебе мадам Тропинина наговорила? С сыночком запретила общаться? — оказалась Нинка прозорливой.

— Она Адольская, — поправила я ее устало.

— Да хоть Свинья-Подмышкина, — рубанула воздух ребром ладони Нина. — Мне все равно. Говори, что его мамаша от тебя хотела, — явно относилась к Алле без особого уважения Журавль.

Противостоять упорной Нинке — все равно, что поднять глыбу. Легче подчиниться. И я, без утайки, рассказала ей все. Реакция подруги была бурной: сначала она внимательно выслушала меня, а затем долго и ненормативно высказывала свою точку зрения, называя вслух все как существующие, так и выдуманные недостатки Аллы Георгиевны Адольской, которые принимали все более и более гипертрофированные качества. «Свинья бездарная» и «перхоть позорная» были самыми теплыми словами.

— Кул, что ты пошла к папаше Тропинина, хороший ход, подруга. Но почему ты не сказала все сразу мне?! — завершающим аккордом своей тирады возмутилась Журавль. — Я нашла бы, как сообщить этой даме, в какое место ей идти, как там быть и что там делать. Мерзавка, — прошипела она.

— Нин, — мягко осадил я ее. — Эту проблему я должна была решить сама. Я не побежала тебе жаловаться не потому, что не доверяю, а потому, что есть вещи, которые не может решить никто, кроме меня. Понимаешь?

— Понимаю, — раздраженно отмахнулась подруга. — Но это еще больше бесит. Ладно,

мамашу ты устранила. А что с Тропино? — хищно улыбнулась она. — Уложила мальчика?

Я скромно кивнула.

Кто кого...

Перед глазами замелькали обрывки воспоминаний, и я почувствовала ту упоительную болезненную нежность, которую дарили мне его губы и руки.

Нинка радостно взвизгнула.

— И как? — впился в меня ее внимательный взгляд. — Понравилось? Или заперлась в ванной и драматично рыдала?

— Я была счастлива, — тихо сказала я, цепляясь пальцами в покрывало.

— Так информативно! — закатила глаза Нинка. — Попробуем с другой стороны.

И она задала новый вопрос:

— И как он?

И выразительно поиграла бровями.

Я покраснела.

— Говори мне все! — велела подруга тоном искушенного человека.

Пришлось рассказывать. Я пыталась отделаться общими фразами, но Журавль впилась в меня, словно клещ, вытягивая слово за словом. И я, смущаясь, рассказывала, что тонула в Антоне, как в океане. И что мне не было страшно, и я не чувствовала себя — как бы верно это сказать? — грязной или испорченной, и все, что происходило — казалось мне правильным и естественным. Светлым, как солнце, таким же ярким и теплым. И что после той ночи, безудержной и наполненной искренним желанием, я стала любить его еще больше, а Антон стал еще ближе, еще дороже. Подруга внимательно слушала, хихикала, то и дело вставляла что-нибудь колкое и ехидное, а потом схватила свой телефон и, клацая по экрану длинными ногтями цвета фуксии, написала кому-то сообщение, а после показала мне.

«Поздравляю, Антоша, ты стал мужчиной!» — значилось в нем. После восклицательного знака стоял злобно скалящийся смайлик с рожками.

— Откуда взяла его номер? — оторопела я.

— У тебя, вестимо, — весело отозвалась подруга. — Давно еще к себе его номерок перекинула. Так, на всякий случай, — уточнила она.

— Замечательно, — надулась я. — А если я в твоём телефоне буду шариться?!

— Да бери, у меня от тебя секретов нет, — великодушно махнула рукой Журавль. Она была слишком большой собственницей.

— И не зли Антона, — посоветовала я Ниночке мрачно. — Не пиши ему глупости.

— Твоего певца ртом все на свете злит, он же истеричка, так что переживет. Моя девочка стала большой, — потерла в конце руки довольная Журавль, как будто бы только что выиграла миллион. А после даже смахнула несуществующую слезинку. Я закатила глаза.

— Соседи-то на вас не жаловались? — осведомилась она.

— Не жаловались, — еще больше покраснела я.

— Откуда мне знать, может, Блонди гроулом орать начинает от переизбытка чувств, — засмеялась Нина. — А ты на заднем фоне тоненько завываешь свою любовную песню.

— Хватит мне зубы заговаривать, Журавль, — свела я брови к переносице. — Что еще за выдумки со свадьбой?

— Какие выдумки, — коварство в ее голубых глазах просто зашкаливало. — Это реальность.

— В смысле? Ты... действительно выходишь замуж? — поразила я.

Журавль скромно кивнула.

И теперь уже она принялась за рассказ.

* * *

Домой Нина прилетела во вполне удовлетворительном состоянии. Да, с Гектором она потерпела неудачу и до сих пор злилась на него за то, что кумир оказался тем еще банальным козлом с гипертрофированным чувством важности. Однако с другой стороны, она все же понимала, что ее авантюра была не более чем авантюрой, и пусть лучше так, чем если бы она не выдержала мрачное тяжелое обаяние Гектора и проснулась следующим утром в его шикарном номере, а потом бы была послана прочь, выкинута, как одноразовая салфетка.

Салфеткой Ниночке быть не хотелось — она сама привыкла использовать людей. И знала, что такого позора не пережила бы. Нет, пережила бы, конечно, не побежала бы сигать с моста с вытаращенными глазами, но самооценку ее это бы сильно пошатнуло.

Кроме того, в душе девушки действительно что-то изменилось: не кардинально, вмиг, но существенно. И Нинка вдруг как-то точно поняла, что должна не просто прожигать жизнь, тусуясь в клубах, таскаясь на концерты, занимаясь шопингом и сводя с ума парней пачками. Журавль четко решила: ей нужно поставить цель и идти к этой цели, а результатами этой цели должны быть власть и деньги. Только они, по ее мнению, могли поставить на место таких, как Гектор. Что делать, Нина пока еще не знала — только лишь собиралась четко обдумать, в какую область податься и где есть перспективы. При всей своей энергичности и стремительности многие вещи она решала не наобум, а неспешно, с толком и расстановкой, скрупулезно высчитывая плюсы и минусы.

Наверное, поэтому Нинка и говорила Кате, что прощается с детством. Ей хотелось с достоинством вступить во взрослую жизнь и занять в ней высокое положение. Чтобы ни Гекторы, ни Аллы Адольские, ни кто другой не могли бы осложнять ей будущее. Игры закончились. Пришла пора добиваться своих целей.

С такими воинственными мыслями Нинка и прибыла домой в сопровождении Матвея, который молча поглядывал на свою красавицу-спутницу. Он помог донести ей вещи до самой двери и, прежде чем Нина открыла ее ключом, сказал с улыбкой:

— Отрабатывай долг, Журавль. Теперь для всех ты — моя девушка. Завтра наше первое свидание. Где и когда — сообщу утром. Будь готова, рыбка.

— Ненавижу рыбу, — сделала вид, что ее тошнит Нинка.

— Зато я люблю, — ничуть не смутился Матвей.

— А если я тебя кину? — насмешливо взглянула на него блондинка.

— Тогда твой отец узнает в лучшем виде, где ты была и что делала. На какие рок-концерты ходила и каких кабанов кадрила, — улыбнулся широко Матвей, ловя себя на мысли, что ему хочется запустить Ниночке в волосы пальцы. Было в ней что-то манящее, притягивающее его магнитом. И дело было не в ее красоте, а, скорее, в характере. Таких, как она, хотелось покорять. Матвей не зря занимался альпинизмом — покорять он любил не только горы, добираясь до вершин в полном изнеможении, но с четким осознанием, что он смог. Женщин — таких строптивых — ему нравилось покорять не меньше.

Журавль задолжала ему с детства.

И Матвей, вдруг поддавшись странному порыву, притянул ее к себе и даже поцеловал —

вернее, коснулся ее губ своими губами, за что тотчас получил кулаком в ухо, а после — и вовсе под дых.

— Ты покойник. Не смей так делать! — разъяренно прошептала Нинка, с отвращением вытирая губы тыльной стороной руки. Теперь ее действительно затошнило. Как будто бы губ коснулась мокрая губка, которой терли грязные жирные тарелки.

Матвей усмехнулся только, подумав, что все равно он своего добьется. Какой бы гордой ни была эта девчонка. Он не отступит.

— Мы ведь так уже делали, — ничуть не обиделся парень. Кажется, такое поведение Нины только заводило еще больше. — Тебе нравилось, помнишь? — в его голове всплыл эпизод в подъезде, когда летом Журавль просила притвориться ее парнем и так упоенно целовала перед синеволосым музыкантом, что у него дыхание перехватывало и хотелось утащить ее с собой в квартиру и долго не отпускать.

— Память отшибло! — крикнула Нинка. Она хотела было открыть дверь, как та сама крайне резко, как будто бы от пинка, распахнулась, едва не ударив ее по носу — изредка благородный Матвей, обладающий хорошей реакцией, успел подхватить девушку за талию и вовремя оттащить в сторону, заключив в свои объятия.

Нинка даже рассердиться на него не успела.

Из квартиры смерчем вылетел ее отец с таким зверским красным лицом, по которому ходили желваки, что у Нинки, мигом забывшей о Матвее, брови поползли на лоб. Судя по всему, дядя Витя находился в крайней степени бешенства. Челюсти плотно сжаты, рот перекошен, а из глаз разве что только искры гнева не сыплются.

— Папа, — пискнула Ниночка, испугавшаяся, что отец видел их поцелуй в глазок, однако отец на нее только рукой махнул.

— Все потом, дочь, — бросил он ей, на ходу названивая кому-то, и поспешил к лифту, где с остервенением принялся тыкать в кнопку вызова.

Следом за главой семейства Журавлей выбежал высокий тощий молодой мужчина в строгом костюме — главный юрист его компании, который одновременно с кем-то разговаривал по телефону, то и дело визгливо упоминая акции, облигации и подлых конкурентов.

Последним из квартиры спешно вышел Нинкин крестный. Дядя Саша казался самым спокойным из всех, хотя и его выражение лица было каменным, и поэтому опешившая Нинка обратилась к нему:

— Что случилось?

— Привет, милая. Все будет в порядке, — сказал крестный зачем-то и, увидев племянника, коротко спросил:

— Свободен?

— Свободен, — кивнул тот, тоже порядком удивленный.

— На машине?

— На машине.

— За мной, — приказал ему дядя. — Отвезешь кое-куда.

— Александр, нет времени! — взревел дядя Витя, который уже вместе с юристом стоял в лифте, и крестный Нинки вместе со своим племянником нырнули в лифт.

— Что за?.. — пробормотала изумленная Нинка, с кряхтением подхватила чемодан и затащила его в открытую квартиру.

Никто из родственников даже не вышел встречать ее. Только Кот, высоко подняв

угольный хвост, соизволил появиться в прихожей, боднул Ниночкину щиколотку головой и со вполне определенными намерениями покосился на элегантные ботинки на высоченных каблуках, которые девушка непредусмотрительно оставила на полу, а не поставила на полочку для обуви.

— Что за чертовщина? — вновь сама у себя спросила удивленная Нинка и направилась в гостиную, в которой пахло сердечными каплями.

В большой комнате, обставленной богато и со вкусом, было темно — свет выключен, темные тяжелые портьеры задернуты. На диване, перед овальным столиком, на котором стояла початая бутылка вина, с ногами сидела Ирка с покрасневшим носом и держала пустой бокал. Взлохмаченный Сергей мерил комнату шагами, совсем как отец, заложив руки за спину. Выглядели оба так комично, что в другой ситуации Нинка бы просто-напросто расхохоталась. Но после того, как увидела отца в бешенстве, смеяться было последним, что она хотела.

Что-то произошло.

В сердце заполз ледяной червячок нехорошего предчувствия. В доме застыла терпким смогом атмосфера безысходности.

— Что случилось? — спросила у старшей сестры Нина, встав посредине гостиной и уперев руки в боки.

— Это все. Крах. Конец, — сказала Ирка гнусавым голосом, в котором проскальзывали истерические нотки.

— Что? — не поняла Нинка, но руки у нее ослабли.

— Капут, крышка, — отчего-то неосознанно подбирала синонимичные слова на одну и ту же букву Ирка.

— Яснее, — свела брови к переносице блондинка.

— Папа разорился! — заорал Сережа, на миг останавливаясь. — Ты тупая?! Куда яснее?!

За это он тотчас получил хорошую оплеуху от мигом разозлившейся старшей сестренки, скорой на расправу. Тупой себя она никому не позволяла называть.

— Дура! — завопил Сергей, обидевшись.

— Сейчас еще получишь, — замахнулась на него Нинка, не верящая в происходящее, и брат на всякий случай отскочил подальше. — Еще раз, одаренные вы мои, четко и ясно. Что произошло?

— Тебе яснее некуда было сказано, сестренка, — расхохоталась Ирина, размахивая пустым бокалом. — Пока ты по столицам гуляла, шиковала, транжирила денежки, папа разорился! У нас теперь ни гроша. Теперь мы нищие.

— Его подставил какой-то там партнер, и у него теперь какие-то мегадолги, — встрял Сережа, вновь начав мерить комнату длинными ногами.

— Теперь мы пойдем по миру, — продолжала Ирка на одной ноте. — С нищенской котомкой. Прощайте, клубы, украшения, бренды. Прощай, счастливая жизнь! Боже, Вовка меня бросит, — вдруг дошло до нее, и в глазах старшей Нинкиной сестры появились слезы. — Зачем ему нищесбродка...

— Отец только разрешил купить мне мотик, — с непередаваемой тоской в голосе взвыл Сергей.

— Вова меня оставит...

— Нью-Йорк, прощай.

— А я хотела за него за-а-амуж...

— Квадракоптер не выкуплю....

— Да заткнитесь вы, истерички! — не выдержала Нина и топнула. — Хватит выть!

Она не могла поверить в услышанное.

Папа? Разорился?

Ее папа?

Нет, серьезно?

Как он мог?

Да нет, это все глупости. У отца все просчитано. Уж кто-кто, а он потерять свои деньги не мог. Отец знает толк в бизнесе. Он не прогорит.

Однако происходящее не было похоже на шутку.

— Теперь мы никто и звать нас никак! — не переставала Ирка. Она с протяжным всхлипом налила себе новый бокал вина, его выхватил Сережка и залпом выпил. Вместо того чтобы выговорить наглому братцу, Ирка вдруг протяжно, на одной ноте, заревела.

Сергей схватился руками за голову, бормоча какие-то ругательства.

Нинка заорала, чтобы все заткнулись.

На этом не слишком тихом и чересчур эмоциональном моменте в гостиную зашла Софья Павловна — мать почтенного семейства Журавлей. Она казалась бледной, но держалась с достоинством. Как и всегда, на ней было нарядное платье, светлые волосы уложены в прическу, а в ушках блестели жемчужины.

— Хватит, — сказала Софья Павловна твердым голосом. — Успокойтесь все.

— Мама, что делать?! — воздела руки к потолку Ирка.

— Прийти в себя, — жестко сказала ей женщина и отобрала бутылку с вином. А после обратилась ко всем троим: — Дети. В нашей семье наступили трудные времена. Нам стоит держаться вместе. И не паниковать. Всем все ясно?

— Мне не ясно, что случилось, — сказала Нина, до сих пор не до конца верящая в происходящее.

— Ма, мне в следующем году поступать! — взвыл Сергей, который раньше об этом как-то вообще никогда не задумывался. — Папа обещал отправить меня в Швейцарию. А куда мне теперь? В ПТУ?!

— Я говорила тебе учиться лучше, — сурово сжала губы хранительница очага Журавлей. — И не будем забегать так далеко. Ирина! — прикрикнула она на старшую дочь, закрывшую лицо руками и рыдающую — слезы катились по ее лицу и скатывались вниз по щеке. — Приди в себя и с достоинством прими случившееся. Отец обязательно со всем разберется, — всегда верила в супруга Софья Павловна. — И здравствуй, Ниночка, — ласково улыбнулась она дочери. — Хорошо провела время?

— Хорошо, — хмуро сказала девушка. — Мама, объясни мне, что произошло. Я должна знать.

— Я сама толком не в курсе, — медленно произнесла Софья Павловна. — Но теперь твой отец должен огромные деньги.

Почти два часа они вчетвером сидели в гостиной. Кот, который, поняв, что в семье случилось что-то важное, лежал на спинке Нинкиного кресла и, шурясь, обводил людей обеспокоенным взглядом. Софья Павловна, как могла, успокоила троих своих детей, однако видно было, что она и сама нервничает. Она же и поведала о том, что произошло.

Как поняла Нина, просто ошарашенная новостью, один из зарубежных партнеров отца, с которым тот заключил важный договор в надежде выйти на новый европейский рынок,

подставил Виктора Андреевича. Забрал деньги и скрылся в неизвестном направлении. А все обязательства по договору перед подрядчиком, а также огромный штраф легли на плечи дяди Вити. Узнав об этом, в больное место ударил и давний злейший конкурент, поджидающий подходящего момента. К тому же делами Журавля-старшего вдруг заинтересовались и налоговые органы. В общем, проблем на голову Виктора Андреевича свалилось предостаточно. И перспективы были не шибко хорошими.

Вскоре Ирина, на которую подействовало вино, уснула, а Сергей ушел в свою комнату — забыться за компьютерной игрой. И с матерью осталась только Нина, которая почти все это время молчала, поджав губы и глядя в одну точку.

Ее словно по голове мешком с мукой огрели, и сначала она не могла поверить, что ее умный и хитрый папа, который в бизнесе считался человеком прожженным, опытным, не упускающим свой шанс, смог допустить такую оплошность.

— Что делать, мам? — спросила безжизненным тоном Нина, сидя рядом с Софьей Павловной на диване.

Она привыкла, что может свободно распоряжаться деньгами. Покупать все, что хочет. Ходить и ездить, куда хочет. Обладать тем, чем хочет.

Она привыкла к деньгам.

В то, что они всего лишились за какой-то миг, не верилось.

— Мы не вернемся за черту, — слишком хорошо помнила прежние времена Софья Павловна, и голос ее был тверд. — Я продам свои украшения. Нам хватит на первое время.

Она погладила дочь по волосам и тепло улыбнулась.

— Будь сильной, Нина. Мы со всем справимся. Это бизнес — тут бывают взлеты и падения.

— Конечно, — вернула матери улыбку девушка, стараясь выглядеть уверенной и нерасстроенной, хотя на душе кошки выли, скреблись и всячески гадили.

— Верь в папу, — повторила женщина, — он со всем разберется. У нас *временные* трудности.

— Конечно, мамочка, — ответила дочь, не желая, чтобы та увидела в ее глазах отчаяние.

Его никто и никогда не увидит. Она не допустит.

— Пойду, заварю успокаивающий чай, — встала с дивана Софья Павловна, у которой на кухне была целая коллекция хороших травяных чаев.

Мать ушла, а Нинка откинулась на спинку дивана.

Все мысли о Гекторе, своем стремлении стать кем-то невероятным и влиятельным покинули ее. То, что произошло, было внезапным ударом — болезненным, но не смертельным.

Отец найдет деньги.

Или...

Девушка вдруг поняла, что может сделать.

Нинка открыла широким жестом портьеры, разрешив вечернему оранжевому солнцу ворваться в гостиную, распахнула балкон и долго стояла на холоде и смотрела вдаль.

Через час она все же решилась — подумать только, она, Нина Журавль, чего-то боялась! И набрала номер Эльзы Власовны, своей противной престарелой родственницы. Слова о завещании не давали Нине покоя. Мучили ее, изводили, вцепились острыми коготками в кожу и не отпускали. Сейчас ее семья была в такой ситуации, что она готова была, сжав зубы, не только выслушать предложение старой жабы, но и пойти ей навстречу. В который раз

притвориться ангелом, улыбаться. Быть клоуном на потеху старухе. Выполнить все капризы.

За деньги. За большие деньги. Она станет самым дорогим клоуном.

Эльза Власовна, как назло, не отвечала на звонок. И Нинка промучилась до самого утра, пока на звонок ответила дама, управляющая теткин домом, заявив, что хозяйка еще изволит почивать и проснется не скоро. И Журавль терпела до обеда, поняв, что не отступится от этого источника получить деньги. Она позвонила вновь. Одна из девушек, убирающихся у тети, сказала, что та изволит прогуливаться и попросила перезвонить вечером. Нинка ангельским голосом сказала, что обязательно перезвонит, а после того, как связь прервалась, крепко выругалась, но поделаться она ничего не могла, а потому вновь заняла выжидательную позицию.

Отец дома так и не появлялся — оставался в офисе, и мать поехала отвезить ему чистую одежду и обед. Ирка ходила по дому злая и угрюмая, с тоской поглядывая на бар, однако Софья Павловна предусмотрительно убрала оттуда все бутылки. Сергей не выходил из комнаты, погрузившись в виртуальную реальность. Обстановочка дома была угнетающей. Нина хотела занять свои мысли и время чтением серьезной литературы и пыталась вникнуть в книгу из нечитаной, но богатой отцовской библиотеки «Сто лет одиночества» — очень уж ей понравилось название. Получалось плохо.

— А я теперь жалею, что не вышла замуж раньше. За того же Игоря Васильевича, — сказала Ниночке старшая сестра, зайдя в ее комнату и сев прямо на письменный стол. — Он мне прошлым летом предлагал... Подарил кольцо на яхте. На закате. Так романтично было. А я его послала. А он недавно новый бизнес в Штатах открыл. Успешный.

Нина подняла на Ирку злой взгляд. Слушать бредни сестрички ей не хотелось. У нее на уме в последнее время было лишь удачное замужество. Нинку это раздражало.

— Если бы я заранее вышла за обеспеченного мужика, пока была возможность, я бы сейчас не осталась ни с чем, — с горечью продолжала Ирка.

— Надо было выходить, — отрезала Нина.

— Кто знал, что папа разорится, — вздохнула Ирина.

— Хватит ныть! — рявкнула на нее сестра. — Что ты заладила со своим замужеством, как курица? Скоро кудахтать начнешь, черт возьми.

— Никакой от тебя поддержки! Эгоистка! — вскочила Ирка и вышла из комнаты. Нинка вслед ей пробурчала ругательство и попыталась вновь погрузиться в книгу великого Маркеса.

Когда девушке удалось-таки связаться с Эльзой Власовной, прошли почти сутки после того, как Ниночка решилась на эту авантюру. И не сказать, что голос тетушки был счастливым. Скорее недовольно-высокомерным.

— Что нужно, двуличная моя племянница? — услышала, в конце всех мытарств Ниночка по телефону.

— Я не хотела вас беспокоить... — смиренно произнесла та.

— Побеспокоила же, — хмыкнула пожилая родственница. — У меня мало времени перед игрой в преферанс с соседними клушами и старыми болванами. Говори живее, что хотела?

Ниночка выдохнула, собрала в кулак всю свою гордость и продолжила все тем же добрым участливым голосом:

— Мне так неловко, тетя... Вы звонили в тот раз, а я так грубо ответила вам... Перебрала с вином и была не в себе... И так стыдно стало... Так совестно, что я обидела вас.

— Не знала, что у Вити дочь-алкоголичка, — насмешливо сказала Эльза Власовна.

— Нет, тетя, что вы. Я пью алкоголь крайне редко. А в тот раз действительно перебрала на празднике и отвечала неподобающе, — покаялась девушка, крепко сжимая телефон пальцами.

— Да ты не только отвечаешь, ты живешь неподобающе, — заметила тетушка. — Непозволительное поведение для юной девушки.

Она словно издевалась.

Ниночка закусила губу.

— Простите, — вновь смиренно сказала она. — Так стыдно...

— Актриса недоразвитого театра, — явно веселилась Эльза Власовна. — Я ведь вижу тебя насквозь. Что хочешь? Говори без пошлых расшаркиваний. Прямо.

— Вы говорили про наследство... — тихо сказала Нина, вдруг почувствовав себя совсем без сил. То ли бессонная ночь дала знать о себе, то ли жар от плавящейся гордости одолевал. Она никогда не думала, что будет что-либо и у кого-либо вымалывать. Тем более у проклятой жабы, которая так наломала ее с наследством.

— Наконец, родила, — гаркнула, аки ворона, Эльза Власовна и велела беспрекословным тоном: — Приходи. Завтра в восемь. Без опозданий.

— Вы же спите до полудня, — вспомнила Нинка слова домоправительницы, бравшей утром трубку.

— Не спорить, — мрачно велела ей тетка. — Опоздаешь хоть на минуту — пеняй на себя. У меня нет времени на зажавшихся девиц без мозгов.

На этом добрая родственница сбросила вызов, оставив Ниночку в душевном волнении. Хотелось задушить старую противную курицу, и обозленная до крайности девушка почти наяву видела, как та трепыхается в ее смертельных объятиях, суча ножками и разевая рот в немом крике. Только ничего поделать Нина не могла, и долго стояла в ванной комнате, держа руки под холодной водой, чтобы ничего ими не разбить.

Нина с трудом заснула, поставив будильник на пять утра, — чтобы без проблем добраться до особняка Эльзы Власовны, находящейся в элитном коттеджном поселке за городом. Ночью ей снились внезапно яркие сны — но не с сюжетами ее издевательств над наглой теткой, а совсем иные, теплые, далекие.

Она была маленькой девочкой в голубом платьице, которая гуляла по изумрудному летнему лугу, собирала ягоды в волшебном лесу, вдыхала аромат разнотравья, грела ладошки под солнцем. Была чудесным ребенком. А потом увидела, как среди деревьев мелькнуло вдруг что-то синее, что-то важное — или кто-то, — и погналась за ним, бросив на полянке корзинку с рассыпавшейся спелой земляникой. Маленькая Нина бежала так долго, что устала, запыхалась, и каждое движение в конце ее погони стало даваться нелегко. Да и лес, куда Ниночка забежала, начал меняться: воздух потемнел и стал тяжелым, грязным, тропинка исчезла, корявые деревья заграждали ей путь, пытаясь зацепить нарядное платьице с бантиками острыми ветками и цепляясь за волосы. То и дело раздавались то странные звуки, то протяжный далекий, преисполненный тоски вой, то жуткое уханье. Бежать дальше было страшно, но маленькая Нина упорно перебирала руками и ногами, как бы тяжело ей не было.

«Стой, пожалуйста, подожди!» — кричала она, но тщетно. Тот, за кем она так отчаянно мчалась, не останавливался, мелькая где-то впереди. А воздух все тяжелел и тяжелел.

Когда сил почти не осталось, лес неожиданно остался позади — она оказалась на опушке под черным мраморным небом и на пожухлой хилой траве, которой не хватало

солнца, увидела кости и оскалившийся череп провалами пустых глазниц. Над костями вился едва заметный в темноте сизый дым, как будто бы еще минуту назад кости горели.

Маленькая Ниночка зажмурилась и закричала от ужаса. И от собственного крика проснулась, запутанная в одеяле, как в коконе.

Сон не добавил Нинке оптимистичности, и еще час она просто лежала на кровати, таращась в потолок, и думала, думала, думала, становясь все злее и злее. В какой-то момент она прокралась на кухню, чтобы выхватить из холодильника что-нибудь вкусное, однако услышала, что там уже кто-то есть: оказалось, что мать. Софья Павловна сидела на стуле, включив нижний свет, положив локти на стол и думая о чем-то своем. Рядом стояли сердечные капли.

Нина не стала ее тревожить и незаметно вернулась к себе.

Уснуть удалось с трудом. А еще с большим трудом удалось проснуться спустя пару часов.

За тридцать минут до положенного времени девушка уже слонялась под мощными воротами особняка, однако по видеофону домоправительница сообщила, что ее велено пускать ровно в восемь и никак не раньше. Нина, прекрасно понимающая, что над ней издеваются, полчаса простояла у ворот, ощущая себя бедной родственницей. За городом было прохладно, к тому же пошел первый снег — как и всегда, слишком внезапный. И Ниночка, хоть и была в плаще и целомудренном черном простом платье до колена, замерзла, как суслик, мысленно поливая «проклятую крысу» помоями. Зато, когда ворота распахнулись, она мигом взлетела на территорию особняка и быстрым шагом направилась к дому, важному, как и сама Эльза Власовна. Настрой ее был решительным.

Ее проводили в знакомую просторную и чопорную гостиную, обставленную в истинно английском стиле, и даже принесли горячий кофе, к которому Нина, хоть и замерзла, но не притронулась.

«Небось яду подмешали или плюнули», — мрачно подумала она, с огромной нелюбовью осматривая гостиную: все эти вазочки, безделушки, картины, фотографии в тяжелых медных рамках, на которых Эльза Власовна была запечатлена в разные периоды своей жизни. Когда-то, почти полвека назад, если не больше, она была более чем миловидной девушкой с гордо расправленной спиной и шикарными светлыми волосами; покорительницей мужских сердец и законодательницей моды в городе. Со временем красота увяла, но не исчезла полностью, оставшись вместе с чувством стиля и врожденным достоинством. Да и взгляд остался прежним: пронзающим насквозь, хлестким, подозрительным. И привычка презрительно поджимать губы никуда не делась.

Одна из фотографий, черно-белая, особенно заинтересовала Ниночку. Судя по заднему плану, это был весенний Питер, предположительно годов пятидесятых. Нинка даже встала, чтобы лучше рассмотреть снимок.

Эльзе Власовне было лет, наверное, двадцать пять или несколько больше — определить по фото оказалось сложно. Она была одета в легкое, не лишенное элегантности платье с плиссированной, ниже колен, юбкой. На голове красовалась шляпка, на тонком запястье — замысловатый браслет. Туфли-лодочки на каблуке завершали этакий романтический образ. Вещи были явно качественные, но советского пошива.

Эльза счастливо улыбалась и смотрела на удивление тепло — но не в камеру, а куда-то влево.

«Ничего так, стильненько бабка одевалась. Как ее только за границу пускали в то

время», — подумала невольно Ниночка.

— Можешь не рыскать. Все ценные вещи я держу в сейфе. А на кухню, где хранятся серебряные столовые приборы, пускать не велю, — скрипучим голосом заявила пожилая родственница откуда-то сверху, и Журавль невольно задрала голову — на втором этаже стояла сама хозяйка дома, облаченная в длинное темно-изумрудное парчовое платье с высоким воротом, закрывающим шею. Она царственно спустилась по лестнице и села напротив внучатой племянницы в кресло, предварительно хорошенько просверлив ее острым, как шило, взглядом.

— Что стащить хотела? — ехидно поинтересовалась Эльза Власовна.

— Какие у вас смешные шутки, тетя, — потупила взор Нина, подумав про себя, что такими драгоценностями, как фоточки тетки, только подтереться можно.

— Так все воры говорят, — не успокаивалась родственница и довольно-таки ехидно поинтересовалась: — Итак, нелюбезная моя племянница, ты внемла голосу разума?

Ниночка, напялив маску невинного ангела, промолчала. Лишь улыбнулась — эту улыбку, невинно-глупую, она долго тренировала перед зеркалом.

— Слышала, Витя разорился? — продолжала Эльза Власовна, которая всегда была в курсе всех последних слухов.

— У папы некоторые проблемы, — осторожно отвечала Журавль.

— Некоторые? — расхохоталась пожилая женщина в голос. — Ты то ли тупа, то ли заразилась деликатностью. А деликатность, я тебе скажу, первая помощница лжи. Витя всегда был жадным до денег, — достаточно жестко сказала Эльза Власовна. — В итоге он потерял все, что имел. И не надо петь песни о том, что у вас все хорошо, — поморщилась она, увидев, как Нина открыла рот. — У Вити огромные долги и не менее огромные проблемы с головой. Я ведь предупреждала твоего папашу, чтобы он не связывался с этими людьми. Но жадность переборола здравый смысл, — покачала старуха убеленной сединой головой. — Впрочем, борьба была легкой. У Вити здравого смысла никогда не наблюдалось.

Нинка изумленно глянула на тетку — о таком она и не слышала.

— Что ж. Решила поправить финансовое положение семейки за счет престарелой родственницы? — с усмешкой спросила Эльза Власовна у молчавшей Нинки. За отца было обидно, но она молчала, чтобы не злить старую перечницу.

Она потерпит. Она сможет.

— Рационально, милочка, — заметила Эльза Власовна и сказала: — Я отдам тебе наследство.

Эти слова прозвучали почти торжественно. Нина взглянула на пожилую родственницу со смесью удивления и подозрительности — бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Отец тысячи раз говорил это. Что потребует старуха взамен? Отдать ей почку?

— С условием, естественно, — словно услышала внучатую племянницу Эльза Власовна.

— Каким? — спросила Нина. Горло ее отчего-то пересохло и слабо саднило. И казалось, что на лице, под глазом, лежит тонкий волос, но сколько бы девушка ни пыталась убрать его — не получалось.

— Выполнимым, — пожалала острыми плечами пожилая хозяйка дома.

— Говорите, тетя! — не выдержала девушка. Эльза Власовна пытливо взглянула ей в глаза. Она явно издевалась и находила в этом свое удовольствие.

— Что ж, не будем ходить вокруг и около, хотя мне и нравится эта игра. Помнится, этим летом твой глупый папаша заявил, что, мол, он не собирается продавать свою дочь, —

поморщилась, как от лимона, родственница. — Как будто бы я собиралась тебя покупать! У меня есть чувство собственного достоинства, и я никогда не покупала подделки. Но тогда вы ушли всей своей нелепой семьей, оставив меня в весьма затруднительном положении перед всеми этими людьми, имеющими несчастье — для меня, естественно — оказаться моими родственничками. А они — родственнички, злорадствовали, что у меня ничего не получилось! Ха! Я не я, если отступаю! — Эльза Власовна растянула губы в усмешке. — И знаешь что, немилая моя племянница?

— Что, тетя? — тихо спросила Нина.

— А я все же хочу тебя купить, дорогая подделка, — заявила безапелляционным тоном Эльза Власовна и сощурила глаза. — Что ты на меня так смотришь? Я стара, и у меня свои причуды — имею право.

Нина молчала. Она отлично знала, что жаба замыслит какую-нибудь гадость — на иное ее древние иссохшие мозги и не способны.

— Не сочти за маразм мои старческие причуды, — сказала насмешливо Эльза Власовна, соединив кончики пальцев и наблюдая за реакцией внучатой племянницы, которая сидела без движения и смотрела в одну точку на ковре под ногами. — Но я отдам наследство только в том случае, если ты, девчонка, выйдешь замуж.

Нинка поняла, что Эльза Власовна совершенно выжила из ума.

— За кого? — прямо спросила она, поняв, что пути назад нет. Замуж — не самое плохое. От супруга можно всегда избавиться.

— В тот раз кандидатура была шикарная, — улыбнулась вдруг Эльза Власовна. — А в этот... Узнаешь через месяц.

— Что? — не выдержав, воскликнула Ниночка. Воспоминание о Келле, за которого бабка сватала ее, больно кольнуло под лопаткой.

— Не ори, не дома, в привычном свинарнике, — сердито взглянула на нее Эльза Власовна. — Часть денег получишь сразу после того, как я увижу свидетельство о браке. Еще часть — когда пойму, что в вашей семье царит гармония и любовь. Третья часть — после рождения ребенка. Четвертая — после моей смерти.

— Вы шутите? — спросила потрясенная Нинка, не думавшая, что у гиены настолько заклинит мозг. У нее что, с возрастом извилины испарились?

— Твоя главная черта, милая, — глупость, — с раздражением произнесла пожилая женщина. — Ты когда-нибудь слышала мои шутки?

Нинка, переваривая услышанное, медленно покачала головой.

— Кстати, это, — Эльза Власовна взяла лист из пачки бумаг, лежащих на столике, и написала на нем весьма внушительную цифру с большим количеством нолей, — мое состояние, включая движимое и недвижимое имущество, драгоценности, антиквариат и акции. Это, — она написала еще одно число, поменьше, — то, что ты получишь через месяц. Если выполнишь мое условие, разумеется. Ясное дело, не хватит, чтобы урегулировать все те проблемы, которые сам себе создал Витя, но поможет отцу остаться на плаву. Согласна? Даю на раздумье минуту. Племянниц у меня много, а наследство — одно, — с противной усмешкой добавила она, глядя на застывшее Нинкино лицо. Та думала недолго. И спустя секунд тридцать, раскидав в голове плюсы и минусы, ответила сухо, но четко:

— Согласна.

— Вот и славно. Согласие облегчает взаимопонимание, — довольно качнула головой пожилая родственница, не зная, какие жуткие картины расправы над ней сейчас роятся в

хорошенькой головке племянницы.

— Кто жених? — только и спросила Нина.

— Интрига, — делано ласково улыбнулась ей хозяйка дома. — Внук моего хорошего приятеля. Думай так. Да и какая тебе разница? Ты ведь уже продалась, — смакуя каждое слово, пропела довольная тетка.

— Ах, как сладка месть. Любимое мое блюдо. Нечего было Вите выставлять меня на посмешище, — как-то по-детски обиженно заявила тетка. — Что мне сейчас делать? — только и спросила Нинка, сдерживаясь из последних сил, чтобы не начать душить родственницу прямо сейчас, без тщательно подготовленного плана убийства.

— Готовиться к свадьбе, — пожала плечами Эльза Власовна. — Я не требую церемонии с сотнями гостей, но свадебное платье на тебе должно быть соответствующим. Как и украшения.

— Где же я возьму деньги, если мы банкроты? — весьма ехидно вдруг поинтересовалась Журавль.

— Ну надо же, у тебя в головушке все-таки работает рычажок, включающий логику! — всплеснула руками пожилая родственница. — Сообщишь моему поверенному номер карты. Тебе переведут достаточное количество денег. А обманешь, — пригрозила тетка, — назло все наследство оставлю твоим двоюродным сестрам, — она отлично знала нелюбовь Нинки к кузинам.

Нинка проигнорировала эти слова и спросила только:

— Когда мы должны подать заявление в ЗАГС?

— Не беспокойся. Все сделает мой поверенный, — отмахнулась Эльза Власовна. — Это ведь моя игра, нелюбезная племянница, и за правила не волнуйся.

— Вы ведь несерьезно? — сказала неожиданно Нина, и маска ангела слетела на пол. Упала, треснула и рассыпалась на осколки.

— Что за странные умозаключения?

— Вы разыгрываете меня.

— Отнюдь.

— Тогда как я могу доверять вам? У нас не заключен договор. Я в глаза не видела ваше наследство, — твердо сказала Нинка. — Где гарантии, что я получу деньги, когда выйду замуж за вашего человека?

— Не веришь? И правильно, — с одобрением в голосе сказала хозяйка дома. — Мы все заверим юридически, раз желаешь быть предусмотрительной. Завтра все и обстряпаем.

Она что-то еще говорила Нинке, которая держалась, несмотря на растущую ярость в душе, и девушка только холодно кивала и соглашалась, понимая, что отступить назад не может. От нее зависит очень многое. Старая жаба выбрала слишком правильный момент, когда ее семья оказалась уязвимой, и отказываться от столь легких — и больших! — денег Журавль не собиралась, хотя выходить замуж за непонятно кого ее и не прельщало. С другой стороны, этого «непонятно кого» она всегда сможет укротить, главное — выжать побольше бабок из тетки. К тому же Эльза далеко не первой молодости. А наследство ее впечатляет. Куча родственников гадают, когда же случится день икс и можно будет без опаски зайти в роскошный особняк в чопорном английском стиле.

— Знаешь, что я ненавижу в вас? — вдруг спросила Эльза Власовна в конце их весьма экстравагантной беседы.

Нинка посмотрела ей прямо в глаза. Взгляд девушки горел ненавистью, но все слова, что

рвались у нее из груди, она проглотила, и невысказанные слова сжигали ее изнутри — до дыр.

— Вам столько всего дано, а вы прожигаете, — выплюнула пожилая родственница с отвращением. — Вам в руки дают, а вы кидаете. Подносят на блюдечке с голубой каемочкой, а вы выбрасываете. Неблагодарное племя. Что ты, что иные твои сестренки да братики. Ничего не умеете и не хотите. Ни к чему не стремитесь. Клубы, эти ваши тусовки, мода, телефоны, алкоголь, Интернет. Поколения трутней. Неблагодарные.

— А сами вы как жили? — вдруг спросила Нина, не в силах смолчать. — Вы всегда жили в свое удовольствие.

— Молчать! — взвилась старуха, рассердившись непонятно из-за чего. — Иначе не наследство получишь, наглая девчонка, а тумачков. Вон, — с раздражением кивнула она на входную дверь. — Мой поверенный позвонит тебе.

Нина ушла, не проронив больше ни слова, наступив на осколки собственной маски и не подав вида. А Эльза Власовна вдруг направилась к полочке, на которой стояли фотографии. Тут не было ни пылинки, потому что свою память грязнить хозяйка дома не собиралась и строго следила за тем, чтобы горничные убирались в гостиной дважды в день. Ее сухие пальцы взяли в крепкие еще руки фото в рамке — как раз то самое, петербургское, на которое засмотрелась Ниночка. Пожилая женщина глядела на себя в молодости странно, с сожалением и глубоко затаенной болью.

Эльза Власовна вдруг открыла рамку и аккуратно расправила фотографию — она оказалась согнутой, так, чтобы часть ее была не видна.

На второй половине черно-белого снимка был изображен молодой высокий мужчина в военной форме и с бравым выражением лица. Чем-то этот мужчина напоминал Эльзе Власовне того сумасбродного синеволового мальчишку с горящими глазами и чистым сердцем, как она была твердо уверена.

В нем не было этой глупой жажды денег, наживы, алчности, но было что-то летнее, грозное, свежее, пусть по-юношески безыскусное, но искреннее и могучее.

И взгляд у него был, как у Володи, — веселый и дерзкий.

Володю Эльза любила — всем сердцем, горячо, хоть и до последнего не желая в этом признаться. Они встречались, и он даже хотел на ней жениться, но только вот одна ссора — и она уехала, объятая пламенем гордости. А он остался в Петербурге.

Они так и не помирились. И не виделись даже. Гордость не отпускала Эльзу Власовну до последнего. А последней гранью ее была смерть, после которой уже совершенно ничего нельзя было исправить. Через год после ссоры Володя трагически погиб.

Может быть, поэтому Эльза Власовна, умудренная опытом, хоть и не без причуд, видела в Ниночке отражение себя, молодой и глупой. Гордой. Несчастливой.

Глянув с неожиданной теплотой на изображение мужчины, Эльза Власовна улыбнулась, и на миг лицо ее превратилось в юное и счастливое — совсем как на фотокарточке далеких лет.

Если бы все вернуть назад...

* * *

Нинка вышла из дома престарелой родственницы быстрой, уверенной походкой, желая

как можно дальше оказаться от этого цветущего царства маразма. Но с каждой минутой шаги ее все замедлялись и замедлялись, и, оказавшись в парке с облетевшей уже листвой, том самом, где они однажды целовались с Келлой, Нина села на лавочку. Происходящее казалось ей нелепым сном, глупым розыгрышем, пьяным бредом. Однако это была реальность — та реальность, с которой либо бороться, либо принять. Бороться Нинка не могла — не та была ситуация, но и безропотно принимать не собиралась.

Старая ведьма хочет свадьбу? Отлично, она ее получит в обмен на большие деньги. А уж как поступит она, Нина Журавль, если ее имя окажется в завещании, бабка еще узнает.

Пред мысленным взором девушки промелькнули темные кадры из «Преступления и наказания». Только в роли старухи-процентщицы выступала Эльза Власовна, а в роли Раскольникова — сама Нинка. По мнению Раскольникова старуха-процентщица оказалась слишком жадной. А по мнению Нинки двоюродная бабка — слишком глупой. А за глупость надо платить.

Ниночка захихикала нервно, представив, как на цыпочках пробирается к спальне старой жабы с топором наперевес. И эта картина показалась ей такой смешной, что блондинка вдруг, тряхнув гривой распущенных волос, расхохоталась. Проходящая мимо женщина с ребенком испуганно на нее посмотрела.

Уже в такси Ниночке в голову внезапно пришли слова Ирки о том, что надо было заранее выйти замуж за богатого человека. За кого она, Ниночка, сейчас может выйти? Кто из обеспеченных поклонников сможет дать ей больше, чем тетка?

Почему-то ей вспомнился Матвей и его липкие губы. А если женишок хуже него во сто крат? Уродов на свете полным-полно. В первую очередь — моральных.

И Нинка вдруг, повинувшись внутреннему порыву, набрала номер Матвея.

— Выйдешь за меня? — вместо приветствия спросила она.

— Ты больна? — осведомился молодой человек, который явно не ожидал подобного вопроса.

— Здорова. Ну, выйдешь? — требовательно спросила девушка.

— Нет.

— Козел, — и Нина положила трубку, не слушая, что пытается сказать ей Матвей, который планировал сегодня встретиться с ней, дабы показать друзьям, частенько вспоминающим, как эффектная блондинка разбила ему стекло в машине.

На душе девушки все так же было болезненно-весело и все так же взрывались огни; они были такими громкими, что в какой-то момент почти оглушили ее.

Однако сдаваться Ниночка не собиралась. Это было не в ее стиле.

* * *

Если сказать, что рассказ Ниночки меня впечатлил — это не сказать ничего. Я была в совершеннейшем шоке не только от того, что случилось с бизнесом дяди Вити, но и от поведения Эльзы Власовны. Да как так можно? Зачем играть с судьбами других людей? Унижать так? Пытаться лишиться счастья? Ведь она могла просто помочь попавшему в затруднительное положение племяннику — куда ей эти миллионы?!

Правильно, в могилу забрать не получится. Если только вместо земли засыпать ее деньжищами.

Зачем Эльза Власовна так забавляется с жизнью Нинки и неизвестного нам человека — внука ее приятеля, я понятия не имела. Но точно знала, что поступает она жестоко.

Кейтон, наверное, брал у бабули частные уроки.

Правда, и сама Ниночка повела себя совершенно неправильно. Взяла — и продалась, можно сказать. Но судить подругу я не спешила — кто знает, что бы я сделала на ее месте? Она поступила так, как посчитала нужным, и никто не вправе порицать ее и ее поступок.

Только за Нинку было страшно.

— И ты согласилась на свадьбу, — подытожила я со вздохом.

— Это такие деньги, Катя. За меньшее шейку сворачивали, — серьезно сказала Нина. Выглядела она, честно говоря, как обычно. Веселая, дерзкая, уверенная — ни капли жалости к себе, ни тени печали.

Вот что значит уметь держать себя в руках.

— Я знаю, но... Это дикость.

— Это способ выжить, — парировала подруга.

— Справишься? — только и спросила я.

Она тряхнула волосами. Уверенно и непринужденно.

Справится. Конечно, справится, не будь она Ниной Журавль.

Мы еще долго обсуждали случившееся, и подруга рассказала, что действительно на следующий день Эльза Власовна, ее поверенный и адвокат юридически грамотно оформили договор о передаче денег Нинке при соблюдении определенных условий. Также на карточку подруге поступила довольно крупная сумма денег, которая должна была потратиться на подготовку к свадьбе — очередная насмешка выжившей из ума женщины.

А завещание, в котором было сказано, что в случае смерти двоюродной бабки все наследство переходит к Нине Журавль — за исключением некоторых сумм, предназначенных друзьям и домоправительнице, Эльза Власовна обещала подписать только после свадьбы.

Нинка, как я поняла, все пыталась узнать, что же за жениха приготовила ей бабка, но та только отмахивалась. Видимо, посчитала, что это лучший способ унижить племянницу.

— Сказала только, что он сейчас учится за границей. Приедет позднее, — говорила мне подруга злобно. — Я уверена, что там настоящий груль.

— Что еще за груль? — невесело рассмеялась я, жалея, что совсем ничем не могу помочь Нинке.

— Грубый тролль, — нашлась она.

Некоторое время мы сидели молча. Я переваривала полученную информацию, Нинка со скучающим видом царственно отвечала на многочисленные сообщения в телефоне.

— Слушай, — вдруг серьезно спросила я, хотя должна была молчать. Подруга подняла голову. — А Келла? Как же он?

— Почему я должна о нем думать?! — взъелась вдруг Нинка.

— Он тебе нравится.

— Ошибаешься.

— Тебе с ним было хорошо, — продолжала я.

— Он меня бесил, — отрезала подруга.

— У тебя были счастливые глаза, — возразила я в пылу.

— Замолчи! — почти в отчаянии прокричала Нинка, и я поняла, что немного перегнула палку. Но отступить не хотела.

— Нин, ну признайся же, наконец, он тебе нравился. И нравится. И ты скучаешь по

нему. Ты почти не ходишь на свидания. Мало флиртуешь. Я уверена, ты думаешь о нем, — говорила я. — Нин, еще ведь не поздно...

— Хватит! — зажала уши подруга. — Катя, последний раз говорю — прекрати!

Я сердито замолчала. Когда же до нее дойдет, что ей нужен синеволосый?! Да, они оба — неуравновешенные и гордые, привыкшие, что весь мир крутится вокруг них, но я же видела, как счастливо он улыбается, глядя на Нину, как счастливо горят ее глаза, когда Келла рядом! Мне было горько за них двоих. Кто-то ищет любовь годами, а кто-то находит и отказывается от нее, боясь простить. Считая прощение за слабость.

Это несправедливо.

— Что делаем? — появилась в этот момент в комнате Нелли. — Ругаемся?

— Громко разговариваем, — мило улыбнулась ей Ниночка.

— А Кирюха тут пирог ягодный сделала, сказала позвать вас, — скороговоркой выпалила сестра. — Но если не хотите, не идите, пирог маленький, а вас много. Нелли-саме все мало, — погладила себя по животу она.

Однако, ягодный пирог заинтересовал Нинку, и она потащила меня на кухню. Там она усердно делала вид, что все хорошо: болтала, смеялась, отпускала шутки. А спустя час и вовсе засобиралась домой. Я пошла провожать ее в прихожую.

— Злишься? — спросила я со вздохом, когда дверь уже была открыта.

— Злюсь, — пнула подъездную стену Нинка.

— Извини.

Подруга вздохнула и потрепала меня по волосам.

— Ты со своим крокодилком-то счастлива? — задала она странный вопрос.

— Счастлива, — подтвердила я, вспомнив лицо Антона, и только от этого захотелось счастливо улыбаться.

— Это хорошо... — задумчиво проговорила Журавль. — А мне он так и не ответил, скотина.

— Антон, наверное, занят. Они много репетируют, — ответила я, радуясь, что Тропинин проигнорировал сообщение подруги. А то бы они и по телефону ругаться начали.

Нинка шумно вздохнула и снова пнула стену.

— С твоим папой все будет хорошо, — решила поддержать ее в который раз я.

— Конечно, — была уверена в этом Ниночка. — Я ведь найду деньги. Свадьба, все такое. Ты же будешь моей свидетельницей? — она мерзко захихикала и сбежала в распахнувшийся лифт, прежде чем я успела возразить.

А мне предстоял разговор с Антоном.

Если честно, я боялась разговаривать с ним по поводу его мамы и долго настраивалась, боясь его задеть, однако наша беседа по скайпу спустя пару часов прошла на удивление спокойно. Антон внимательно выслушал меня, не перебивая, и хоть он ничего не говорил, по его лицу я видела, как он становится все злее и злее. Я постаралась скрасить две наши встречи с Аллой, не говорила о том, каким оскорбительным тоном она разговаривала и какими мерзкими словами кидалась, говоря про мою семью. Какая-никакая, а все-таки она мать, и, думаю, Антон ее любит. Однако его реакция меня поразила.

Антон вдруг закрыл лицо ладонями и на несколько секунд застыл. А после, убрав руки, сказал тихо, глядя сквозь камеру тревожно:

— Прости, Катя.

— За что? — не поняла я.

— Отношения со мной приносят тебе только проблемы, — его немигающий взгляд немного пугал.

— Не только, — нежно улыбнулась ему я.

— Я разберусь, — отрывисто произнес Тропинин, и я видела в его глазах ярость. — Она угрожала? — задал он вопрос тоном человека, который отлично знает на него ответ. — Ее любимый метод.

— Антош, все в порядке, — мне так безумно хотелось коснуться его плеча, обтянутого черной футболкой. — Твой папа мне помог. Просто я хотела, чтобы ты обо всем знал. Такие вещи должны говорить друг другу близкие люди, а не чужие. Я знаю, что тебе неприятно слышать все это, но я не могла скрыть. Я не жалуюсь, не прошу разобраться. Я рассказываю, чтобы ты знал. Потому что доверяю тебе.

— Ты все правильно сделала, малышка, — заговорил Антон и неосознанно поднес к камере руку, будто хотел коснуться моего лица. Я заметила это и улыбнулась, а он сделал вид, что поправляет камеру.

Конечно, кто дураком хочет выглядеть?

— Даже не думай об этом. Моя мать любит устраивать подобные вещи. Продавать, покупать. Угрожать. В любом случае, я от нее не завишу. Ее деньги мне давно не нужны. И наши отношения уже как пару лет потеряли актуальность, — сказал Антон, откинувшись на спинку кресла.

— А я не собираюсь терять тебя, Тропинин. Ты мне слишком дорого дался, чтобы потерять, — с любовью в голосе сказала я.

— Не потеряешь, — пообещал он. — И скоро даже обретешь, — его губ коснулась светлая улыбка. — И мы повторим все то, что делали в отеле.

Кажется, на моих щеках появился легкий румянец.

Ах ты, Боже мой, моя скромница!

— А ты сможешь это повторить? — поддела его я. Антон ухмыльнулся.

— А ты сможешь перед этим устоять? — задал он ответный вопрос. Его взгляд был таким многообещающим, что я, не выдержав, решила его подразнить и слегка потянула ворот широкой домашней футболки вбок, оголяя левое плечо.

— Если начал что-то делать, делай до конца, — подбодрил меня Тропинин, в глазах которого появился голодный блеск. — Я не люблю многоточия, Катя, поставь точку.

Я оттянула ворот еще ниже.

— Давай дальше, — подбодрил меня Антон. Кажется, он очень заинтересовался происходящим.

Мне было несложно.

— Еще ниже, — потребовал парень, явно играя. Или это я играла с ним?

Я могла и дальше, однако мне помешали.

— Что делаем?! — раздался в камере еще один голос: веселый, зычный, принадлежащий Келле, который без стука ворвался в комнату Антона, и я спешно натянула футболку обратно.

— Хорошая девочка Катя, — синеволосый барабанщик без стеснения залез в камеру и помахал мне. — Дядюшка Келла слышал, что Кей больше не обделенный! Кейка счастливый и пишет песни!

— Пошел ты, — отпихнул его Антон, но дядюшка Келла просто так уходить не собирался.

— Побольше радуй Кейку, крошка! — орал он громко и весело. — А он будет радовать

нас!

Кей попытался оттолкнуть его подальше от камеры, но Келла не сдавался. Орал, махал рукой и радовался, как ребенок новогодней игрушке.

Кей с трудом избавился от друга, закрыв, видимо, дверь на замок, но какое-то время ударник продолжал ломиться и что-то вопить.

— Продолжим? — внимательно посмотрел на меня Антон.

— Не буду, — вздернула нос я. — Еще кто-нибудь припрется.

— Обещаю, что буду только я, — тоном змея-искусителя проговорил парень, а я поймала себя на мысли, что во мне растет какое-то безумное желание поцеловать Тропинина.

Главное, экран лизать не начни.

— Я хочу тебя, — тут он сделал выжидательную паузу и продолжил, как ни в чем не бывало, — обнять.

— Ты обещал приехать в декабре. Тогда и обнимешь.

— Может, раньше. Или позже. Расписание постоянно меняется, — поморщился досадливо Антон. Он, как и всегда, не говорил о работе, о том, как много ему приходится впахивать вместе с другими парнями из группы, и если бы я не наблюдала, как «На краю» реально работают, у меня бы вновь сложилось неправильное впечатление, что ни Антон, ни остальные ничего не делают. Так, отдыхают где-то в Берлине. Иногда записывают песенки, и только.

Антон говорил мне приятные вещи, чуть-чуть издевался, всего лишь тоном и интонацией пробуждая пока еще странные для меня желания, пытался развеселить, решив, видимо, что поступок матери слишком сильно ранил его впечатлительную девушку. А я таяла только от одного его голоса и мечтала, чтобы время пролетело скорее — только бы обнять его вновь.

Во время нашего непринужденного разговора в углу экрана замигало вдруг сообщение, гласившее, что на мою почту пришло новое письмо, и я машинально кликнула на него. Наверное, если бы я не открыла его во время разговора по скайпу, то вообще ничего не сказала бы Антону. Но он по выражению моего лица понял, что что-то не так.

— С компьютером что-то? — спросил он, подумав, наверное, что у меня что-то зависло. Когда у него что-то ломалось или начинало неправильно функционировать, Антон в момент становился раздражительным, превращаясь из Ледяного принца в ворчливую бабку, что меня всегда очень веселило.

— Мне такое странное сообщение пришло, — сказала я видимо несколько испуганно, потому что Антон совсем растерял весь свой игриво-романтический пыл.

— Что там?

— Да так...

— Покажи.

А я, растерявшись, включила демонстрацию экрана:

«Оставь в покое того, кто тебе не принадлежит. Помни, моя дорогая Катенька, что воров наказывают. Ни ты, ни Антон не будете счастливы, а вместе с вами — кое-кто еще. Вашей любви не существует».

Тут не было прямо угрозы, но пальцы мои похолодели, а в душу на цыпочках прокралось плохое предчувствие.

«Алина» — тотчас промелькнуло у меня в голове. И у Антона, видимо, тоже. Он зло

выругался, хотя при мне старался не употреблять хлестких выражений.

Я с какой-то кривой усмешкой скосила глаза на мейл, с которого пришло странное сообщение: Babajagaprotiv@nk.ru.

— Баба Яга против, — прочитала я со смешком. — Надо же, а у кого-то забавное чувство юмора.

Или его вообще нет.

— **Запрещено цензурой**, — бросил Антон с изрядной долей раздражения и взлохматил светлые волосы. — Это не может быть ваш психопат?.. — предположил он задумчиво. — Как его... Которому я не успел начистить морду. Его Демоница называла Бабой Ягой?

— Валерий? — вспомнила я бывшего Ниночкиного ухажера. — Да ну, бред! У него Настя есть. Он замуж хочет ее позвать. Да и вообще, сомневаюсь, чтобы Валерий испытывал к тебе нежную любовь, Антош. Скорее, наоборот.

Они друг друга терпеть не могли.

— Ты права, — потер он глаза.

Мы оба знали, кто мог написать это письмо.

Только один человек.

— Это она, да? — спросила я прямо, не выдержав. — Она ведь не оставила тебя в покое.

Проклятая Алина! Сидела же спокойно, но нет, решила вновь появиться на горизонте!

— Я все решу, — жестким голосом сказал Антон, у которого на душе, кажется, бушевал шторм. — Ты ведь не принимаешь это за чистую монету, Катя? — с надеждой спросил он. К плохим словам, едким комментариям и глупым сплетням он привык куда больше, чем я.

Надеюсь, мамаша Тропинина вставит звиздюлей Алиночке и Кириллу, хе-хе.

— Нет, — покачала я головой. — Просто это так странно... Почему она не оставляет тебя в покое? Между вами все кончено. У нее не получилось ничего летом. Но она все равно пытается быть с тобой. Так любит?

— Алина упертая, — устало ответил Антон.

Алина! А ведь когда-то он произносил ее имя с теплотой и нежностью.

Как и ты — имя Максима.

— Ты ведь ничего не чувствуешь к ней? — зачем-то спросила я и сама себя отругала за вопрос. Ну и зачем я это делаю?

— Не чувствую, — отрезал Антон. — Я люблю и хочу только тебя. Поняла?

Я молчала.

— Поняла? — повторил Тропинин.

Я подняла на него грустные глаза.

— Да, поняла, — тихо сказала я.

— Вот и славно. Тебе так не повезло, — склонил он голову, скрестив над ней пальцы. — С тобой рядом я. И мои проблемы.

— Проблемы есть у всех, — возразила я. — Антон, пообещай мне, что, если вдруг однажды ты полюбишь другого человека, я узнаю об этом первой. И от тебя.

Вновь вспомнились его родители. Слова Адольской. Красивая девушка, оставившая в квартире Олега Ивановича серьгу.

— Что за разговоры, Катя? — поморщился Антон.

— Пообещай, — твердо сказала я.

— Я не собираюсь любить никого, кроме тебя, — сказал он. — Или ты настолько не доверяешь мне?

— Доверяю.

— Тогда верь до конца.

Я улыбнулась, глядя на его сосредоточенное и все еще злое лицо.

— Я попрошу Эдгара помочь. Может быть, ему удастся понять, кто отправил письмо.

— Хорошо, — только и сказал Тропинин.

Мы долго еще говорили с Антоном, уже без намека на веселье, серьезно и грустно, и он не обещал мне звезд с неба, месяц под косу и самой прекрасной любви на земле. Напротив, постарался как-то деликатно спокойным голосом объяснить, какие могут быть минусы в отношениях с ним. Кроме Алины и тучи поклонниц, которые не должны были узнать о моем существовании.

Как будто бы оправдывался.

А мне это не нравилось, я горячо возражала, а он говорил, что я глупая и маленькая, как будто бы сам был большим и умным.

— Спасибо, что не испугалась ее, — сказал мне напоследок Антон.

Что я могла ему сказать на это? Только улыбнуться в ответ, жалея, что он находится от меня за тысячи километров.

* * *

После разговора с Катей Антон некоторое время приходил в себя, глядя в синее-синее небо. Чистое, приветливое, высокое.

Небо всегда напоминало ее — казалось таким же естественно-красивым и далеким. Было везде, но не давалось в руки. Играло красками, как Катя его чувствами, даже не подозревая этого. И всегда, где бы он ни находился, было над его головой.

Когда их разъединяло расстояние, Антон думал, что его небо заточили в клетку, но стоило ему увидеть ее, коснуться, прижать к себе, как оковы пали, и его личное небо стремительно разверзлось над ними.

И они оба стали небом.

От одного только воспоминания о тех нескольких днях, проведенных вместе в Москве, участилось дыхание, и сердце стало биться где-то в горле.

Антон налил в стакан простой холодной воды и выпил залпом. Вода всегда его успокаивала. Наполняла. Исцеляла.

Любовь тоже наполняла.

Антон отчетливо осознавал, что его любовь к Кате — уже не детское влечение, не юношеская безумная страсть, затмевающая разум, не взрывающее голову желание близости, а нечто совсем иное.

Глубокое. Личное. Неподвластное разуму.

Он не мог описать точно, что такое его любовь, но знал — медленно, но верно, методом проб и ошибок, он нашел *своего* человека. И странно, что когда-то он совсем не обращал на нее внимания и не знал, что она может быть такой — захватывающе-особенной.

Его берегом. Оплотом. Надеждой. Вдохновением.

В вечер встречи, когда кровь в нем кипела только от одного лишь ее прикосновения, он с трудом сдерживался, чтобы не напугать Катю, не сделать ничего лишнего, хотя каких усилий ему это стоило! В какой-то момент, когда она целовала его на улице, на лавочке, он

специально оцарапал незаметно ладонь до крови об острый край скамьи. Потому что знал — еще чуть-чуть и он просто не сможет остановиться, а Катя, кажется, не понимает его состояния. Не чувствует, как напряжена в его теле каждая мышца.

А в номере она сама захотела этого — потянулась к нему уверенно, без сомнения в глазах. По крайней мере, так казалось Антону. А еще ему казалось, что она не жалела. Он уж точно не жалел.

Царапины на его плечах заживали долго. Их увидел Келла — и, все поняв, стал хохотать и подкалывать, и они бы, наверное, точно подрались, если бы не вовремя подоспевший Андрей. Антон и не думал, что Катя может так — самозабвенно, не понимая, что ее ногти оставляют на его спине следы, отдаваться чувствам. Ее неопытность сначала умиляла его, потом стала забавлять, затем — заводить. Что было в Кате такого, что от нее сносило крышу, парень сначала не понимал. Нежность? Наивность? Искренность? Принятие его, каким бы он ни был? Химия? Надежность?

Наверное, все вместе. И уже потом он понял — она не просто принимала его, она давала ему возможность быть собой — любим. Она была его лакмусовой бумагой. Индикатором его настроения. Музой.

И она давала ему силы и вдохновение.

Была загадкой, которую он до сих пор в полной мере не разгадал.

Антон в равной степени чувствовал желание владеть и желание, чтобы владели им.

Они были наравне. Он и она. Уравновешивали друг друга — как две противоположности.

Однако то, что омрачало музыканта, было даже не расстоянием — оно не помеха, а люди — они способны на многое. Катя не знала, но с того самого момента, как Антон улетел в Берлин, Алина доставала его — звонками, сообщениями, приезжала даже как-то раз — вроде бы к брату, но ни на шаг не отходила от Тропинина. То флиртвала, то приставала, едва ли не предлагала себя, то вдруг пыталась остеречь и посылать его, становясь в присутствии бывшего просто сумасшедшей сукой. Антон смотрел на нее и думал отстраненно — а почему он вообще ее любил? Или она так изменилась, и от той дерзкой девчонки со звонким смехом, с которой он впервые попробовал все, что обычно пробуют подростки, ничего не осталось? Осталась высокомерная стерва, привыкшая подчинять и топтать?

Если сначала встречи с вернувшейся из Лондона Алиной были болезненны — из-за совместного прошлого, которое трудно было забыть, и Антон даже сомневался в своих намерениях, — то потом, после ее выходки с Катей, точно понял — прошло. Отступило. Вилку вытащили, рваный шрам остался, но больше не болит.

Забыто.

С Алиной смог совладать только Арин, который заставил ее уехать домой. И Антон был ему благодарен. Друг, казалось, прекрасно понимал его состояние, но отношения между ними все еще были с отстраненным холодком, который оба не знали как преодолеть. Рэн говорил, что им нужно вместе выпить и весело загулять, однако Антон был сосредоточен на работе.

Вторым человеком, который его беспокоил, был Кезон. Тот, кем он восхищался и кого ненавидел одновременно. Увидеть его рядом с Катей было неожиданно.

Как выстрел в сердце — в упор. Какого черта? Какого черта ему понадобилось от его девушки?

Это был он. Это точно был он, и Катя рассказала потом, смеясь, как они с Нинкой

познакомились с Кезоном — музыкантом из легендарной группы «Красные Лорды», который оказался их соотечественником. Невероятное совпадение.

Антон в совпадения не верил.

А теперь он пытается общаться с Катей по телефону — она уже успела рассказать ему, как они перекидывались сообщениями. Невинно, без намека на флирт, но все же Антону не нравилось, что его подруге пишет тот, кому до сих пор охота начистить задницу.

Кто из них отправил сообщение Кате?

Алина или?..

Или он слишком мнителен?

Но ведь кто-то присылал ему фото: сначала с байкером, который оказался девушкой, затем снимки Кати с Кезоном, который, прячась, гулял с ней по Москве.

А еще была фотография, где она сидела у него на коленях.

Видя эту чудесную картину, Антон разбил стоящую рядом ни в чем не повинную бутылку пива, принадлежащую Келле. Просто с размаху кинул ее в стену. И с тихим рычанием смахнул все со стола в приступе ярости. Келла так обалдел, что даже не стал качать права и возмущаться. Только взял из холодильника новую бутылку и посоветовал пройти лечение в психиатрическом диспансере.

Потом, конечно, Антон успокоился. Стал анализировать. Пытаться понять.

Было ясно, что кто-то специально пытается набрать компромат на Катю. Хочет, чтобы он бросил ее.

Кто?

Кезон или?..

В дверь постучались, и Антон нехотя открыл замок.

— От кого запираешься? — спросил Арин, заходя в комнату. В руке его была чашка с горячим душистым чаем — Арин всегда мерз. Он был одет просто — джинсы и футболка, впрочем, как и Антон. И не скажешь, что они — музыканты.

— Келла, — ответил фронтмен группы «На краю», и его друг и коллега кивнул — за то недолгое время, пока они жили, все свободное время проводя то в репетиционном зале, то в студии, Келла успел всех достать. Он умудрился подрасться с Рэном и перессориться со всеми, включая даже миролюбивого Фила, однако отходил горячий барабанщик быстро. И уже через час Келла дружески обнимал Рэна за плечо, разглагольствуя, как бы здорово было пойти сейчас в бар и пропустить пару-тройку кружек здешнего пива, а Рэн только молчал и злобно светил свежеполученным фонарем под глазом. Он так быстро не отходил и злился на синеволосого недели две и даже в отместку намудрил что-то с его барабанами. Правда, из-за этого у них не получилось записать одну важную партию для песни, которая в качестве сингла должна была в скором времени появиться в сети, и весь состав НК пал жертвой праведного гнева звукорежиссера, продюсера и еще доброго десятка человек.

— Что случилось? — спросил Арин.

— Вопрос. Ты знаешь об этом что-нибудь? — Антон показал другу предусмотрительно сделанный скрин Катиного экрана.

Кажется, гитарист, едва пробежав зелеными цепкими глазами по электронному письму от человека с мейлом Баба-Яга против, все понял.

— Я поговорю с ней, — твердо сказал он.

— Поговори, — медленно кивнул Антон.

Арин вышел, забыв, что хотел сказать.

Любовь вдохновляет.

Любовь прекрасна и упоительна.

У любви тысячи ликов и миллионы оттенков.

А моя выглядела устрашающе — алые хищные глаза, серебряные волосы, белоснежная кожа с черными провалами на щеках и щелью вместо рта. И у нее были симпатичные рожки, что, впрочем, моей виной не было ни в коей мере.

Любовь, поставив ногу на комбик, кричала слова о ненависти, разрухе и новом тысячелетии, где править будут живые мертвецы, а мне с трудом удавалось сдерживать умильную улыбку.

Моя любовь была прекрасна. Музыкально одарена. И артистична.

Какая же она у меня чудесная и неоднозначная!

Просто беги, куда глаза глядят, размахивая руками в стороны. Подальше от нее!

Я смотрела любительскую запись с выступления «На краю» в одном из клубов Берлина, посвященную Хэллоуину. Именно по этой причине музыканты выглядели более устрашающе, чем обычно: все, кроме Кея, были в откровенно уродливых масках цвета детской неожиданности, а он, видите ли, заявил, что в маске ему петь неудобно, поэтому над ним славно поработал гример. Если бы я столкнулась с человеком, на лице которого была такая славная боевая раскраска, особенно если бы это произошло в темном переулке, я бы унеслась прочь на сверхзвуковой скорости, вопя, как сирена.

С одеждой, впрочем, тоже был непорядок — гитаристы облачились в длинные инквизиторские балахоны цвета засохшей крови, барабанщик сидел с голым торсом, на котором блестели капельки пота — так ярко он отбивал ритм, явно кайфуя от собственной музыки. А Кейтон щеголял в сложном костюме с явными военно-милитаристическими мотивами, с эполетами, цепями, в высоких сапогах и с черной повязкой на руке, на которой скалилась чья-то морда.

«На краю» исполнили на радость собравшейся публике песни «Инквизитор», «Командир мертвой армии» и нечто с обманчиво-романтическим названием «Любовь до гроба», в которой лирический герой — съехавший с петель гробовщик — влюбился в новенькую, так сказать, на погосте, и каждый день приносил ей свежие розы, читал стихи и рассказывал о своей нелегкой жизни, а после выкопал и утащил куда-то. Видимо, строить любовь.

Откуда Антон — автор большинства текстов брал такие сюжеты, я понятия не имела, но Нинка, явно издеваясь, говорила, что с ним нужно быть аккуратнее и иметь при себе не только нож, но и телефон психиатрической бригады, а я только раздраженно от нее отмахивалась.

Но даже в таком виде и с такими песнями Кейтон мне нравился. И хотелось коснуться экрана компьютера, чтобы хоть на мгновение стать к нему ближе, но сделать этого я не могла. Рядом, как назло, примостилась вся моя семья. Этаким семейный просмотр полюбившейся телепередачи.

— Фил няшка! — верещала то и дело Нелька, которая, узнав, что Кей из «На краю» встречается с ее старшей сестрой, посчитала своим долгом стать самой-самой яркой поклонницей группы и вступить в их фан-клуб. Жертвой ее симпатий пал самый, наверное,

устрашающий из музыкантов на сцене — Филипп. В жизни — забавный плюшевый мишка с добрым характером, на сцене это был монстр, который в последнее время полюбил после каждого выступления разбивать гитару. Один раз он попытался сделать это об голову какого-то придурка, который выбежал на сцену, но того спасли быстрые ноги и охрана. Почему-то потом Фил во всем обвинил Рэна — мол, спецом его доставал, чтобы повысить уровень агрессивности. Рэн, конечно же, молчать не стал, и попытался брата задушить. Их разняли, и Арин посоветовал им сходить к семейному психотерапевту, что стало новым витком в ссоре — теперь уже между Арином и братиками. Музыканты проводили столько времени вместе, что начинали, кажется, друг друга тихо и люто ненавидеть.

— Упороться! — говорила восторженно Кира, которая до сих пор никуда от нас не съехала. Узнав, что Кей из НК — мой парень, она пришла в восторг и тут же потребовала, чтобы я достала ей автограф. А еще лучше — чтобы организовала встречу, не только с Кеем, но и со всей группой, потому как они — «свои в доску парни».

— Чудесно, просто чудесно, — вторил ей с восхищением в голосе Томас, тот еще любитель не только современного авангарда, но и тяжелого рока, психоделики и индастриала — на последнее его подсадил Кей, который, как я понимала, постепенно вносил в звучание группы и этот стиль.

Не восхищались только Леша и Эдгар.

Первый внимал веселью, которое происходило на сцене берлинского клуба, с брезгливым недоумением интеллигентного человека, зашедшего в кафе пообедать и увидевшего, что посетители едят с пола. И лишь в конце он сказал, как бы успокаивая себя:

— Зато обеспеченный.

А вот старший брат как не любил Кея, так и продолжал не любить дальше. Он смотрел на него, как на врага народа, и только что глаза не закатывал.

— А чего у Антона клыков нету? — поинтересовалась Нелька, с восторгом глядя на музыкантов, скачущих по сцене. Берлинская публика воспринимала их на удивление тепло.

— А как он тебе петь будет? — поинтересовалась Кира, которую мы с легкой руки сестренки начали звать Кирюха или Кирюша. — Шепеляво?

Нелли захихикала.

— А мне нравятся рога зятка, — заявил Алексей, скрестив руки на груди. — Так сказать, предвосхищает поступки Катьки, — и он подмигнул мне. Дядя считал, что постоянные отношения — это дико скучно. И даже очередная брошенная им дамочка, которая едва не сломала нам дверь, его в этом не переубедила.

— Если ты не знаешь, что такое верность, не стоит свою точку зрения перекладывать на других, — заявил тотчас Томас.

— Можно сказать, ты у нас моногамный, — хмыкнул его младший брат.

— Слова-то какие выучил, посмотрите-ка!

— Вообще-то, я интеллектуально подкованный, — заявил дядя.

— О! Если таких, как ты, теперь называют интеллектуально подкованными, то мне жалко человечество, — жалостливо сказал папа, искренне считающий, что современная культура держится на плечах таких, как он, борцов за искусство.

— Себя пожалей, — не остался в долгу Леша. — А еще лучше нас.

И они принялись спорить, мешая мне смотреть концерт дальше. Нет, фанаткой музыки «На краю» я не стала, но разве это мешает мне любить Антона и уважать дело его жизни?

Нет.

Конечно, мне бы хотелось видеть его с гитарой в руках, сидящего на высоком стуле перед микрофоном и исполняющего баллады о любви — голос у Антона потрясающий, как ни крути. Однако я уважала его предпочтения и его музыку, хоть она и была мне чуждой. И я уважала в нем то, с какой страстью, с какой работоспособностью он занимается любимым делом. Как отдается ему. И каких успехов достиг. Наверное, это было у меня от папы — я считала творческие профессии ничем не хуже остальных, и всегда по-особенному относилась к людям искусства. Антон и его парни создавали музыку, которую любило большое количество человек. И это было нереально здорово!

Я скучала по нему. Скучала безумно, до слез, и иногда, признаюсь, тихо плакала в подушку, чтобы никто не видел. Однако Антон обещал прилететь в начале декабря, и я отсчитывала дни до нашей встречи.

Первого ноября — у Антона был день рождения. В этот же день у него было выступление — то самое, что сейчас мы всей семьей смотрели по Интернету. И, наверное, именно тогда расстояние сильнее всего ударило по мне — от острого осознания: Антон так далеко, что я даже не имею возможности поздравить его с праздником. Кроме того, из-за его занятости в этот день мы смогли лишь поговорить по телефону: я поздравила его и выразила искреннюю надежду, что мой подарок понравится ему. Антон сказал, что ему понравится абсолютно все — если этого касались мои руки.

Подарок он получил на следующий день — через курьера. Я долго думала, что же может порадовать Тропинина. Дарить что-то банальное — не хотелось, и я попросила у Кирилла, с которым продолжала переписываться, совета. Мы стали такими виртуальными приятелями, время от времени перекидываясь сообщениями.

Сначала я жутко удивлялась, что такой человек, как он, пишет мне. Но Кирилл, который даже через телефон умудрялся быть обаятельным, жаловался, что мы с Нинкой — последние за несколько лет знакомые с Родины, которые знают его небольшой музыкальный секрет.

«Перед вами не нужно ломать комедию, — признался он. — А мне так это надоело. Хочу обычного дружеского общения:»

Дружеское общение у нас получалось неплохим, и именно поэтому к нему я и обратилась за советом. Спросила, что можно подарить интересного музыканту, а тот, сразу догадавшись, что речь идет об Антоне, предложил презентовать какую-нибудь пластинку ольдскульной, как выразился, рок-группы. И даже дал адрес одного русскоязычного сайта, на котором на продажу выставлялись подобные раритетные вещи. Выяснив предпочтения Антона, я нашла пластинку одной из них — известной рок-команды, пик популярности которой пришелся на восьмидесятые годы. Денег пластинка стоила немалых, зато на ней даже имелся автограф солиста. И по уверению Кирилла, такой подарок сделал бы честь любому музыканту — даже ему.

Родственники предлагали мне приехать к Антону на день рождения — хотя бы на сутки, но я отказалась — знала, что он будет лишком занят. И терпеливо ждала декабря. Подарок, кстати, Антону — истинному ценителю музыки — очень понравился, за что я потом своего интернет-друга и поблагодарила.

Общались мы не то чтобы часто или как-то по-особенному откровенно, скорее болтали о всякой забавной ерунде, и я поддерживала отношения с ним не только потому, что он был приятным собеседником, но и по еще одной причине. Слова, сказанные Лордом о группе Кея, врезались мне в память, и я отказывалась верить, что «На краю» — ничего не представляющая из себя команда.

Да, их музыка мне не нравилась.

Да, их тексты были мне чужды.

Но нет, я не считала их обычными и тем более бездарными.

Мне казалось, возможно, неверно, что если я как-то смогу подружиться с Кезоном, то сумею показать, насколько ошибочны были его суждения об НК. Не то чтобы я ждала от него помощи для ребят, но мне отчего-то важно было убедить его в том, что группа моего Антона и сам Антон — талантливые.

Сам Антон о том, что я общаюсь с Кезоном, знал. И против не был. Думаю, его удивило, что мы общаемся, и, как уверенно заявляла Нинка, такое общение, даже поверхностное, было стимулом для Антона не расслабляться.

— Пусть знает, что и ты не лыком шита, подруга, — говорила мне Нинка, — и вокруг тебя тоже есть мужики.

— Мы просто общаемся, — возражала я, — без намека на что-либо.

На эти мои слова она просто начинала смеяться. В дружбу между мужчиной и женщиной Журавль категорически не верила. А еще постоянно напоминала мне о Лесковой, которая затаилась и пока что не появлялась. Антону больше не приходили странные фотографии, а мне — непонятные письма. И я надеялась, что это спокойствие — надолго.

Журавль же была категорически не согласна и советовала мне быть начеку.

— Она просто ждет времени, чтобы напасть, — говорила мне подруга нравоучительно, — уж поверь мне! Эта шавка не оставит Тропино в покое. Она же поехавшая.

Я не хотела думать об этом. Пыталась убить время учебой и даже как-то незаметно втянулась в нее. Естественно, я не стала лучшей студенткой, да и не это было моей целью, но все-таки заметно подтянулась. Мои занятия на пилоне продолжались и, хоть особого успеха в покорении шеста я тоже не достигла и синяки все так же были на моих ногах, зато явно укрепила мышцы и надеялась, что стала хотя бы немного более изящная и подтянутая. А еще я все-таки пошла на кулинарные курсы в кафе «Старый парк». Оксана, его хозяйка, позвонила мне и спросила, почему я больше не прихожу на занятия, и пришлось честно сказать, что у меня пока что нет возможности. И тогда она предложила интересный вариант: приходите на курсы и учиться готовить, а на выходных заменять одну из девушек-официанток. Я не колеблясь согласилась, и теперь почти все свободное время у меня было забито. Правда, Антон, узнав об этом, отчего-то рассердился и почти накричал по телефону. Решил, что я нуждаюсь в деньгах и ничего ему не говорю. А ведь он оставлял мне карту с деньгами — почему я не пользуюсь ей? Пришлось долго и доходчиво объяснять ему, что не могу я просто так пользоваться его картой, что хочу и сама начать чем-то заниматься и что-то зарабатывать.

— Успокойся, Антон, — ласково сказала я ему. — Мне не сложно там работать.

Ноги после смены, конечно, уставали, зато мне понравилось.

— Классно, — взбешенно сказал он. — Отлично. Великолепно. Мою девушку будут лапать какие-то уроды, а я должен быть спокоен.

— Ну что ты, — мигом возразила я. — У нас очень приличные гости. В основном парочки, родители с детьми и пожилые люди.

— Это меня так успокаивает, — мрачно заявил Тропинин.

— Перестань, — ласково сказала я.

— Ты понимаешь, в какое положение меня ставишь? Моя девушка... — начал было он,

но я ловко его перебила:

— Твоя девушка ищет себя. Получит опыт. И научится отлично готовить. Для тебя, — не преминула подчеркнуть я.

В конце концов Антону пришлось принять мое решение.

У Нинки за этот месяц ничего особенно не изменилось. Кроме того, что она получила права, поборов свой страх перед вождением, и стала ездить на машине, которую Виктор Андреевич купил ей еще в августе как подарок к новому учебному году. Авто у Ниночки было классным — юркий «Фольксваген битл» алого цвета. Она, однако, была недовольна — видите ли, обожала огромные мощные внедорожники, а не «женскую шелуху на колесах». Однако от подарка она отказываться не стала.

Сам дядя Витя пытался оставаться на плаву, однако на него наседали кредиторы, и та сумма денег, которую Ниночка получила от Эльзы и которая казалась мне невероятной, ее отца хоть и не спасла, но помогла. Деньги эти подруга не стала отдавать ему напрямую — передала их через мать, а та, сделала вид, что продала драгоценности. Не знаю, что Нина сказала Софье Павловне, но про свадьбу она родителям даже не заикнулась.

Скандал в квартире Журавлей получился грандиозным. Дядя Витя с присущей ему эмоциональностью орал, что Софья Павловна не имела права продавать его подарки, и вообще, он не нуждается в ее подачках. Гордости у Виктора Андреевича было не занимать — совсем, как и у Нины.

Софья Павловна, в свою очередь, решив, что деньги ее дочурка достала не совсем законным путем, устроила Нинке допрос с пристрастием, отчего-то сделав для себя вывод, что такую сумму та получила от очередного кавалера. Она заявила, что, если та еще раз попытается провернуть подобный фортель и примет от кого-то деньги, она, Софья Павловна, выставит ее из дома.

Нинка обиделась и на мать, и на отца и ночевать пришла к нам.

Конечно, потом они помирились, но накаленная обстановка в доме Журавлей сохранялась.

Честно говоря, Нинка ждала свадьбу — после нее ведь Эльза Власовна должна была дать ей еще одну часть обещанных денег. И это ожидание проглатывало ее с головой. Я даже, кажется, стала понимать, почему Нина переборола свой страх вождения — ей нужно было занять свою голову чем-то другим, кроме как мыслями о предстоящей свадьбе.

Как я занималась пол дэнсом и кулинарией, так и она — вождением. Только я выбрала то, что мне было приятно, а она — то, в чем ей пришлось перешагивать через себя. И за это качество я уважала ее еще с детства.

— Надеюсь, Эльза не окочурится заранее, — говорила подруга хмуро. — А то не видать мне бабок. Бабки от бабки, — хохотала она, пугая меня своей кровожадностью.

А потом подруга решила, что пора выбирать платье — к свадьбе с женихом, которого она ни разу в жизни не видела, Нинке хотелось подготовиться на славу. Единственное, что Нина выяснила у Эльзы Власовны — имя. Ипполит — так звали ее суженого.

— Как лошадь, — хмыкнула подруга нервно. — Надеюсь, он хотя бы выглядит не полошадиному. А то совсем печаль-беда.

Выбирать платье всегда тяжело.

Выбирать свадебное платье — тяжелее вдвойне.

Выбирать свадебное платье с Нинкой — просто кошмар.

Подруга на автомате все еще считала, что может тратить деньги так, как хочет и сколько хочет, — и этому способствовала банковская карта тетки, которую та дала на свадебные расходы. По мне, лучше бы Нинка ничего не покупала, а эти деньги отдала отцу, но она заявила, что такая мелочовка его бизнесу вряд ли поможет. А ей хочется выглядеть достойно.

Это был уже третий свадебный бутик, в который мы зашли ноябрьским хмурым днем, а Журавлю решительно ничего не нравилось, и она нервничала. А нервная Нинка — злая Нинка.

Злая Нинка становилась нудной в своей ненависти и уже который час, не прекращая, ругалась, как сапожник. Ей не нравились то фасон, то ткань, то пошив, то цвет, то цена (подозрительно низкая или неоправданно высокая!), то наличие каких-то невообразимых, по ее мнению, рюш, страз и бусинок. Иногда нечто похожее она уже видела на ком-то, и это тоже ее бесило. В день своей первой и, как она надеялась, не последней свадьбы ей, видите ли, хотелось быть не такой, как все! Я склонялась к мнению, что все невесты почти одинаковы, однако по обыкновению подруга меня не слушала — уж кто-кто, а Нина Журавль похожей ни на кого не должна быть!

— Что за мудозвонство, — в который раз шипела подруга сквозь зубы, с отвращением глядя в зеркало — естественно, отвращение она испытывала не к себе, любимой, а к тому, что было на ней надето: к белоснежному элегантному платью с открытыми плечами, в греческом стиле. По мне, оно было чудесным — не в моем вкусе, но, тем не менее, выглядело неброско и дорого.

— Что за фразы, — в тон подруге откликнулась я, едва скрывая усмешку. Я сидела на пуфике рядышком, и около меня возлежала целая гора платьев, перемеренных подругой.

Платья-платья-платья...

Я уже сама себя чувствовала платьем.

— Других этот китайский ширпотреб не заслуживает, — уверенно откликнулась Нинка. — Халат без пуговиц. Ну и ткань, — провела она ладонью по струящейся юбке. — Такой только подтирать зад...

Тут в поле зрения появилась управляющая бутиком — молодящаяся дама лет сорока с безупречным черным каре, которая самолично решила обслуживать нас, и Журавль вынужденно замолчала.

— Как на вас хорош этот дивный фасон ампир, — почти искренне зашебетала управляющая и профессионально всплеснула руками. — Вы так очаровательно и благородно смотрите! Слово древнегреческая богиня. Пабло Моро не предлагает плохих моделей.

Вышеупомянутый француз уже долгое время являлся одним из лучших модельеров вечерних и свадебных нарядов. По крайней мере, так говорила Журавль.

— Сеть наших бутиков по России и всему СНГ — официальный дистрибьютор. Официальный и единственный, — подчеркнула управляющая назидательно. Мол, если у нас ничего не найдете, то в других магазинах ловить вообще нечего.

— Замечательно. Но мне бы хотелось что-то более волшебное, — в тон ей откликнулась Ниночка, которая умела быть милой, когда ей это было нужно. — Это платье меня... взростит. Ампир — для королев, — изящно выскользнула Нинка из сетей управляющей, — а мне бы хотелось почувствовать себя принцессой. Мне нужно что-то романтическое и

современное.

— Понимаю. У нас есть как раз кое-что очень подходящее! — щелкнула пальцами управляющая и спешно отошла, что-то на ходу говоря девушкам-консультантам.

— Тупая безвкусная дичь, — припечатала ее Нинка и удалилась в примерочную.

— Убожество. За такое они мне приплатить должны, чтобы я надела, — слышалось оттуда. — В Европе за подобные бабки я шикарные вещи смогу найти, фирменные. А здесь дешевка и убожество. Пошьют в подвалах по кривым лекалам и впаривают тупым. А тупые покупают и в инстаграмике поштят. Но в этом есть и плюс, — хмыкнула она. — Люблю чужой позор. Указать кому-то на его позор — это почти как вскрыть гнойный прыщ, — никогда не отличалась особенно изящной речью подруга.

Я молчала, лениво листая каталог и изредка посматривая на телефон, лежащий на коленях — ждала сообщение от Антона.

Нинка высунулась из-за шторки — единственного алого пятна в королевстве всех оттенков белого, молочного и шампанского. И на меня недобро уставились два голубых глаза, в которых полыхал невидимый огонь ненависти почти ко всему живому.

— Катька! Расстегни мне эту гребаную молнию! Пришьют, как попало, а я мучайся. Чер-р-р-ртово помойное платье! — выругалась Ниночка грозно.

Пришлось помогать, а когда я вышла из примерочной, чувствуя, как от потока Нинкиного недовольства начинает болеть голова, вновь появилась управляющая, под руководством которой две девушки-консультанта принесли еще один наряд — сплошь кружева. Эти кружева обтягивали Нинку, словно вторая кожа, лишь от колена переходя в некое подобие юбки. При этом блондинка казалась почти обнаженной: кусочки подклада естественного телесного цвета закрывали лишь грудь и бедра, и то кое-как, а живот, плечи, руки и ноги оставались открытыми; тончайшее, ручной работы кружево, дополненное стразами, — не в счет.

Издадала казалось, что на Нинке вообще ничего нет, кроме этого самого кружева. Для подиума или чувственной фотосессии это платье было идеально. Для бракосочетания оно казалось слишком смелым.

— Очень современно! — в новом приливе мнимого восхищения прижала ухоженные руки к груди управляющая, и ее помощницы согласно закивали. — Дерзко и впечатляюще! Вы станете самой запоминающейся невестой!

Я была с этим согласна.

Голую невесту точно все запомнят.

— Как тебе? — поднялась я с пуфика и приблизилась к Журавлю, которая с кривоватой улыбкой глядела на себя в зеркало. Передвигаться в такой красоте ей удавалось с трудом.

— Чувствую себя богиней падших.

— Ангелов? — невинно поинтересовалась я.

— Женщин! — рывкнула Нинка, забыв, что рядом посторонние, но быстро поправилась:

— Очень сексуально.

Она игриво повела плечом, забрав длинные светлые волосы на макушке — лишь несколько прядей касались хрупких ключиц. Нинка вообще казалась хрупкой и тонкой, но на деле она была достаточно сильной.

— Однако... Я не могу это взять.

— Вас смущает цена? — управляющая неправильно все поняла. Ей, видимо, сей наряд казался вершиной свадебного дизайна. — К сожалению, мы не делаем скидок.

Журавль поморщилась.

— Цена *меня* не смущает, — заявила она, весома подчеркнув местоимение. — Я готова платить деньги за действительно стоящие уникальные вещи.

А я поспешила подруге на помощь:

— Вы знаете, отец невесты человек очень... м-м-м, — попыталась я подобрать подходящее слово, — очень консервативный. И такой наряд не одобрит.

И я нисколько не слукавила. У дяди Вити случился бы приступ буйнопомешательства, увидь он Нину в подобном платье.

Хорошо, что родного папу Ниночка на свадьбу не позвала.

Управляющая закручинилась, однако тотчас воспряла духом:

— Наш салон не зря называют одним из лучших! — не стала уточнять она, где и кто именно его так называет. — Мы можем предложить самые разные модели, которые усладят и ваш вкус, и вкус вашего отца — управляющая выдержала паузу и продолжила с придыханием: — Как вы относитесь к работам Джулии Агилар? — назвала она еще одно дизайнерское имя, которое я слышала впервые, в отличие от Нинки — подруга благосклонно кивнула. — Тогда у нас точно есть то, что вам подойдет! Платье из коллекции «Жемчужина». Романтичное и шикарное, в меру закрытое и, конечно же, уникальное. Ограниченный эксклюзивный выпуск! — тон у управляющей при этом был заговорщицкий, и сама она даже чуть-чуть подалась вперед, чтобы ее лучше слышали — Нинка была выше на добрую голову. — Только для самых изысканных клиентов!

— Несите, — велела Журавль, но как только управляющая умчалась, повернулась ко мне и состроила кислую рожу. — У меня такое чувство, что на свадьбе я буду в одних трусах, — поделилась она со мной. — Что за шлак продают в нашем городишке?

Она еще раз критически оглядела себя в огромном зеркале с ажурной серебристой рамой. Кружевное безобразие ей не нравилось.

— У меня такое чувство, что на мне сидит шкура гигантского таракана, — брезгливо повела плечом подруга. — Ну и убогость. Тут ценник можно лепить на спине и шуровать на проспект, — явно имела в виду подруга проспект Мира, самый длинный в нашем городе, на котором часто околачивались подозрительные личности.

— Будешь иметь успех, — пошутила я. — Твой наряд явно побьет рекорды по откровенности.

— По безвкусице. Надо мной даже шалавы смеяться будут, — оглядела себя со всех сторон Нинка. Пока она крутилась около зеркала, я незаметно сфотографировала ее — такой подруга казалась забавной. Нужно будет не забыть отправить ей фото, когда остынет.

— Может быть, та особенная модель тебе подойдет? — с надеждой спросила я. Обилие вокруг белого цвета, атласа, кружев и рюш уже порядком раздражало. Свадебное торжество перестало казаться чем-то романтичным.

— Сомневаюсь, что в их чмошном магазинишке, — ни во что не ставила знаменитый свадебный бутик Нинка, — есть что-то приемлемое.

Управляющая и обе ее помощницы обещанный эксклюзив не принесли — прикатили напольную вешалку, на которой висело оно: платье-квинтэссенция всех нарядов диснеевских принцесс. Невероятное пышное, без шлейфа, но помпезное, с белым расшитым стразами корсетом и кремово-розовой юбкой, которую декорировал целый каскад роз, оно буквально завораживало — легким сиянием почти безупречного уродства, в которое так часто переходит искусственная красота, не знающая границ.

Даже я, не искушенная в моде, видела, насколько, мягко говоря, странно смотрится сей наряд, а уж у Нинки было состояние, близкое к шоку. Но шокировало ее не платье, отнюдь, а тот вопиющий факт, что ее посчитали курицей, которой можно впарить это воздушное слоеное безобразия за бешеные деньги.

— Невероятно, правда? Изумительное сочетание стиля, женственности и достоинства, — вновь приняла ее молчание за изумление хитрая управляющая. — Органза, кружево — были использованы самые лучшие итальянские материалы! Вышивка и цветы ручной работы. Используются кристаллы «Сваровски». В платье вложено только все самое лучшее!

Нина крайне задумчиво на него смотрела, словно что-то просчитывая. Губы ее тронула дерзкая улыбка.

— Я хочу померить, — вдруг хрипло выдавила она. — Оставьте меня с подругой, пожалуйста.

— Как вам будет угодно. Нужна будет наша помощь — зовите.

Управляющая и ее помощницы, переглянувшись, ушли. А я с изумлением уставилась на Журавля.

— Ублюдское платье-пирожное, — замороженно произнесла Журавль. — С розовыми блювотинками, — почти изящно выразилась она, явно имея в виду розочки. — С гнуснейшими стразиками, похожими на раздавленных жуков, — в голосе ее сквозило отвращение.

— Зачем тебе его мерить, Нин?! — удивилась я.

— Буду действовать по методу «Пугало», — отвечала подруга и мечтательно улыбнулась.

— Что еще за метод? — не поняла я.

— Твой, — ошаршила она меня. — Помнишь, в каком рванье ты заявила в зоопарк? Было весьма эффектно. Пожалуй, и я приду в этом шлакоплатье, — решила Журавль. — И это будет только начало. Я потом такую жизнь Ипполитику устрою.... Глядишь, дурачок со мной и разведется. Но сначала сбавлю-ка я цену, — добавила она. — Совсем осатанела, — имела в виду подруга управляющую, которая явно зависила стоимость наряда. — Ей с такими трюками на рынке торговать грушами и дынями.

И Нинка действительно облачилась в это чудо дизайнерской мысли. Платье оказалось ей впору, но до чего же безвкусным оно было! Журавль сама по себе девушка яркая, красивая, однако чудовищное платье и глуповатая улыбка превратили ее в испорченный вариант Барби.

— Вы — настоящая принцесса, — прижав ладони к груди, сообщила прибежавшая управляющая, которая, наверное, молилась от радости, что избавилась наконец-таки от сего наряда. — Нежно! Элегантно! Восхитительно!

— Думаю, я возьму эту прелесть, — проговорила Ниночка, пытаясь кружиться в тяжелом наряде. Получалось неуклюже.

— Берите! — возопила управляющая. — Вы будете самой стильной невестой сезона!

— Или не брать... Мне кажется, сзади какие-то некрасивые складки, — задумчиво проговорила Журавль, ловя управляющую на крючок.

— Ну что вы, там все в порядке! Я сейчас все поправлю, — испугалась та, что рыбка сорвется, и быстрым шагом направилась к невесте, дабы показать, что никаких там складочек нет, а если есть, то они очень даже элегантны.

Нинка ловко подставила ей подножку. Как у нее это получилось в подобном платье — ума не приложу. Но факт есть факт. Управляющая споткнулась и полетела прямо на нее.

Вдвоем они грохнулись на вешалку с платьями.

Шум поднялся знатный. Скандальничать Нинка умела. И делала это со вкусом.

— Вы что, с ума сошли?! — орала благим матом подруга. — Решили меня тут угробить?!

— Ну что вы, простите, это вышло совершенно случайно! — заламывала руки управляющая.

— Меня сбили с ног! Платье порвали! — продемонстрировала она оторванный лоскут с розами. — А я его купить хотела! В чем я теперь выходить замуж буду?! В ночнушке?! Немедленно ухожу!

Нинка скрылась за шторкой, переделалась с помощью девушек-продавщиц и гордой походкой направилась к выходу, крича, что ноги ее в этом месте не будет.

— Но стойте, пожалуйста, подождите! — кинулась за ней управляющая. — Мы сделаем вам скидку!

— Какую? — резко остановилась Журавль.

— Двадцать процентов.

— Пятьдесят, — безапелляционно заявила подруга.

Управляющая охнула, однако под напором Ниночки, которая грозила рассказать об уровне обслуживания салоном не только всем знакомым, но и написать отзывы в сети, сдалась.

Вот так Нинка сэкономила деньги, вернее, как оказалось потом, просто сбила цену до настоящей — платье было далеко не эксклюзивным, и мы нашли его в Интернете.

А еще решила известить будущего муженька, начиная со дня бракосочетания.

После этого салона мы побывали еще в парочке. Журавль зверствовала. Купила длинную, совершенно неподходящую платю розовую фату с вуалью, длинные серебряно-голубые перчатки и совершенно ужаснейшие ботиночки. Я была уверена — она станет самой запоминающейся невестой.

Кроме того, Нина хотела заставить и меня, как свидетельницу, купить нарядное платье, но мне пришлось отказаться.

— Сейчас можно и без свидетелей замуж выходить, — заявила я подруге. — А я вас у входа подожду. Осыплю лепестками роз и рисом в лицо кину.

Журавль гнусно усмехнулась в ответ. Кажется, она уже представляла, в каком шоке будет бедный Ипполит.

По магазинам мы ходили еще долго, а после по привычке заскочили в кафе. Нинка тратила деньги так, как будто бы в их семье было все в порядке. Но в этот раз я заявила, что платить буду за нас обеих сама.

Дома я оказалась почти за полночь. И, лежа в постели, переписывалась с Антоном, который наконец появился в сети — освободился от работы в студии, где пахал, по-моему, как проклятый, по двенадцать часов в сутки.

Переписывались мы не слишком часто — он предпочитал разговаривать, лучше всего по скайпу, чтобы была возможность не только слышать, но и видеть друг друга, однако в общении через сообщения я видела свое очарование. Этакую подростковую трогательную романтику. Видя лишь текст своего собеседника, я могла давать волю своей фантазии — представлять лицо и его выражение, голос — тембр и громкость, и даже эмоции... К тому же это напоминало мне переписку на бумаге, может быть, не такую сокровенную, однако остающуюся на долгую-долгую, почти вечную память. Наши сообщения сохранялись, и я могла перечитывать их историю тогда, когда мне вздумается.

«У меня есть несколько свободных минут, и я весь твой, Катя», — писал Антон. Мне казалось, что Тропинин сейчас на чем-то сосредоточен и, наверное, занят, но я была благодарна, что он нашел немного времени для меня. А еще я почти слышала его голос — негромкий, ласковый, и от этого становилось уютно и хорошо.

И когда этот человек успел стать таким близким?

«Ты всегда и весь мой:!)», — дурной пример заразителен, и я иногда становилась самодовольной, словно Нинка.

«Мне нравятся твои мысли. Все хорошо?» — Антон постоянно задавал мне этот вопрос, как будто бы боялся обратного.

«Все хорошо:) Хожу по магазинам, скучаю по тебе... А ты как? Что делаешь?»

Простые вопросы и не менее простые ответы — но отчего мне хочется улыбаться, и в солнечном сплетении так тепло и слегка волнительно? Или счастье действительно бывает в простом?

Потому что ты влюбленная дура — ответ прост, да!

Вместо ответа Антон прислал мне фотографию. На ней, по всей видимости, в студии, был изображен он сам: расслабленно сидел на крутящемся стуле, облокотившись о его спинку. Закинул ногу на ногу и небрежно положил одну руку на подлокотник, а в другой держал стакан с водой. Черная водолазка с закатанными до локтей рукавами, джинсы, заправленные в грубоватые ботинки со шнуровкой и на массивной подошве. Светлые пряди падали на высокий лоб и скулы, контрастируя с тенью, замысловато играющей на его лице. На губах его была расслабленная улыбка.

На этом фото Антон не выглядел крутой рок-звездой: без грима, без сценической одежды, без привычной гитары в руках и микрофона; скорее он был похож на уставшего человека — не такого, конечно, которому все на свете надоело, а на такого, который много трудился, был доволен этим и временно отдыхал, восполнял силы, чтобы вскоре начать все сначала.

Я улыбнулась. И, кажется, Антон еще шире улыбнулся в ответ.

Сходи к психиатру.

Вдоволь полюбовавшись на Тропинина, я обратила внимание и на Келлу, который на заднем плане развалился на подобном стуле. За время нашей последней встречи его волосы заметно отрасли, но были все такими же синими. Одет он был в черную безрукавку с надписью «На краю», и на сильных плечах и предплечьях красовались цветные татуировки.

Келла и сидящий рядом с ним мужчина лет сорока смотрели на стоящего за стеклом несколько размытого Арина с бас-гитарой наперевес. Рядом с ним находился еще один мужчина весьма неформального вида и что-то серьезно говорил ему.

Видимо, парни что-то записывали, и Кей прислал мне кусочек их студийной обыденной жизни, которая мне казалась волшебством.

В ответ я решила прислать ему свое фото. Я сделала несколько селфи, прикрепила их к сообщению, отправила и...

И поняла, что случайно выбрала не только свои снимки, но и снимок Ниночки, облаченной в то самое ужасно откровенное платье.

— Блин, — прошипела я.

Но было уже поздно.

Антон получил фотографии.

Кей, как и предполагала Катя, находился в частной студии, которая располагалась в пригороде Берлина, вместе с другими музыкантами группы «На краю», а также с продюсером, звукорежиссером и еще несколькими людьми, имеющими прямое отношение к записи нового альбома.

Работа продвигалась хоть и медленно, отнимая много времени, но вполне удачно. Было записано уже несколько полноценных песен, а сейчас шла работа над интернет-синглом. Впереди «На краю» ожидали несколько концертов в Западной Европе и съемка клипа. Правда, когда именно он будет снят, пока было неизвестно — от графика отставали.

Сегодня всех тормозил Арин — никак не мог сыграть чисто свою партию, и его то и дело останавливали, давали советы, наставляли, просили, почти умоляли, даже матами крыли, а у него все не получалось собраться, хотя обычно Арин был весьма неплох в своем деле и постоянно совершенствовался. Народ злился, а больше всех — Келла, поскольку в записываемой композиции ему нужно было строить ударные в соответствии с музыкальным рисунком баса, подчеркивая ритмику и мелодичность. Келла искренне считал ритм-секцию сердцем группы. На репетициях все было здорово. Сегодня дело не шло.

Кей, правда, знал, в чем дело. Именно сегодня был тот самый день, когда его друг расстался с Ольгой. Глупый был день, пасмурный, за окошком моросил мелкий противный дождь — если уж шел дождь, то Антон предпочитал ливни, грозы, со сверкающими молниями и раскатами грома. И чтобы потом обязательно появлялось солнце — и радуга.

Как тогда, когда он гулял с Катей и поцеловал ее впервые в лифте — не сдержался.

Звукорежиссер вновь остановил Арину и опять принялся что-то ему втолковывать. Бас-гитарист молчал и только кивал. Кей смотрел на друга, водя по губам согнутым указательным пальцем, обдумывая, чем бы того взбодрить. С одной стороны, он его понимал, а с другой, что за болезненная привязанность к человеку, который отказался от него? Почему Арин не может себя, черт подери, взять в руки и начать работать? Напоить его? Подогнать девчонок? Что ему нужно?

Ответное сообщение от Кати заставило Антона улыбнуться вновь.

— Сфотографируй меня, — велел он Филу, который сидел рядом.

Тот легко согласился.

Пара секунд — и снимок сделан.

Ответная фотографии от Кати Антона очень удивила.

На одной была изображена сама Катрина — она улыбалась, лукаво глядя в камеру. Ее лукавство не было злым и обманчивым, было в нем что-то светлое, игривое, и Антон не мог не улыбнуться ей в ответ, едва заметно.

А вот второй снимок сначала показался Тропинину каким-то абсурдом: на нем была изображена почти голая Журавль собственной неповторимой персоной, которую парень на дух не переносил.

Увидев это, Антон, поднесший к губам стакан воды, поперхнулся, закашлялся и тотчас привлек на себя внимание всех присутствующих.

— Мои глаза, — только и сказал он, прикрывая рот рукой.

— Тишина в студии! — зычно рявкнул звукреж, который порядком намучился с Арином. — Или валите отсюда, или сидите тихо, придурки!

— Уходим, без проблем, — тотчас поднялся с вертящегося стула Тропинин. — Синий, — позвал он, проходя мимо Келлы. — За мной.

— Пошел ты, — лениво отвечал тот, явно никуда не собираясь идти.

Тогда Кей просто поднес к его глазам телефон и тотчас убрал, как только до Келлы дошло, кто на фото и в каком виде. Осознав, что он только что имел честь лицезреть, парень тотчас метнулся за другом, вышедшим прочь из студии и усевшимся на диван в комнате отдыха. Походил синеволосый ударник на голодного пса, перед носом которого помахали сахарной косточкой и убрали куда подальше.

— Это что было? Че за фото? Где взял? — навис он над беловолосым. — А еще есть?

— Не мельтеши, — поморщился Кей. — Сядь рядом, — и он похлопал широкой ладонью по дивану.

— Я тебе сейчас мурло разобью, — от всей души пообещал Келла. — Быстро и с подробностями рассказал мне, что за фотка! И покажи еще раз, — потребовал он, пытаясь отобрать телефон Кея. Тот, к тому времени понявший, что Демоница ему лишь показалась в обнаженном виде, а на самом деле одета в непонятно какие тряпки, создающие иллюзию почти полной наготы, уступать не собирался и, вытянув руку, убрал телефон подальше от барабанщика. Келла так просто никогда не сдавался. С грозным рыком он повалил Кея на диван, пытаясь дотянуться до вождя мобильного, а тот, естественно, стал отпихивать его свободной рукой.

— Лучше говори, скотина! — рычал синеволосый. — Урою же!

— Скажи «пожалуйста», — откровенно смеялся над ним Кей.

— Я тебе твоё «пожалуйста» запихаю туда, откуда вынуть сложно будет! — все больше злился Келла. Очередная попытка выхватить телефон из рук Кея не увенчалась успехом. И он попытался заломить ему руку, злобно ругаясь. Солист НК сдаваться тоже не любил. И послал друга и коллегу крайне далеким и заковыристым маршрутом.

— Отпусти руку, — прошипел Кей, чувствуя боль.

— Я тебя сейчас сделаю, детка! — в азарте выкрикнул Келла, видя, что выигрывает.

В этот момент открылась дверь, и в комнату отдыха вплыли Андрей Коварин и крупный мужчина с лопатой-бородой и тату-рукавами. Это был не кто иной, как известный немецкий музыкальный критик, имеющий немалый вес в международной музыкальной среде. Коварин не без труда и не без помощи человека, который приложил руку к созданию и раскрутке «На краю», уговорил этого критика на написание статьи о группе в популярном музыкальном журнале и привез для знакомства с парнями прямо в студию.

Сцена, которую узрели Коварин и герр Фишер, больше напоминала романтическую, нежели соперническо-дружескую. Ударник восседал на вокалисте, захватив того в железные медвежьи объятия и явно желая стать тому кем-то более близким, нежели просто товарищ по команде. Кей же глядел Келле прямо в глаза, зачем-то вытянув одну руку перед собой.

Журналист про себя решил, что от удовольствия.

Увидев сие, оба мужчины затормозили и удивленно взглянули на молодых людей.

— Сверху — Келла, ударник, снизу Кей — вокалист, — ровным голосом произнес Андрей на английском, который усиленно подтягивал последние года два — для расширения, как сам говорил, бизнеса на Западе. Кстати говоря, и своих ребяток, как он ласково называл музыкантов, заставлял делать то же. — Вы что творите, — почти не размыкая зубы, проговорил взбешенный, но сохраняющий ледяное спокойствие Коварин уже на родном языке. — Быстро встали.

— Он мне телефон не отдает, — отрывисто сообщил Келла, с трудом удерживая Кея. — Хеллоу! — весело поздоровался он между делом с немцем. — Ты, мразь белобрысая, — обласкал он Кея по полной без перехода, — быстро отдал свой драный тел!

— Здравствуйте, прошу простить, мы немного заняты, — более вежливо и официально проговорил из-под него Кей, которому стало дико смешно. Видя, как бледнеет, а после краснеет Коварин, он едва не засмеялся в голос. Руки у Кея ослабли, и он уронил телефон за диван.

— Фак! Я тебя прикончу! — заорал Келла, видя, что все пропало. — Специально же! — схватил он Антона за ворот. Тот все обиднее смеялся.

— Это просто они... играют, — спешно объяснял Андрей тем временем гостю.

— Нет-нет, не стоит объяснять, — замахал вдруг руками брутальный немец, с каким-то возрастающим интересом наблюдая за парнями. — Я все понимаю! Я толерантный человек, — гордо заявил он и постучал кулаком в грудь. — И я пишу только о музыке, а не о предпочтениях музыкантов. Это их жизнь, это их любовь!

И к недоумению всех трех герр Фишер послал до сих пор возлежащим друг на друге музыкантам воздушный поцелуй.

Выглядело это, мягко говоря, странно.

Коварин выдавил кислейшую из улыбок и подумал, что, может быть, зря так хотел заполучить статью именно этого человека. Впрочем, он быстро — как и всегда — взял себя в руки. Работа есть работа. Не стоит смешивать ее с личными предпочтениями.

— Чего за муть? Чего он гонит? — не понял Келла, у которого с английским были некоторые проблемы.

— Говорит, что ты не зря выкрасил волосы в синий. Видит, что ты из его команды, — с долей ехидства в голосе отвечал Антон, у которого настроение стало хорошим. А, как однажды говорил сам Келла, хорошее настроение Кея грозило неприятностями окружающим. Потому что Тропинин мог довести кого угодно и, наверное, до чего угодно.

— Да вы меня **запрещено цензурой** в край! — взревел Ефим. — Перекрашусь!

Воспользовавшись моментом, Антон ловко оттолкнул друга на спину и навис над ним с победной улыбочкой, опираясь на руки.

— Плюнуть бы тебе в твою харю наглую, чтобы не скалился, — проворчал Ефим, которому уже все порядком надоело. — Вставай, давай, мобилу искать, или я все же тебе набью морду, честное слово, придурок.

В это время дверь открылась, и в комнату отдыха словно украдкой заглянул немецкий журналист. Увидев, что музыканты сразу заметили его, он отчего-то по-девичьи смутился, произнес: «Поменялись, продолжайте» — и скрылся из виду. Келла, словно обретя второе дыхание, сбросил с себя смеющегося Кея, выругался и полез за диван.

Мобильник так сразу не нашелся — диван пришлось отодвигать, ибо и у солиста, и у барабанщика оказались недостаточно тонкие руки, чтобы достать его. Когда же наконец телефон оказался у Келлы, тот не смог сдержать стопа разочарования — понял, что Нина не обнажена, а в платье.

— Подстава. Какое-то мгновение мне казалось, что Королева без ничего, — вздохнул он почти мечтательно, глядя в экран мобильного.

— Вы же рассорились навсегда. Ты, помнится, ее послал, — припомнил Антон последнюю встречу Келлы и Нины.

— И еще как послал, — подтвердил горячо синеволосый, словно забыв, как была его по

щекам Нина, и как горела кожа, а, главное, пылала душа. Зато вспомнил, как тащил ее, пьяную, в отель. Спящая Ниночка притягивала и злила одновременно.

— Тогда для чего тебе ее фото? — любопытствовал Кей.

— А то ты не знаешь, — расплылся в широкой улыбке Келла.

— Не знаю, — прикинулся лютиком солист НК.

— Для того же, для чего тебе фотки твоей хорошей девочки были нужны, — вновь осклабился Ефим, который в начале лета нашел снимки Радовой у друга в комнате. Антон как-то враз посерьезнел и ледяным тоном предупредил друга не нести чушь. Тот только плечами пожал. По его словам, Тропинин слишком много носился со своей Катькой.

— Кстати, чувак, — вдруг вспомнилось кое-что синеволосому. — Потом кое-что обсудить надо. Идет? А фотку все равно мне перекинь.

* * *

Свадьба — особое событие в жизни любой девушки. Волнительное и романтическое, долгожданное и почти сказочное. Торжество, к которому готовятся едва ли не год. Праздник любви, нежности и заботы друг о друге.

День, когда жертве больше не сбежать просто так от своей любимой.

Для Ниночки же свадьба была наказанием и развлечением одновременно. Событием, которое она ждала и ненавидела с одинаковой силой и нетерпением.

Подруга готовилась к ней, как к сражению, в котором должна была одержать победу. И жаждала не о том славном миге, когда руки любимого человека будут ласково обнимать ее, а о том, как нежно будут хрустеть долгожданные купюры в ее кошельке. Или как будет сверкать банковская карта.

Нинка ждала собственную свадьбу, как зарплату, при этом то и дело обдумывая кары как для своего будущего несчастного муженька, так и для тетки. Про Келлу она не вспоминала. Зато сходила на несколько свиданий с Матвеем — пришлось, скрипя сердцем и зубами, отдавать долг, притворяясь его девушкой. После каждой такой встречи она возвращалась злая, проклиная Помойку так яростно, как будто бы он был виноват во всех ее бедах. И в бедах Виктора Андреевича — тоже.

Тот, кстати, к Матвею относился весьма благосклонно и, как поведала мне в последний день перед бракосочетанием Нинка, был почти не против отношений между ним и дочерью. Это раздражало ее еще больше.

День икс начался суматошно.

Мы заранее спланировали Нелли подружке, и в ночь перед торжеством Нинка осталась ночевать у меня, поскольку ее свадебное платье хранилось в моей комнате, служа защитным талисманом от Лешки — стоило ему заглянуть и увидеть эту вершину безвкусицы, как он едва ли не начинал креститься и почти мгновенно исчезал.

Кира и Нелли, увидев сие безобразие, долго хохотали и по очереди пытались влезть в пирожное, чтобы сделать смешные фотки. Если Нелька была довольно-таки хрупко сложенным подростком, и платье ей было великовато, то мощная Кира, у которой, видимо, глазомер отсутствовал напрочь, слегка порвала по шву, так и не сумев натянуть. Увидев это, я едва не взвыла, и мы с ней долго провозились над свадебным нарядом Нинки, дабы привести в порядок до прихода Журавля.

— Все в порядке. Не будет видно со сцены, — в конце концов, заявила Кира — родственников в свадьбу мы, естественно, посвящать не стали, сказали, что это костюм для постановки в студенческом театре, куда якобы ходила Нинка. Про свадьбу она говорить категорически запретила.

— Вы что, «Невесту Франкенштейна» ставите? — поинтересовался с кислой улыбкой Леша. Ему категорически не нравилось, что в одном доме с ним находится этот, как говорила Журавль, «дизайнерский выкидыш». Но ничего поделать он не мог.

Ранним утром, пока все спали, Нинка, шепотом ругаясь, не без моей помощи облачилась в свой слоеный шедевр, сделала совершенно чудовищный макияж и, накинув поверх наряда голубое короткое пальто, вышла в прихожую, счастливо ни с кем не столкнувшись. Я, в отличие от подруги одета была куда более адекватно: в черное приталенное платье с длинными рукавами, треугольным вырезом и кружевной отделкой по подолу. Такое платье может сойти и за коктейльное, и за повседневное, и за романтическое — стоит только подобрать нужные аксессуары. Я ограничилась длинными серебряными серьгами-подвесками, подаренными бабушкой.

— Вы куда? — крикнула мне в спину Кира, которая все-таки проснулась, но я ловко закрыла дверь перед ее носом, и когда она выглянула на площадку, мы уже были в лифте — Нинка обтерла платьем все стены.

Около подъезда мы встретили Фроловну, которой отчего-то не спалось, и она недобро покосилась на нас и, кажется, даже сплюнула. Но мы не обратили внимания.

Регистрация была назначена ровно на девять утра, и до нее оставалось порядка двух часов, которые мы потратили на дорогу до ЗАГСа центрального района: ночью выпал снежок, успевший подтаять к утру, а потому весь город, как говорится, «стоял».

В такси подруга жевала шоколадный батончик и изредка с нервным смехом смотрелась в круглое ручное зеркальце. Из него таранилась на мир весьма странная особа, больше похожая на Джокера, а не на невесту. Алые губы, густые синие тени с вульгарной подводкой, внезапно ставшее почти бронзовым лицо — результат слаженной работы тонального крема и пудры, при этом лицо особенно контрастировало с куда более светлой кожей на шее. Ярко выделенные скулы и румяные щеки казались неестественными и старили. Нинка отчасти напоминала мне ту самую купеческую дочь с алыми от свеклы щеками. Только в современной обработке.

Вуаль, конечно же, частично скрывала этот кошмар, но я не представляла, что испытает неизвестный нам жених, увидев такую красу небесную во время регистрации. И если ко всему этому добавить то самое ужасное платье с драпировкой в виде розочек, а также безвкусно подобранные аксессуары, среди которых кроме перчаток и фаты появились совершенно дешевые на вид серьги и кольцо то ли из жемчужин, то ли из белых бусин, то результат получался воистину впечатляющим.

Расчет Журавля был прост — она выйдет замуж, получит деньги от Эльзы, та напишет на нее завещание, а вскоре она, Ниночка, доведет супруга до белого каления и он с ней разведется по доброй воле. Мне казалось, что это слишком просто, и наверняка Эльза Власовна припасла козыри, но я молчала.

Я смотрела на подругу и думала, что она все-таки немного того. Если бы меня кто-то поставил перед подобным ультиматумом и я бы выходила замуж непонятно за кого из-за денег, я бы нервничала, злилась и вообще чувствовала себя ужасно. Журавль же все время смеялась, явно чувствуя себя воином перед боем.

Около ЗАГСа мы оказались за полчаса до начала церемонии, перед этим заехав в цветочный магазинчик — за букетом. Нинка решила: изгаляться, так изгаляться. Она придирчиво набрала самые, наверное, плохие розы во всем магазинчике: белые, красные, желтые, бордовые — получилось штук тридцать, не меньше. И потребовала завернуть их в оберточную бумагу дичайшего салатного цвета. Чуть подумав, Нинка выбрала огромную лилию и воткнула ее в середину букета, вернее, букетища.

— Красота, — сказала она довольно, прижимая охапку цветов к себе.

Продавец если и удивилась, то виду не подала. Только посмотрела странно.

Я же, в отличие от подруги, позориться не желала и выбрала акварельный букетик из нежных альстромерий: белых, розовых и желтых.

— Никогда не думала, что твоя свадьба будет такой, — проворчала я, когда мы уже вышли из автомобиля и стояли напротив ЗАГСа. ЗАГС торжественно звался «Дворец бракосочетаний» и располагался в старинном, недавно отреставрированном особняке с колоннадой и богато декорированным фасадом. Здание это, словно невеста, было белым, и вокруг него выстроились в полукруг почтительные винтажные фонари, ажурные лавочки, скульптура с парными кольцами, мостик и фонтан, сейчас уже не работающий. Когда-то давно ЗАГС центрального района был убогим и располагался на первом этаже панельного дома — о том, что это за место, гласила лишь куца табличка советских времен. Однако когда внучка прошлого мэра решила выходить замуж, он решил, что негоже будет, если фотографии с торжества получатся неудачными из-за такого фона, и за три месяца появился новый ЗАГС, где свадьба внучки и была потом сыграна.

Проезжая мимо этого места, я часто думала раньше, как было бы здорово однажды побывать здесь в качестве невесты, однако, когда в моей жизни появился Антон, размышлять о подобном я перестала. Мне просто хотелось быть вместе с ним, а не лихорадочно готовиться к свадьбе, мечтать о платье, фотографии и шикарной машине.

Сейчас около «Дворца бракосочетаний» было многолюдно, и я насчитала целых четыре невесты с толпой родственников. Кто-то уезжал, кто-то фотографировался под чутким руководством человека с камерой, кто-то распивал шампанское из бокалов, громко желая молодоженам счастья. Все кругом было заставлено автомобилями с бантами и лентами, тянущимися через капот. На крыше одной из машин высилась сложная конструкция с лебедями.

— Можно подумать, свадьба — это предел моих мечтаний, — фыркнула Журавль, цепко глядя по сторонам. Однако никакого Ипполита вместе с поверенным тети Эльзы она не видела. Зато, как и я, имела возможность наблюдать неподалеку от нас счастливую пару молодоженов в окружении родственников: они, выстроившись по обе стороны асфальтированной дорожки, что-то радостно кричали, хлопали и бросали в молодых супругов лепестки роз. Вместе с лепестками падал на асфальт и легкий, почти невесомый снег.

— Убожество, — только и сказала подруга презрительно, поведя плечом. — Дешевое платье, дешевые цапки, дешевые понты.

— Зато они счастливы, — заметила я. Молодожены, и правда, смотрели друг на друга совершенно влюбленными глазами. И я даже немного позавидовала им.

— Получу наследство старой гримзы — тоже буду счастлива. Деньги — мое счастье, — парировала Журавль. — Любовь — счастье слабоумных.

И она первой ступила на крыльцо безвкусами ботиночками на громоздком квадратном

каблуке. Своего внешнего вида подруга не стеснялась и несла себя так, словно была королевой. Как будто бы все было в порядке. Как будто бы она сама так хотела.

Однако, поднявшись по крыльцу, Нина вдруг замерла.

У меня отчего-то сжалось сердце. Наверное, не хочет выходить за непонятно какого Ипполита. И я ее понимаю... Она ведь точно что-то чувствует к Синему, но не признается. Да и кому охота быть разменной монетой в попытках потешить чужой маразм?

— Нин, — тихо сказала я, беря ее за руку и таким нехитрым образом желая сказать, что я — с ней. Несмотря ни на что.

— А если она меня с завещанием надует? — спросила хрипло подруга, руша все мои предположения.

Я вздохнула. Вот оно что!

— Не надует.

И я дотронулась до массивной медной ручки двери, чтобы открыть ее перед Нинкой, которая в своем пышном, на обручах, пирожном безобразии испытывала некоторые проблемы с дверными проемами. Однако зайти в ЗАГС мы с Нинкой не успели. Чей-то знакомый голос крикнул нам в спину:

— Эй!

Словно порыв ветра ударил между лопаток. И мы с подругой синхронно обернулись.

Такого поворота событий никто из нас не ожидал.

Не знаю, как Журавль, а я едва не запрыгала на одной ножке.

Потому что внизу, ступив на первую ступень крыльца, стоял Келла. Он был, как и всегда, насмешлив, и смотрел на Нинку нахально и весело.

— Что, Королева, забыла свою вечную любовь? — крикнул синеволосый, усмехаясь и глядя на нас снизу вверх. Он ничуть не изменился с последней нашей встречи: тот же дерзкий взгляд карих глаз, тот же уверенный разворот плеч, та же беззаботная улыбка. Тот же пирсинг на чуть асимметричном лице: в брови, губе, хотя, кажется, кольцо в носу исчезло. Синие волосы спрятаны под черной шапкой, одежда простая: темно-серая спортивная куртка с логотипом известной фирмы, джинсы и черные кеды с белой подошвой. На его плечи и голову падал усилившийся снег, но парень, кажется, не замечал этого. Все его внимание было приковано к обалдевшей Нинке.

— Ты выходишь замуж, Королева? — Келла поднялся на одну ступень, не отрывая от Журавля глаз. — Он настолько лучше меня? — Келла ступил на следующую ступень. — Не противен тебе?

— Твою мать, — зачарованно прошептала Ниночка. — Где мое ружье?

— А я скучал по тебе, Королева, — не унимался синеволосый, медленно поднимаясь к нам. На лице его играла улыбка. — Думал. Представлял. А ты меня вспоминала?

Я готова была поклясться, что он искренен. Я готова была расцеловать его за то, что он дал Ниночке еще один шанс и первым пошел навстречу ее гордости.

— Что тут делает этот муфлон облезлый? — не могла поверить в происходящее Журавль. И я — тоже. Но я надеялась, что Келла сейчас вставит Ниночке мозги, куда надо. Заберет ее с собой: взвалит на плечо и унесет к себе в берлогу.

Келла вдруг резко перескочил несколько ступеней и схватил обалдевшую Нинку за талию.

— Решила выйти замуж? А как же я, а? — спросил он весело и развязно подмигнул мне в знак приветствия. Глаза у него были шальные.

— Какое платье шикарное. Сама шила? — осведомился он. Вопрос его, конечно же, проигнорировали.

— Отпусти меня! — заорала Журавль, забарахтавшись в его объятиях. Платье-пирожное слишком сильно мешало маневренности. Все, что она могла — упереться руками в его грудь. Расстояние между их лицами можно было назвать почти интимным, ну, если, конечно, не брать во внимание тот факт, что лицо у Журавля было таким, словно она собирается плюнуть парню в глаз. Букет ее упал, и я тотчас подобрала его, решив, что отношения эти двое должны выяснять без меня.

— Не отпущу, — твердо сказал Келла и всмотрелся сквозь вуаль. — Отлично выглядишь.

— Пошел вон, скотина! — заорала еще громче Нинка, перекрывая смех и веселье окружающих. На нас стали недоуменно поглядывать. И все, как и я, думали, что Келла пытается украсть невесту прямо с собственной свадьбы.

Это казалось милым и романтичным действием. Для всех, кроме моей подруги.

— Пошел вон, — повторила Нина злым голосом, не оставляя попыток вырваться.

— Не пойду, — был непреклонен синеволосый.

— Убери руки, ублюбочный! — попыталась подруга ударить Келлу по плечам, но тот играючи перехватил ее руки и, словно насмехаясь, поцеловал запястье, за что тотчас чуть не поплатился — Журавль едва не двинула ему запястьем в нос.

— Королева, — укоризненно сказал Келла, — будь милее. Хотя бы сделай вид, что скучала.

— Провались ты в выгребную яму! — вновь предприняла попытку вырваться из железных объятий Ниночка.

— Не провалюсь, — не хотел себе подобной судьбы синеволосый.

— Отпусти ее, — попыталась вмешаться я, хотя меня на самом деле душил смех.

— Не-а. Заберу с собой, — улыбнулся мне широко Келла. Нинка барахталась, и удерживать ее ему становилось все сложнее и сложнее, однако он и не думал ее отпускать.

— Пойдем со мной, Королева, — обратился он к Ниночке, у которой уже едва ли не валил пар из ушей от злости. — У меня мало бабла, и я ни фига не перспективный, без связей и крутых предков. Но я тебя не забыл.

Нинка вдруг замерла, перестав биться, как рыба на берегу.

Мне показалось на мгновение, что его слова заставили огненный лед, сковавший ее сердце, тронуться, треснуть и что сейчас гордость ее отступит, и Нинка скажет: «Да, заberi меня, пожалуйста. Я не хочу так — за деньги», но...

— Ты идиот **запрещено цензурой**? — изрекла она тоном выдавшего виды сапожника. — Какого черта? Думаешь, ты мне нужен, синильная гнида? Пшел отсюда, пока я тебе позвоночник из горла не вытащила.

— Вот же ты, Демоница, — почти восхищенно покачал головой Келла. — Богатый лексикончик.

В это время широкие двери, ведущие в ЗАГС, отворились, и мимо нас прошествовала огромная толпа чьих-то родственников, которые неподалеку от лестницы выстроились в два ряда, явно готовясь встречать очередных жениха и невесту. Следом на крыльце появился и поверенный Эльзы Власовны: среднего роста темноволосый деловитый мужчина с дипломатом в руке.

— А, вот и вы, — обрадовался он, увидев Нинку. Рядом с ним у порога маялся, все время глядя по сторонам молодой человек лет двадцати пяти, в очках, в расстегнутом сером пальто

и видневшимся под ним черным строгим костюмом. В руках его был элегантный букет с алыми розами.

— Извините, — обратился он к поверенному и что-то тихо спросил у него. Тот так же тихо ответил.

Я как-то сразу поняла, что это — Ипполит.

Нинка, не будь душой, тоже догадалась об этом. Свадьбу из-за Келлы отменять ей не очень хотелось — видимо, его слова не показались ей столь искренними и убедительными, как мне. Или очень уж ей хотелось наследства. И подруга, собрав воедино все свои силы, каким-то неведомым мне образом оттолкнула Келлу и, ударив его по предплечью, бросилась к Ипполиту, забыв о своем слоеном платье. Поэтому немудрено было что она, запутавшись в нем, едва не упала.

Я бросилась к Нинке на помощь, однако Келла умудрился поймать ее, придерживая за талию, и даже поставить на ноги.

— Да исчезни ты, свинья, — прошипела Журавль и потянула руки к своему суженому. Тот, кстати, был весьма недурен собой, напоминая чем-то прокачанную и улучшенную версию Эдгара.

Келла, кажется, все-таки обидевшись на «свинью», не стал больше ее удерживать. Улыбка с его лица пропала, уступив место то ли брезгливости, то ли злости.

— Ипполит, умоляю, спасите! — с той страстью, с какой только могла, обратилась Нинка к будущему супругу.

Тот удивленно посмотрел на нее.

— Что? — не понял Ипполит и нервно поправил очки.

Вместо ответа Ниночка трогательно прижалась к нему, обхватив его плечи руками. Глаза Ипполита стали по пять рублей. Глаза тех, кто выстроился для встречи новой пары молодоженов стали еще больше. А я поняла, что тут что-то нечисто. Попыталась предостеречь подругу, но меня не слушали.

— Я приехала на свадьбу с вами, а этот негодяй пристает ко мне, — вполне естественно всхлипнула Нина, а Келла, услышав это, захохотал.

— Я должен вас защитить? — уточнил слабым голосом Ипполит, пытаюсь от нее отлепиться.

— Конечно, — подняла на него взгляд Нинка. — Вы мой жених. И я выйду за вас. Так и знайте, — пообещала она.

— Какой он твой жених? — раздался громкий женский голос — из ЗАГСа вышла весьма бойкая дама лет пятидесяти в элегантном пальто и замысловатой белой шляпе в черный горох. — Отойди от моего зятя, шалава! — велела она Нинке.

Та, не отликая от жениха, послала тетку в пеший тур по лесам и долам. Она всем своим видом показывала, что отдавать Ипполита, вернее, деньги Эльзы Власовны, не намерена.

— Пожалуйста, прекратите, — взмолился молодой человек в очках. — Люди смотрят, неудобно.

— Что происходит? — ничего не понимал поверенный. — Нина, вы перепу...

Однако его слова заглушил рев дамы в шляпе:

— Ах ты, кобель! — заорала она уже Ипполиту. — Неудобно ему! Только на Светочке моей женился, уже девку какую-то отыскал! И на что мою девочку-то променял?! На деревенщину в уродском наряде!

— Да ты себя видела? — возмутилась Нинка, забыв, как выглядит. Но тут до нее дошло,

что она перепутала женихов и полезла обниматься к чужому, уже даже не жениху, а мужу, который, видимо, ожидал невесту, дабы вместе с ней выйти к гостям, готовящимся осыпать их лепестками и пожелать счастливой семейной жизни. Наверное, он что-то хотел спросить у поверенного, а мы с Нинкой приняли его за Ипполита.

Пока тетка орала, Журавль отпихнула несчастного молодого человека в очках, который от воплей тещи съеживался все больше и больше, и подошла ко мне, делая вид, что оказалась тут случайно.

Келла продолжал ржать.

К даме присоединился хор родственников, построившихся на лестнице, которые были удивлены поступком лже-Ипполита. Они в один голос под руководством тещи кричали на бедного молодого человека. Видя, что тот не может дать отпор, к воплям подключилась и вторая часть родственников — со стороны жениха. Его они, естественно, защищали.

Обстановка накалилась.

— Мама, что происходит? — вышло в это время из ЗАГСа эфемерное юное создание в свадебном платье и фате-паутинке. Рядом с ней стояла девушка с букетами: судя по браслету на руке — свидетельница. Обе они были растеряны.

— Света! — бросился к ней Ипполит. — Она сама ко мне пристала!

— Не подходи к моей дочери! — взвизгнула теща.

Что там было дальше, даже не знаю — мы, наконец-таки, скрылись в ЗАГСе вместе с поверенным Эльзы Власовны и, как оказалось, Келлой.

Он смеялся. Чуть ли не пополам согнулся, оглашая хохотом «Дворец бракосочетаний» — ему даже замечание сделали, но синеволосому было глубоко фиолетово на чужие слова.

— Все из-за тебя, бестолочь, — озлобленно глянула Нина на ржущего Синего. — Убирайся, труп.

— Нин, успокойся? — не смогла сдержаться я. — Может быть, вам поговорить? Просто сесть и поговорить.

— У нас нет времени на разговоры, нам нужно зарегистрировать отношения, — встрял поверенный. Его никто не слушал.

— Катя дело говорит, — с одобрением в голосе сказал Келла. — Поболтаем? Я скучал.

Журавль устало откинула назад вуаль и с ненавистью посмотрела на музыканта.

— Дверь там, рыло. Прочь.

— Ты уверена, что хочешь этого? — резко прекратив смеяться, спросил тот.

— Более чем. Пошел вон с моих глаз, — приказала Нинка, но я вдруг заметила, как голос ее едва заметно дрогнул.

Или мне показалось?..

Келла свел темные брови к переносице. Кажется, он был крайне зол и едва сдерживался. И куда только делся его веселый смех?

— А я последний раз предлагаю: пошли со мной, — проговорил он сквозь зубы.

— А я в последний раз предлагаю тебе пойти в зад, — отозвалась тотчас Нина.

Они с яростью уставились друг на друга.

— Может быть, успокоимся? — вмешался поверенный Эльзы Власовны, нервно поглядывая на дорогие наручные часы. — Церемония скоро.

На него никто не обращал внимания, кроме меня.

— Дура, — насмешливо посмотрел Келла на Нинку, с трудом пряча гнев.

— Следи за словами, — припечатала та его уничтожающим взглядом.

— Я твой жених, — и Келла плотоядно улыбнулся. — Твой путь к финансовой независимости, — явно передразнил он кого-то.

Он не шутил.

У Нинки ни один мускул на лице не дрогнул, только от глаз повеяло таким холодом, что я испугалась за нее.

Она молчала, а синеволосый же, кажется, торжествовал. Упивался победой. И в его взгляде не было ничего доброго, в нем появилась какая-то болезненная жесткость.

— А, это вы! Я ждал вас. Ефим Строганов-Софьин? — уточнил тем временем поверенный, копаясь в документах.

— Он самый, — отрывисто бросил Келла.

Поверенный протянул ему ладонь, и они обменялись рукопожатием.

Я молчала. Не знала, что сказать. И все мои теплые мысли, вся моя надежда, что Келла вернется за своей любимой, таяли, как эскимо в теплых руках.

Он мстил. Издевался. Проверял Нину на прочность.

Наслаждался ее поражением.

— Отлично, наше время как раз проходит, а Эльза попросила меня приглядеть за вами, — вновь бросил поверенный взгляд на часы. Он, кажется, ничего не подозревал. — Ваши документы, друзья, с собой?

— С собой. Но мне сказали уйти, — со смешком отозвался барабанщик, глядя при этом в лицо Журавлю с дерзким вызовом. — Не смею перечить.

— А как же Ипполит? — не веря, спросила я. Да что тут происходит, в конце концов?

— Эльза Власовна пошутила, — ответил, прокашлявшись, поверенный. — Ну, вы же знаете, как эксцентричны порою эти пожилые богатые леди.

— Вы что устроили? — рассердилась я, теперь до конца поняв, что над подругой просто-напросто зло пошутили. Очень зло. И слаженно. Нет, она и сама шутила над людьми, и порою довольно жестоко, но...

Но могла ли я быть не на стороне своей лучшей подруги?

Конечно, нет.

А Журавль словно очнулась. Оглядела их презрительно. Даже улыбнулась — ни дать, ни взять Снежная Королева. И глаза — словно льдинки. И голос — ледяной. И сердце.

— Вот как. Решил поиздеваться надо мной? — не своим голосом спросила Нинка и трижды медленно похлопала в ладони. — Bravo, мой милый. Bravo. Десять баллов.

— Было смешно. Почему бы и нет? — пожал широкими плечами Келла.

— Почему бы и нет, — задумчиво повторила подруга, зачем-то беря у меня из рук свой огромный букетище. — Действительно... Почему? — спросила Журавль словно саму себя и внезапно огрела букетом Келлу по лицу. Хоть реакция у него и была хорошая, но увернуться он не успел — не ожидал такой подставы.

— Стерва! — заорал он и вновь едва не получил охапкой роз по лицу, но отскочил. Больно ему не было — было обидно.

— Иди сюда, биомасса, — кровожадно поманила его Нинка, и лицо ее перекопилось от ярости. — Я тебя в порошок стирать начну.

Журавль, не слушая ни меня, ни поверенного, приближалась к барабанщику. Она попыталась еще раз ударить его, но Келла, выругавшись, выхватил букет из ее пальцев и швырнул на пол, а после несколько раз со злостью наступил на хрупкие замерзшие цветы.

На мраморном полу они смотрелись некрасиво. Помятые, с отлетевшими лепестками,

изломанные. Особенно досталось лилии.

Мне стало их жаль.

Подруга не растерялась и пустила в ход сумочку, которая попала синеволосому по плечу. Он разъярился еще больше. Казалось даже, Келле хотелось ударить Нину в ответ, но он сдерживался.

— Вы что делаете?! Зачем мусорите?! — справедливо возмутилась одна из работниц ЗАГСа, проходящая мимо.

— Она за собой уберет, — кивнул на Нинку Келла.

— Друзья, а как же свадьба?! — возопил поверенный, который совсем ничего не понимал.

— Не будет никакой свадьбы, — хрипло сообщил синеволосый. — И денег, — усмехаясь, добавил он, глядя в окаменевшее лицо Нины. — Пошла ты.

— Я не опоздал? — услышала я вдруг еще один знакомый голос за спиной и резко обернулась — позади стоял Антон и улыбался.

Сердце запело, зазвенела на одной ноте кровь. Кого-кого, а уж его я тут встретить совершенно не ожидала.

— Антоша, — только и сказала я растерянно, а он подошел ко мне, обнял, коснувшись губами щеки, и шепнул:

— Нереально скучал.

Я обняла его в ответ — крепко-крепко и прижалась щекой к груди. Кажется, даже почувствовала стук его сердца.

Наши объятия были короткими, но от прикосновений словно холодный ток по телу прошелся, и хотелось никогда его больше не отпускать. Тропинин, кажется, был такого же мнения и крепко взял меня за руку.

Наверное, если бы не люди вокруг и не напряженная ситуация, мы бы не разжимали объятия еще долго, но нам пришлось нехотя отпустить друг друга. Слишком уж тяжелая атмосфера была.

Нинка громко фыркнула, Келла хлопнул друга по плечу в знак приветствия.

— Вы — свидетель? — уточнил нервничающий поверенный.

— Свидетель, — кивнул Антон. — Попал в пробку, опоздал. Поздравляю, — скользнул он равнодушным взглядом по Ниночке. — Отлично выглядишь.

Его голос был таким серьезным, что почти нереально было заподозрить усмешку.

— Зря приехал, чувак, все отменяется, — сказал Келла, с вызовом глянув на Нину.

— В смысле? — не понял Антон и с некоторым изумлением глянул на меня, а после перевел взгляд на цветы. Приподнял бровь.

— В прямом, — мрачно отвечал синеволосый. — Я ее послал.

Он произнес это с нескрываемым удовольствием.

— Но как же так? — заволновался поверенный, который не хотел отвечать перед Эльзой Власовой за проваленную операцию сводничества.

Нинка в это время молча развернулась и направилась к выходу, по пути сама же наступив на свои цветы, которые теперь ее не интересовали. Люди вокруг с удивлением смотрели на нас. Провожали изумленным взглядом ее.

— Нина! Стой! — бросилась я за ней, с сожалением отпустив ладонь Антона. Отчего-то подругу было нереально жалко. И вообще, происходящее казалось неправильным, диким.

Нина остановилась. Спина ее была слишком прямой. Голова была слишком приподнята.

И взгляд был слишком безжизненным.

— Не ходи за мной, — резко сказала она, не оборачиваясь. И тон ее был такой, что я ясно поняла — сейчас подруга хочет остаться в одиночестве. И лучше ее не трогать.

— Позвони мне потом. Я волнуюсь за тебя, — только и сказала я, коснувшись ее плеча. Нина кивнула, но не обернулась. Может быть, не хотела, чтобы я видела ее глаза.

— Эй, Королева, — крикнул ей в спину Келла. — Приезжай ночью! Может, уговоришь, и я соглашусь жениться на тебе!

И он опять засмеялся. А подруга гордо покинула «Дворец бракосочетаний». Поверенный бросился следом за ней.

— Хватит! — рассердилась я. — Ты что о себе возомнил?

— Заслуживает, — ответил Келла. — Не лезь, Катя.

— Она — моя подруга.

— Плевать.

— Мне не плевать.

— Твои проблемы.

— Полегче, — недовольно глянул на него Антон, вновь беря меня за руку.

— Зачем ты так поступаешь? — выкрикнула я, испытывая двойственные чувства: с одной стороны, была ужасна рада видеть любимого, а с другой — была расстроена из-за подруги.

На одной половине души — весна, на второй — зима.

— Переживет, — отозвался Келла с ухмылкой. — Ей полезно. С-с-стерва, — коснулся он лица, по которому попало цветами.

— Ты ведь тоже ее обманывал! — возмутилась я. — Вы оба стоите друг друга!

Келла крайне кисло на меня посмотрел. Но промолчал.

— Что вообще происходит? — с интересом спросил Тропинин. — Какую часть драмы я пропустил?

— Бóльшую, — усмехнулся Келла. — Было весело.

— Я тоже хочу знать, что происходит, — хмуро сказала я, подняв на Келлу сердитый взгляд. — Антош, объясни, пожалуйста, почему ты меня не предупредил о приезде?

— Хотел сделать тебе сюрприз, — улыбнулся он.

— Я тоже хотел сделать сюрприз, — зловеще произнес Келла.

Мне стало обидно, да и злость брала — не хотелось верить в то, что Тропинин вот так взял и вместе с другом поиздевался над Ниной. Но поспешные выводы я делать не хотела.

— Давайте уйдем отсюда и поговорим в спокойном месте, — предложила я, вздохнув. А перед тем, как уйти, собрала растоптанные цветы и выкинула их.

Мы втроем переместились в кафе неподалеку — с видом на ЗАГС, к которому то и дело подъезжали машины и выходили красивые девушки в белых платьях в сопровождении женихов. И чем больше я смотрела на счастливые пары, тем больше мне было жаль мою Нину. И тем злобнее я поглядывала на барабанщика. Келла же пил пиво и вообще вел себя так, словно ничего и не случилось: заигрывал с официанткой, шутил, громко разговаривал по телефону. Виноватым он себя не чувствовал. Напротив, в глазах его появилось такое инквизиторское выражение.

Ведьм надо сжигать. Даже если это твоя любимая ведьма.

Антон же, одной рукой обнимая за плечи, а вторую положив мне на колено, попытался объяснить, что происходит.

Оказалось, что на днях Келла предложил Антону смотаться в родной город. На свою собственную свадьбу. Узнав причину, Тропинину поплохело — как-то он совсем не представлял, что его друг собирается стать чьим-то законным супругом. Узнав же, кто невеста, Антон, по словам Келлы, ржал целый час и так достал синеволового, что тот едва не выбросил его из окна.

Шанс увидеться со мной Антон не стал упускать.

— Слишком скучал, — признался он, а его друг демонстративно поморщился и зажал нос двумя пальцами, заявив гундосо:

— Любовью пованивает.

— Заткнись, — велели ему и предложили. — Не дыши.

— Антон, но почему ты не сказал мне, что жених Нины — Келла? — сердито спросила я, под столом пытаюсь убрать настойчивую ладонь Тропинина, которая медленно, но целеустремленно ползла вверх по колену.

— Откуда мне было знать, что вы понятия не имеете, кто у Демоницы жених? — пожал он плечами. — Думал, ты в курсе. Просто молчишь об этом.

Я выдохнула.

— Я тоже думал, что Королеве известно, — буркнул Келла. — Эльза мне только сегодня сказала, что малышка понятия не имеет, кто женишок. За деньги же замуж выходит. Но девочке сбили спесь, — самодовольно добавил он, и я готова была задушить его.

— Я была лучшего мнения о тебе. Как вообще получилось, что она тебя на такое уговорила? — не понимала я.

Оказалось, что просто. Пожилая родственница Ниночки так привязалась к Келле, что иногда звонила ему и вела беседы. Бабка Журавля парня забавляла. Рэн шутил даже, ходя при этом по лезвию ножа, что Эльза — единственная постоянная девушка Синего. А некоторое время назад она предложила Келле авантюру со свадьбой — помучить Ниночку. Он сначала отказывался, однако то ли задетая гордость требовала мести, то ли в нем все еще оставались осколки чувств к Журавлю, и он согласился.

«Я сделаю так, что она будет бегать за тобой, мой мальчик», — сказала пожилая женщина. И его мозговая активность дала сбой.

— Поверить не могу... Ты просто взял и согласился на это? — спросила я у Келлы.

— А что такого? Эльза правильно говорит: месть — это закрытый гештальт, — отозвался синеволоный, неспешно жуя гренку с чесноком, которые подавали к пиву. — Людей нужно учить, чтобы они поняли свои ошибки. Я выступал в роли учителя, Катенька, — улыбнулся он мне. — Теперь Демоница поймет, что больно бывает и другим людям.

И я поняла, что Эльза Власовна просто качественно промыла ему мозги.

— Все-таки было больно, когда она тебя бросила? — с неискренним участием спросил противным голосом Антон. И Келла сердито глянул на него.

— Вот оно что. Но как вы уехали? Как вас отпустили? — удивилась я, поражаясь идиотизму парней.

Оказалось, никак. У них выдались свободные деньки, и эти два придурка просто сбежали и поставили всех перед фактом, что приедут через три дня.

У меня слов не находилось. Зато находились все новые и новые поцелуи. К Тропинину тянуло, как к магниту. Я была рада его видеть, сердилась на него немного, и к этому же коктейлю присоединилась нежность, которая топила сердце.

— Я вас оставляю, — решил наконец Келла, наблюдая за нами. — Иначе покроюсь ванильной плесенью.

— Проваливай, — на секунду оторвался от моих губ Антон.

Келла ухмыльнулся, пожелал другу быть осторожным, схватил гренку и ушел.

А мы еще долго целовались, сидя на диванчике в кафе и вновь находясь на тонкой грани приличия, что в моменты такой близости стиралась, и казалось, что мы все делаем правильно, а после Кейтон сказал тихо, проводя губами по моей щеке:

— Поехали ко мне. Отца нет.

И я согласилась, предвкушая новый восход яркого солнца.

Может быть, это его лучи казались бабочками?

* * *

Нина была в ярости.

Нет, вернее, она была в дикой ярости.

Не в той, горячей, струящейся по крови жгучими волнами, не в той, которая затмевает разум, обнажая слабые места и заставляя делать необдуманные поступки. А в иной: обжигающе холодной, вдумчивой, проникшей в каждую клеточку, позволяющей хладнокровно планировать месть — мелочь за мелочью.

Эта ярость взяла ее за горло тонкими холодными пальцами и не отпускала, не душа, но и не давая глотнуть воздух полной грудью.

Нина долго шла по набережной, игнорируя насмешливые и удивленные взгляды прохожих, подняв голову и глядя только вперед, и думая, думая, думая...

Ее никогда так не унижали. Даже Гектор — с ним, скорее, была игра, сродни детской: получится или нет, этакий азарт, проверка своего упорства в поставленной цели. Подростковое помешательство, заменившее чувства. Развлечение.

А Келла смог — унизил, опустил на дно. У него получилось.

Достал. До сердца.

Нинка не понимала, как это произошло, но чувствовала, что во всем была замешана старая жаба. И если бы сейчас ведьма появилась перед ней, то закончила бы свои дни в серой речной глади.

Снег усилился, и от ужасных ботинок на запорошенной набережной оставались следы. И девушка все шла и шла, не чувствуя холода.

Нина не жалела себя — не привыкла к такому.

Она ненавидела.

Эльзу. Его. Себя. И — как ни странно — свои чувства.

Ведь самым страшным и унижительным было обнаружить, что при виде Келлы в ее душе что-то переворачивается, меняется — из-под огненного льда пытается пробиться цветок. Именно потому у него получилось ее зацепить.

А ведь сначала она даже поверила ему — подумать только, несколько секунд верила, когда Келла предлагал ей уйти вместе с ним. И с ужасом Нина поймала себя на мысли, что хотела этого — хотела взять его за руку и уйти, неважно, в закат или рассвет, просто уйти, сбежать, не думая ни о чем. И знать, что он — рядом.

Холодный разум все же не победил горячее сердце, как бы она ни старалась.

А когда Келла стал смеяться — внутри что-то хрустнуло, как кость под клыками пса, и ярость одарила ее огненными крыльями, чтобы позже накинуть сеть изо льда, которая выросла в душу.

Решил поиграть? Любовь или деньги?

Ублюдок.

Как она могла выбрать первое, когда ей нужно было второе? Какая любовь, если она *нуждается* в деньгах? Какие чувства, если отцу необходимы были эти деньги? Всей семье необходимы были.

Но такие, как Келла, никогда не поймут их ценность. Они твердят, что не в деньгах счастье, потому что не нашли его ни в чем другом. И даже в деньгах не смогли найти. Потому что они не знают, что такое счастье.

Нина не плакала, но внутри у нее что-то надломилось, и это было страшнее слез. И она все шла и шла, чтобы очнуться от того, что заледенели ее пальцы и промерзли ноги.

Только после этого девушка вызвала такси и уехала домой.

Дома оказалось не лучше. На пороге ее встретила Софья Павловна, бледная и с поджатыми губами. Рядом стояла Ирка с испуганными глазами и непривычно молчала.

— Что за наряд? Где ты была? — спросила мать тихо и отрывисто.

— На костюмированной вечеринке, — отвечала Ниночка и получила по лицу.

Не сильно, скорее обидно. Мать никогда раньше не била ее — даже в детстве.

— За что?! — закричала Нина.

— Твой отец в больнице. Ходи дальше по вечеринкам, — холодно сказала Софья Павловна и, открыв входную дверь, быстро вышла. Она как раз спешила в клинику, куда Виктора Андреевича и увезли — ей только что позвонили из его офиса. Сказали, что мужу плохо и что вызвали скорую.

Впервые за все время Нина почувствовала, как у нее подкашиваются ноги. Предательская слабость прошлась по пальцам, заставляя их мелко дрожать. И Нина только силой воли сжала их в кулак. Как бы ни раздражал ее отец своими днями семьи, занудством и желанием все контролировать, она все же любила его. И сейчас ей было страшно. Казалось, в один день из-под ее ног выбили почву.

— Что с ним? — только и спросила Нина у сестры. Та, всхлипнув, пожала плечами.

— Не знаю, — проговорила Ира, обхватывая себя руками. — Все плохо, да? — спросила она с истеричным смешком. — Что нам делать, если...

Она не договорила.

— Не ной, — отрезала Нина. А пальцы все так же предательски дрожали. И тотчас решила: — Я поеду к отцу.

И она выбежала следом за матерью. Однако опоздала — Софья Павловна уже уехала, и блондинке пришлось вернуться домой. Куда ехать, она не знала и не могла дозвониться до отцовского офиса — там все время было занято. Крестный не брал трубку, а мать, как назло, забыла мобильный дома.

Снявшая платье и смывшая макияж Нина сидела вдвоем с Иркой в гостиной в ожидании новостей. А за окном падал снег, и девушке казалось, что она падает вместе с ним.

Что еще должно произойти, чтобы сломать ее?

— Мою карточку заблокировали, — сказала вдруг Ира. Кажется, она до последнего не верила, что отец мог разориться. — А твою?

Нина пожала плечами. Она думала. Много думала. И голос сестры мешал

сосредоточиться. Понять, как надо действовать. Расставить приоритеты. Убить ли гордость.

— Дядя Саша сказал, что отец продал всю недвижимость. У нас почти ничего нет, кроме этой квартиры, — продолжала Ира.

— Замолчи, — попросила ее Нина устало.

— Если с папой что-то случится, как мы будем жить? — не умолкала Ира, которой действительно было страшно.

— Заткнешься ты или нет? — крикнула рассерженно Нина, которая и мысли такой не допускала.

— Тебя ничего не волнует, — заявила Ира обвиняющим тоном. Сейчас ей хотелось кого-нибудь обвинять, ну хоть кого-нибудь, и младшая сестра не вовремя оказалась рядом.

— Просто. Закрой. Рот, — не могла уже более сдерживаться та. — Пока я тебе его сама не закрыла и бантиком не перевязала.

Они замолчали — каждая в своем углу. Ира вяло копалась в телефоне, изредка вытирая покрасневшие глаза. А Нина пыталась по-разному прокрутить ситуацию, однако мысли об отце и беспокойство не давали ей этого сделать.

Мать позвонила спустя час и сказала поспешно, что с отцом сейчас все хорошо, однако вдаваться в подробности не стала, да и связь была отвратительной.

Когда Нинка решила, за окном стало медленно темнеть.

Она приняла горячий душ, словно смывая водой последние сомнения, попыталась по привычке наложить легкий макияж, но пальцы ее до сих пор предательски дрожали, и Нина сама себя ударила по ним, ненавидя за слабость. Косметичку в порыве чувств она швырнула об угол стола, и многочисленные помады, туши, подводки, пудреницы, тональные крема, которыми девушка раньше щедро закупалась, рассыпались по полу. Не обращая на них внимания, Нина машинально оделась — не вычурно, а в то, что попало под руку: в темно-синюю водолазку и темно-серые джинсы.

Волосы она забрала в высокий хвост и перетянула черной резинкой — как будто бы душу себе перетягивала. И долго смотрела на себя в большое прямоугольное зеркало: бледная, с тенями под глазами, опущенными уголками глаз, но с решительно сжатыми губами. Нина и без косметики была красива, однако никогда не обходилась без нее, считая, что лицо не такое выразительное и яркое, какое бы ей хотелось. И сколько бы Катя не заверяла Нину в обратном, она не верила и упрямо продолжала делать мэйкап.

— Ты это сделаешь, — сказала своему отражению девушка.

Отражение равнодушно молчало.

— Сделаешь. Поняла меня? — проговорила Нина, чувствуя, как волной вновь накрывает ее ярость, от которой слезятся глаза и начинает колотить в висках.

Отражение смотрело высокомерно, гордо подняв подбородок и сверкая глазами.

— Сделаешь, — сжав зубы, проговорила Нина тихо, и внезапно ударила по зеркалу крепко сжатым кулаком. В лицо своему отражению.

Зеркало, любимое и выбранное с особой придирчивостью, треснуло, но не разбилось. Устояло и не осыпалось. Но по зеркальной глади тотчас поползли отвратительные трещины, похожие на паутину. Несколько кусочков стекла беззвучно упали на мягкое ковровое покрытие. А на руке появилась кровь. Ее же смазанные следы остались и на самом зеркале.

Отражение больше не было высокомерным, оно дрожало теперь и было размытым.

Нина разбивала не зеркало. Она разбивала свою гордость — и та разлетелась на миллионы искрящихся осколков, которые поднимались в грозное небо.

Девушка молча перевела взгляд на окровавленные костяшки пальцев. Боль в руке помогла успокоиться, прогнать горячую ярость, затмевающую разум. Однако на смену ей отчего-то так и не пришла ярость холодная, та, вдумчивая; пришел лишь холод — вечный спутник пустоты.

Ни разу не поморщившись, Нина обработала порезы антисептиком, однако кровь, хоть ее и было не слишком много, не останавливалась, и девушка наскоро забинтовала руку.

Больше в разбитое зеркало она смотреться не стала и, схватив со стола небольшую сумочку и ключи, вышла в прихожую. Крепко завязала шнурки на кроссовках, о которых редко вспоминала, надела удлиненную стеганую куртку на замке, поправила волосы в хвосте. Она открыла уже было дверь, как в прихожей появилась Ира.

— Ты куда? — подняла она на младшую сестру глаза. Взгляд у нее был подозрительно-осуждающим.

— Куда надо, — не стала ничего ей объяснять та и вышла из квартиры.

— Да я знаю куда, — фыркнула Ирка. — Счастливо повеселиться! — выкрикнула она, решив, что Нина вновь направилась на очередную вечеринку.

Когда Журавль вышла на улицу и села в подаренную отцом машину, снег усилился, а когда, крепко сжимая руль, подъехала к дому, в котором жил Келла, — она до сих пор отлично помнила его адрес, начался настоящий снегопад. Дважды ее «Жук» едва не «поцеловался» с другими машинами, и только чудо спасло автомобили от столкновения.

Припарковаться во дворе дома Келлы было крайне проблематично — все места оказались заняты, и Нина кинула свою алую красавицу у соседнего дома, поставив на сигнализацию.

«Добавлю пару гвоздей в гроб своей гордости», — усмехнувшись, подумала девушка, поднимаясь по крыльцу. Руку саднило, но она старалась не обращать на это внимание.

Знакомый подъезд встретил ее тишиной и запахом чьего-то позднего ужина — дом Келлы не был элитным, находился в обычном районе с множеством деревьев, маленькими супермаркетами и крохотными магазинчиками, в которых продавали алкоголь и после одиннадцати. Рабочий район — ничего особенного.

Квартира синеволосого находилась на десятом этаже, и, прежде чем нажать на звонок, Нина замерла, как будто бы сомневаясь вновь: звонить или не звонить, а после с силой нажала на него.

Порез на руке саднило.

Журавль не думала, что в это время Келла дома — слишком рано, скорее всего, Рыло тусуется где-то с друзьями и подружками, однако дверь открыли. За нею стояла девушка: симпатичная, среднего роста, с ямочками на щеках и темными волосами, заколотыми простым крабиком со стразами — подобные безвкусные вещички Нинка терпеть не могла.

Девица по всем параметрам проигрывала ей, даже несмотря на то, что была младше. Зато на ней была надета черно-красная клетчатая рубашка Келлы, которая доставала почти до колен.

— Вам кого? — удивленно посмотрела на Нину девушка.

— Ефим дома? — спросила та холодным отстраненным голосом.

— Ефима нет, — покачала головой девушка.

— Когда будет?

— Не знаю. Он не докладывает. А вы кто? Что ему передать?

— Ничего, — ничего более не говоря, Нина развернулась и сбежала по лестнице вниз —

в кроссовках двигаться было удобно, не то что на высоченных каблуках, к которым она привыкла. Однако чувство дискомфорта ее не покидало.

Остановилась Нина лишь спустя несколько этажей и прислонилась к холодной стене.

И кто это такая? Очередная девочка на вечер-два? Или подруга с большим сроком годности? Судя по тому, что она в его рубашке, явно не родственница.

Отступать Журавль была все же не намерена — раз уж приехала сюда, поломав себя, раз уж позвонила в квартиру, где живет этот козел, раз уж встретила лицом к лицу с его девкой, никуда уже не уйдет.

Дождется.

И она вернулась на десятый этаж, сев прямо на ступени.

Рука саднила все больше, а Нина, притянув к себе ноги и положив на коленки подбородок, стойко сидела. Несколько раз ей казалось, что лифт едет сюда, на последний этаж, и каждый мускул в ее теле напрягался, однако Келла так и не появлялся. Тут вообще никто не появлялся.

Прошел час, два, три. Нина устала сидеть, и ноги у нее затекли. Батарея телефона, который хоть как-то помогал скрашивать ожидание, разрядилась, и девушка осталась наедине с собой и подъездной тишиной. Она не знала, сколько сейчас времени, видела только через окно, как в других домах, один за одним, гаснут огни. Ожидание было сродни пытке. А Нина Журавль ненавидела ждать.

Она думала, что, возможно, он зайвится наутро, а, может, и вовсе не придет и что, возможно, ей нет смысла сидеть под его дверью, но не могла заставить себя встать и уйти.

Такие, как она, идут до конца. Останавливаться на середине — преступление против самой себя.

И Нина ждала, ловя каждый звук и следя за поздними гаснущими огнями.

Когда Келла все же появился посреди ночи, она спала, прижавшись спиной к стене и согнув ноги в коленках. Сначала даже парень и не понял, кто сидит на ступенях напротив его квартиры, подумал даже, что это какая-нибудь местная пьянчужка. Но когда, присмотревшись, понял, что это — сама Нина Журавль, от изумления даже замер, не веря глазам своим.

Он был не совсем трезв. Встречался сегодня со старыми друзьями — сугубо мужской компанией. Они впятером сидели в баре, пили пиво, курили кальян и разговаривали: громко, со смехом, с хлесткими выражениями. Говорили обо всем: о днях минувших, о тусовках, о машинах, о политике, о девочках. Один из парней недавно женился и остальные то и дело подкалывали его, называли «каблуком» и все спрашивали, заставляет ли он новоиспеченную жену готовить ему борщи и делать прочие мужские радости. Больше всех старался Келла, словно и не был сегодня в ЗАГСе. Приятная компания старых друзей помогла ему ненадолго забыть все то, что было утром, и удары проклятыми цветами по лицу, и — главное — слова.

Слова ранили сильнее. Цветами — всего лишь по лицу, а словами — прямо в душу. Апперкотом. Четко. Прямо в цель.

Почему эта идиотка всегда бьет его по лицу? А он не может ответить тем же. Вынужден бить в душу: джебом, хуком, оверхендом — как получится, сам не успевая ставить блоки.

А ведь он был, черт побери, искренен! Подумаешь, что несколько секунд, но был. Если бы она только сказала ему: «Я пойду с тобой», — он бы, не раздумывая, взял ее за руку и увел за собой, и простил бы все, позволив начать заново, и обнял бы — так, как не обнимал других.

Она выбрала деньги.

В очередной раз.

Дешевка.

И тогда Келла не смог отказать себе в удовольствии отомстить ей, поиздеваться. Правда, торжествовал он недолго — сперва огонь победы полыхнул ярко, как спичка в темноте, но только вот спичка эта догорела слишком быстро, превратив радость в пепел.

Хотелось забыться. Оторваться. Напиться.

— У тебя-то девчонок навалом, — с дружеской завистью сказал кто-то из парней. — Небось фанатки из каждой щели лезут!

Келла ухмыльнулся и сказал что-то скабрёзное, не став разрушать образ героя-любовника. Компания захохотала, а кто-то из друзей вспомнил вдруг:

— Ты летом же с красивой блонди гонял. Куда дел?

Келла тотчас помрачнел, но ничем себя не выдал. Сказал, что у него было столько красивых блонди этим летом, что всех и не упомнить.

Только вот образ Нины все стоял перед его глазами. Гордый и надменный. Совершенный.

Он же и мешал как следует напиться, и Келла сожалел, что вообще согласился на уговоры Эльзы. Она мастерски его натянула: говорила, как сможет он позабавиться с ее высокомерной племянницей, отомстить за поломанную гордость, показать, что сильнее, кто из них двоих — мужик.

Старуха отлично знала, что гордость — его слабость. А людьми, поддавшимися гордыне, легко манипулировать, сажая на крючок за крючком. Да и недаром она носила фамилию Журавль — хоть и была в годах, но оказалась той еще расчетливой стервой.

А еще они с парнями говорили о музыке: все в той или иной степени ею увлекались. Келлой гордились, но больше подкалывали, чем хвалили, спрашивали, когда «На краю» вернутся и как там дела, на Западе? Не опопсели ли они еще? И не зазвездились ли?

— Все путем, — отвечал самодовольно синеволосый, откинувшись на спинку кресла, в котором сидел, как король, вместо скипетра держа бокал. — Репетируем. Работаем в студии. Скоро выпустим интернет-сингл. Клип, все дела. Так что, пацаны, я крут, — в шутку показывал он рокерскую «козу».

Разговоры о музыке остужали горячую кровь, и пока Келла рассказывал о планах, о записи альбома, о забавных случаях в студии и на репетиционной базе, то забывал о блондинке.

А она сама о себе напомнила. Пришла в его подъезд и разлеглась на ступенях, как полная дура. Ждала его.

«Неужели пришла просить прощения?» — пронеслась в голове парня предательская мысль, и он, подойдя к Ниночке, сел около нее на корточки.

Нет, не может быть. Такие, как она, никогда не извиняются. Они же всегда правы, черт подери!

Келла всматривался в ее лицо. Он давно не видел Нину так близко: во сне девушка была мила и безмятежна и действительно казалась ангелом — беззащитным и доверчивым.

Когда они были на теплоходе, ему нравилось смотреть на то, как она спит и как смешно сопит и вздыхает, переворачивается с боку на бок и трогательно прижимается щекой к подушке.

А потом она увидела как-то раз сквозь ресницы, что синеволосый наблюдает за ней, и,

улучив момент, набросилась на него, опрокинув на спину. Их, правда, потом едва не застал дядя Витя, которому Келле в поездке хотелось пересчитать все кости, включая позвонки, однако все обошлось хорошо.

Келла внимательно разглядывал лицо спящей Королевы. Его взгляд остановился на полуоткрытых губах, и вдруг голову его посетила шальная мысль, что весело было бы засунуть туда сигарету.

«Ты рехнулся? Какая сигарета?» — спросил он сам у себя. И вдруг, против своей же воли, попытался дотронуться ее губ большим пальцем.

Девушка резко распахнула глаза, и Келла шарахнулся. Встал на ноги и спросил недовольно:

— Зачем пришла?

Нина сцепила зубы и тоже поднялась на ноги, не понимая, как так получилось, что она заснула.

— Разговор есть, — тихо сказала девушка, глядя на синеволосого.

— Что надо? — делано презрительно спросил он.

— Деньги, — еще тише произнесла Нина, но взгляд не отпустила. — Мне нужны деньги. Ефим, — назвала она вдруг его по имени, заставив сглотнуть, — пожалуйста, женись на мне. Иначе Эльза не оставит мне наследство, — каждое слово давалось ей тяжело, и потому голос ее был глухим и безжизненным.

— А вежливое слово? — сдвинул брови к переносице парень.

— Пожалуйста, — добавила Нина почти шепотом.

Келла рассмеялся: зло, негромко, с горечью.

Опять бабло! А уж он-то подумал! Придурок!

Нинка же терпеливо ждала, пока он просмеется.

— Проваливай, — сказал он с отвращением, замолчав резко.

— Нет, — упрямо мотнула головой девушка. Сейчас она не была похожа на светскую львицу в дорогих нарядах и с безупречной прической. Обычная девчонка.

Только красивая. И глаза какие-то стеклянные.

— Проваливай, я сказал.

— Нет. Ефим, Эльза даст мне деньги, если увидит наше свидетельство о браке, — нина старалась говорить спокойно, так, чтобы в голосе ее не звучала мольба, и это давалось ей до ужаса тяжело. — Мне нужны деньги.

— По вене их пускать собралась?

— Ефим.

— Проваливай, — и бровью не повел синеволосый и развернулся.

Нина схватила его за руку — пальцы у нее были холодными, но цепкими. И он не сразу смог выдернуть из них ладонь. А, может, не хотел?

— Уходи, Журавль, — сказал Келла, не поворачиваясь. — Ты мне не нужна. И твоя свадьба, и тетка. И деньги.

И он направился к квартире. Но даже ключ не успел вставить в замочную скважину, как вдруг Нина подбежала и обняла его за плечи, прижимаясь к спине. Она и сама не поняла, что за странному порыву поддалась.

— Помоги, — сказала девушка едва слышно, закрыв глаза и прижавшись к Келле щекой. Ее охватило вдруг странное, полузабытое чувство, которое она прятала в себе, потому как любовь, нежность и прочие розовые сопли казались ей слабостями.

А она не должна была быть слабой.

Она — сильная. Независимая. Гордая.

А, нет, гордость разбилась вместе с зеркалом в комнате... Валяется среди окровавленных осколков.

Обнимать его было болезненно приятным наслаждением. И все злые слова вдруг пропали, оставив в голове пустоту.

Келла, почувствовав тепло ее тела, застыл, как изваяние, не веря, что Королева обняла его. Только его наполнило вдруг совершенно иное чувство: тоска, беспросветная, безудержная, бесконечная.

Два огня: холодный и горячий столкнулись, наконец, заискрились, плавя осколки гордости, которые тотчас стали дымиться.

Келла, задрвав голову, зажмурился вдруг, сцепив зубы. И каждая жила на его шее натянулась — он пытался сдержать крик.

Как можно любить до такой степени, что начинаешь ненавидеть?

Как можно ненавидеть так, что готов убивать из-за этих гребаных чувств?

Но почему, почему он должен любить, а она — позволять ему это делать? Опять манипулирует, пытается заставить идти и на поводу, сделать то, что хочет, не считаясь ни с чьими больше чувствами, кроме своих! Да ей плевать на него! Он — лишь средство достижения ее цели.

«Не позволю», — рыкнул внутренний голос.

И Келла, на которого накатила волна праведного глухого гнева, схватил Нину за руку, лежащую на его плече — с силой сжав ладонь — и развернувшись, оттолкнул девушку. Не со всей силой, разумеется, но она едва удержалась на ногах.

— Не смей меня трогать! — крикнул он, ничуть не заботясь о том, что уже ночь и соседи давно спят. Ему было все равно.

— Сам. Не смей, — не своим голосом проговорила Журавль, тяжело дыша — как будто бы его гнев передался ей.

На бинте, что обматывал ее правую руку, проступила кровь.

В какой-то момент Келле, чей разум был затянут мутной пленкой обиды и злости, вдруг стало страшно — он так боялся сделать ей больно, навредить, даже тачку водил аккуратно, когда ездил с ней, а тут схватил за руку так, что появилась кровь, мать ее! В первые секунды синеволосый парень даже и не подумал, что от его сильной хватки может быть только синяк, но никак не кровь.

И испугался.

Он приблизился к Ниночке, и та, глядя на него с ненавистью, стала отступать назад, шаг за шагом, забыв, что сзади начинается лестница. Пораненная рука ее саднила с новой силой, но она почти не чувствовала этого — все ее внимание было направлено на Келлу, который, наконец, понял, что к крови на ее ладони он не имеет отношения.

Однако его внезапный страх прогнал ненависть.

— Стой! — крикнул он. А Нина все равно сделала еще один шаг назад и, чуть не оступившись, едва не упала, но Келла вовремя подхватил ее. Второй раз за день.

И притянул к себе, а она не отбивалась.

— Что с рукой? — спросил он, зло глядя на девушку.

— Порезалась, — ответила она почти с вызовом.

— Обо что?

— Об зеркало.

«Идиотка», — говорил его взгляд.

«Ублюдок», — отвечал ее.

«Ненавижу».

«Я сильнее».

Келла вдруг прижал девушку к стене, опираясь на костяшки одной руки чуть выше ее головы, а пальцами другой проводя по ее щеке, скуле, дотрагиваясь до полуоткрытых манящих губ, чувствуя горячее и отчего-то частое дыхание. Нина подалась чуть вперед и едва уловимо коснулась своими губами его губ. Мимолетом. С вызовом. Глядя ему в лицо, не мигая и не переводя взгляд.

У Келлы окончательно сорвало крышу. Он внезапно стянул с ее волос резинку, позволяя им тяжелыми волнами упасть на плечи, и, не понимая, что делает, запустил пальцы в пряди на макушке, заставляя Нину высоко поднять голову. И целовать начал не с губ, а с напряженной шеи, слегка прикусывая кожу. Ему было плевать, что на шее ее могут остаться следы, а Нина совсем позабыла о гордости, полностью отдаваясь накрывшему с головой желанию быть предельно близко с этим человеком.

Они оба не понимали, что за сумасшествие на них нашло, но не могли остановиться — как тогда, около дома Эльзы Власовны.

Нина заставила Келлу приподнять голову и первой поцеловала его, обхватив руками лицо: жадно, властно, даже немного грубовато для хрупкой девушки, а он тотчас перехватил инициативу, не желая оставаться на вторых ролях.

В их внезапном, но долгом поцелуе не было трепетности, мягкости и неспешности. Напротив, он был жарким, терзающим и даже каким-то злым, почти безумным, таким, что язык начинал неметь, и губы слегка саднило, и все на свете становилось безразличным — кроме этого момента.

Ярость против ярости. Ненависть против ненависти. Любовь против любви.

Они целовались с иступлением, не в силах остановиться, пытаясь перебороть друг друга, вымещая всю свою накопившуюся злость и горечь. И страсть — непонятно откуда взявшуюся страсть, перетянувшую им горло и заставлявшую часто дышать.

Нина тихо вскрикнула от укуса в шею, в котором болезненность перемешалась с притягательным наслаждением, — Келла перестарался, и в ответ укусила его за губу, срывая с парня последние запреты, и он потянул водолазку девушки вверх, не прекращая целовать, прижимая к стене.

Чем могло все закончиться, неизвестно — Нине и Келле помешал телефонный звонок: настойчивый и громкий. Музыка «На краю» ворвалась в единственного свидетеля их неистовых объятий — тишину.

И они словно пришли в себя — мгновенно отстранились друг от друга, и Ефим полез в карман джинсов, чтобы найти разрывающийся мобильник.

— Сейчас буду, — сказал он недовольным тоном, пытаясь выровнять дыхание.

— За мной, — буркнул он Журавлю, открывая дверь, за которой уже стояла та самая девушка в его черно-красной клетчатой рубашке с телефоном в руках — видимо, и звонила тоже она.

— Что случилось, Фим? — спросила она, удивленно поглядывая на Нинку. — Ты где так долго был?

— С друзьями в баре, — отмахнулся тот и оглянулся на блондинку, которая все же зашла

следом за ним. — На кухню, — велел он ей и обратился уже к девушке:

— Оставь нас. Иди спать.

Та пожала плечами и скрылась в гостиной, которая, видимо, и служила ей спальней.

Келла прошел на кухню, включил свет, распахнул настежь окно и тотчас закурил. Нервничал.

Поморщившись, Нина села на табуретку. Сигаретный дым ее раздражал, но сейчас она была не в том положении, чтобы что-то говорить хозяину квартиры. Да и вообще, голова ее все еще слегка кружилась. Но оба они постарались забыть о том, что только что произошло на площадке. Хотя их сердца не забывали — все еще бешено бились.

— Ты дура? — прямо спросил Келла, выдыхая дым.

— Следи за тем, что говоришь, — привычно огрызнулась девушка.

— Зачем руку порезала? — спросил он, глядя на окровавленный бинт.

— Случайно, — не собиралась ничего объяснять Нина. Когда они целовались, боль отступила на второй план, пустив на первый чувственность.

— Случайно костяшками по зеркалу ударила? Точно дура, — констатировал Келла.

Парень затянулся последний раз, затушил сигарету и сел рядом с блондинкой.

— Руку.

Их взгляды встретились.

И Нина, подумав, все же положила саднящую ладонь на стол. Бинт пропитался кровью. Келла только головой покачал и принялся осторожно разматывать его — чего-чего, а крови он не боялся. Насмотрелся на своем веку.

Он осмотрел ее руку с припухшими ранками, надавил немного и присвистнул.

— Я поражаюсь твоей бесконечной тупости, Журавль, — сказал синеволосяй. — Ты стекло не могла вытащить? Оно почти полностью под кожу вошло.

Девушка безразлично пожала плечами. Когда она уезжала из дома, ей было не до стекла, да и не заметила она его, находясь под властью чувств.

Зато поняла, почему бинт пропитался кровью — Келла надавил на ладонь, вгоняя тонкий осколок глубже и раня еще сильнее.

Хозяин квартиры достал откуда-то аптечку и бутылочку со спиртом.

— Припасы? — равнодушно спросила Журавль.

— Не раздражай, — отмахнулся от нее Келла и вышел из кухни, вернувшись спустя минуту с пинцетом и иглой, которые, видимо, ему одолжила девушка в рубашке.

Она же шагала босыми ногами за Келлой следом и выглядела обеспокоенной.

— А что случилось? — спрашивала брюнетка на ходу, а, заметив бинт в крови, остолбенела.

— Это ты ее так?! — почему-то спросила она тихо. — Фим...

Ефим обернулся и одарил ее долгим внимательным взглядом. Кажется, он много чего хотел сказать, но не стал этого делать.

— Просто уйди, Тань, — попросил он раздраженно. — Иначе — влетит.

Девушка обиженно дернула плечом и убежала.

— Очередная шкура? — поинтересовалась Нинка спокойно.

— Повезливее, — одарил и ее тяжелым взглядом Ефим. — Сестра.

— А почему в твоей одежде?

— А я знаю?

И Келла занялся ее рукой. Пинцетом стекло вытащить не получилось. Глубоко вошло.

— Будет больно. Терпи, — почти ласково сказал он Ниночке, беря в руку иглу и дезинфицируя ее спиртом. — Но орать можешь.

— О'кей.

С помощью иглы Келла осторожно вытолкнул стекло из ранки и, бережно поддев его пинцетом, вытащил наружу.

Осколок оказался небольшим. И тотчас полетел в ведро. Нинка не проронила ни звука. Сидела с каменным лицом. И даже ни разу не дернулась.

— Я молодец! Черт, ты как Терминатор, Журавль. Вообще боли не чувствуешь? — с восхищением спросил Келла.

— Чувствую, — отвечала Нинка хмуро. — Просто я умею себя контролировать.

— Демон, в натуре, — на мгновение вернулся в синеволосого тот самый нахальный весельчак, но тотчас исчез.

Парень обработал ранки и был так добр, что даже заново забинтовал блондинке руку.

— Если будет болеть или там гной появится, обратись к врачу, — посоветовал он.

— У меня, кроме тебя, никакого другого гноя не появится, — парировала Нинка, более-менее придя в себя.

Напряжение между ними спало, но неприязнь осталась.

На душе у девушки все-таки полегчало, хотя она и не подавала вида. А больно и правда было. Но не так больно, как сегодня утром в ЗАГСе.

Нина поднялась, молча взяла с полочки кружку и, тщательно обсмотрев и предварительно ополоснув, налила в нее воду из чайника — горло отчего-то пересохло. А на губах до сих пор оставался пьяняще-горьковатый привкус от поцелуя.

Келла молча курил, наблюдая за своей незваною гостьей с подоконника.

— Ты ко мне чай пить пришла? — спросил он, туша в пепельнице одну сигарету и сразу потянувшись за другой. — Может, пожрать еще сядешь?

Хотелось побольнее уколоть ее — в отместку за то, что она посмела вызвать в нем полузабытые чувства. Но как же хотелось повторить!

— А есть что? — потихоньку приходила в себя Нина.

— Для тебя — нет. Дома ешь. Что случилось, говори, — встал с подоконника Келла и нахально выдохнул дым прямо ей в лицо, зная, как Нинка ненавидит это.

Блондинка стерпела. Прикрыла глаза, но ничего не сказала, только губы ее едва заметно шевельнулись, словно про себя Ниночка шептала слова проклятия, и Ефим обрадовался, как мальчишка. Доводить Королеву было в кайф.

— Есть дело, — с кружкой в руках села обратно за стол девушка. Она внимательно посмотрела на синеволосого: терять ей уже было нечего.

— Какое дело?

— Женись на мне. Иначе старуха не оставит наследство и не даст денег. А они мне очень нужны, — каждое слово застревало в горле, но отступить было некуда. Уже совсем некуда.

— Зачем? — ухмыльнулся Келла. — На новую яхту не хватает? Или на домишко в Испании? Попроси у своих богатеньких бой-френдов, пусть займут, — откровенно глумился он, — раз батя больше не спонсирует.

— У папы проблемы, — тихо сказала Нина, уговаривая себя оставаться спокойной и не брать в руки сковороду, которую она уже заметила. Видимо, сестренка Рыла не убрала ее.

Келла приподнял бровь.

— Даже так? — не очень-то и поверил он, потому как дядя Витя не казался ему тем человеком, у которого могут быть финансовые проблемы. Если только с головой и тупыми детками. Но никак не с баблом. Это же чокнутый расчетливый папаша Журавль. Кто-кто, а уж он-то точно выгоду не упустит.

— О'кей, давай так. Уговоришь меня — женюсь, — вдруг сказал он.

— Как мне тебя уговаривать? — проклиная все на свете, спросила Нина.

— Ты же женщина, знаешь, как уговорить несговорчивых мужиков, — подмигнул ей Келла, явно издеваясь. Но он явно не ожидал, что Журавль вдруг решительно стянет с себя водолазку, бросит ее на пол, подойдет к нему непозволительно близко, положит руки на предплечья и заглянет в глаза.

— Фим, я тут тетрадь забы... — открыла вдруг дверь в кухню его сестра и узрела изумительную картину. — Ой, простите! — прижала она ладонь ко рту, явно подумав не о том.

— Брысь отсюда! — шикнул на нее Келла, оттолкнул Нинку, схватил с пола водолазку и со злостью кинул в нее.

— Дьявол! — крикнул он. — Журавль, ты всегда так решаешь свои проблемы?! С каждым?!

— Не ори, — спокойно отвечала Нина. Водолазка безжизненно лежала около ее ног. — Если хочешь — давай прямо сейчас...

Ее перебили.

— Да я уже ничего не хочу! — Келла стукнул кулаком о стол, а после запустил кружкой, из которой гостя только что пила, в стену. Кружка развалилась на несколько частей, со звоном упав на пол.

Блондинка только головой покачала — сейчас, перейдя грань, она была само спокойствие — ледяное и безмятежное. Только глаза ее были такие насмешливые, как будто бы не она только что унижалась и о чем-то просила, а Келла. Или ему лишь так показалось. Он нависнул над Нинкой, схватив ее за предплечье и прошипел:

— Никогда так не делай, дура. Ни с кем. Поняла меня?

Нинка хотела было что-то сказать парню, но он, зная, что ее слова еще больше взбесят его, просто закрыл ей рот горячей широкой ладонью.

— Не бей ее! — ворвалась в это время на кухню Таня, которая все неправильно поняла, услышав крики и звон разбитой посуды. Девушка буквально повисла на руке брата. — Фим, не надо!

У Келлы от таких заявлений едва не задергался глаз. Он стряхнул сестру и развернулся к ней, пыша праведным гневом, аки дракон.

— Я все маме расскажу! — завопила Таня, скорая на выводы, как и брат.

— Бить? — произнес Ефим зловеще. — Бить?! Да это она меня избивала! Никогда эту стерву не трогал. Не трогал же?! — потребовал он объяснений у Журавля. Но Нинка лишь пожала плечами. Келла от бессильной злобы зарычал.

— Я маме все расскажу! — кричала тем временем Таня. — Сначала поранил девочку! Потом приставал! Теперь руку на нее поднимаешь!

Нинка не сдержалась и засмеялась вдруг: звонко и весело.

— Да идите вы... — с этими словами несправедливо обвиненный Келла выскочил в прихожую, натянул куртку, сунул ноги в кроссовки и выскочил из квартиры, громко хлопнув дверью.

— Психанул. Сейчас вернется, — хмыкнула Таня. — У него такая привычка с детства. А Ефим... Он действительно не трогал тебя? — села она напротив опустившейся обратно на табуретку Ниночки. — Или?..

— Все в порядке, — улыбнулась устало блондинка, натянула обратно водолазку и, потянувшись к сигаретам и зажигалке, лежащим на подоконнике, закурила — ее нервы, несмотря на внешнее спокойствие, уже не выдерживали. И пальцы опять едва заметно начали дрожать.

Если Радова узнает — убьет ее.

— А ты Нина, да? — спросила Таня вдруг, не растерявшись и тоже закурив.

— Нина, — кивнула Журавль. — Откуда ты знаешь?

Сестра Келлы хихикнула.

— Видела твои фотографии.

Нина изумленно приподняла бровь, а Таня пояснила:

— Нашла тут, в квартире, когда убиралась, снимки из фотобудки, ну, такие в виде полоски. А там были вы с Фимом.

Нинке вдруг вспомнила тот летний день, солнечный и приятный, — они гуляли по торговому центру и случайно увидели эту самую будку: белую, с алой шторкой, сенсорным интерфейсом, логотипами и привлекающими слоганами. Она бы прошла мимо, но Келле вдруг захотелось повеселиться, и он потянул Ниночку за собой. Девушка вошла во вкус, и они сделали несколько забавных совместных снимков, используя шутивную фотобутафорию: усы, улыбки на палочках, наборы из сердечек, таблички, стрелки и грифельную доску — на ней Келла написал мелом: «Моя Нина», пока девушка не видела, выбирая себе корону.

— Братец, наверное, на тебя запал, — продолжала Таня. — Я у него про фотку спросила, а он на меня наорал.

Нина пожалала плечами. Говорить ничего не хотелось.

— Вы поссорились, да? — не отставала любопытная Таня. — Слушай, у него тут где-то вино хорошее должно быть, давай-ка выпьем? — девушка встала и открыла один из шкафчиков на кухне. Там стояло несколько бутылок с алкоголем.

— Коньяк, — сказала Нинка, углядев початую темно-коричневую бутылку. После всех волнений ей требовалось что-то действительно крепкое.

— Давай, у меня как раз лимон есть, — обрадовалась Таня, которая в доме брата чувствовала себя полноправной хозяйкой.

Вскоре девушки сидели за столом с обычными кружками в руках — за неимением бокалов и стопок. Коньяк был хорошим, многолетней выдержки, обжигающим, но Нина выпила все одним залпом, чувствуя, как все внутри начинает гореть. Кислый сочный лимон приятных ощущений не добавил, но, что странно, девушке стало как-то легче.

Таня, которая напиток лишь пригубила, поморщившись, выглянула в открытое до сих пор окно, отчего на кухне было прохладно, что, однако, никого не смущало.

— Смотри, вон он, наш герой, — весело рассмеялась сестра Келлы. Но в голосе ее была любовь к старшему брату. — На турнике подтягивается. Турникмэн, блин.

Нина любопытства ради тоже посмотрела в окно — далеко внизу, во дворе под светом фонаря, и правда подтягивалась знакомая фигура.

— Он у нас психованный, Нин, — продолжала Таня, сев на место и положив руку под щеку. — Быстро заводится. В школе вообще кошмар был — со всеми дрался, потом его тренер научил вот так успокаиваться — через физическую нагрузку. Слушай, а ты что, Фима

на улице ждала? — спохватилась она. — Могла бы и тут подождать... А что между вами вообще происходит? Мама вон переживает, что у Фима девушки нет постоянной.

Нинке лень было говорить, на нее напало какое-то странное сонное состояние вместо привычной злости на весь мир, и она больше слушала Таню, чем говорила сама. А та рассказывала о брате, о том, каким он был в школе, что любил и чем занимался.

Нина слушала, подперев щеку и покусывая лимонную дольку.

В школе Келла не слишком хорошо учился, отвратительно себя вел и был головной болью как родителей, так и педагогов. Участвовал в драках, срывал занятия, пререкался со старшими. Однако одноклассники его любили — вокруг веселого компанейского и уверенного парня всегда было много друзей, да и женским вниманием он не был обделен. Хихикая, Таня призналась, что однажды в школе из-за него подрались две десятиклассницы.

Кроме того, Журавль узнала и другие душетрепещущие факты из прошлого Келлы. Что в садике его однажды нарядили клоуном на утренник, и он до сих пор помнит это, не упуская случая напомнить родителям, как они поиздевались над ним в детстве. Что в раннем подростковом возрасте у Келлы были проблемы с кожей, и он из-за этого ужасно нервничал. Что на выпускном пригласил танцевать свою первую учительницу, и та расплакалась — то ли от умиления, то ли от того, что ученик оттоптал ей все ноги. Что Келла часто звонит родителям — каждую неделю в обязательном порядке. И любит соленые огурцы.

Нина слушала, качала головой и улыбалась ехидно.

Хозяин квартиры вернулся спустя полчаса, уставший, но спокойный, и тотчас узрел, как сестра и Ниночка пьют коньяк, а в комнате дымно от сигарет.

— **Запрещено цензурой**! — известил всех его изумленный голос. — Ушел на полчаса, называется.

Он вырвал из рук девушек кружки, отобрал сигареты, обозвал обеих дурами, закрыл окно и велел Тане:

— Постели этой идиотке на диване.

— А ты где спать будешь? — удивилась та.

— Ну, это же я, тиран и душегуб, — насмешливо улыбнулся Ефим, который не мог забыть несправедливые претензии сестрички. — Пойду в свои апартаменты на полу.

— Так, может, вам вместе лечь? — спросила Таня с надеждой.

Ниночка только пальцем погрозила.

— Задушу, — сказала она, имея в виду Ефима. Глаза ее слипались.

— Задушит, — повторил тот за ней.

В сон Ниночка провалилась мгновенно — после всего пережитого ее организму требовалось восстановление. В эту ночь ей ничего не снилось. А утром, она проснулась, укрытая одеялом, хотя всегда сбрасывала его с себя.

Распахнув глаза, Нинка не сразу поняла, где оказалась, и лишь спустя секунд пять после пробуждения на нее навалился тяжелым грузом поток воспоминаний.

Она была в гостиной квартиры, которая принадлежала Келле. Лежала на расправленном диване.

На подоконнике напротив сидела Таня и красилась. Что за глупая мода у них с братцем сидеть на подоконниках?

— А Фим уже свалил. Как спалось? — спросила девушка. В квартире брата она жила с сентября, с того момента, как поступила в университет. Честно говоря, она и не думала, что будет учиться в вузе, потому как экзамены сдала плохо, и долго рыдала, узнав, какие баллы

получила по профильным предметам, и успев попрощаться с будущим. Оставаться в родном небольшом городке ей не хотелось, как и учиться в единственном университете — педагогическом, в котором проходной балл был довольно низким. Однако старший брат ее спас. Сказал, чтобы она подавала документы туда, куда хотела, — на платное отделение. Пообещал, что будет за нее платить. А жить она сможет в его квартире. Девушка согласилась.

Родителям они ничего не сказали, и те считали, что Танюша учится на бюджете. Родители вообще ничего не знали, думали, что Ефим закончил институт и работает теперь инженером, уехав в длительную командировку в Германию. То, что сын — ударник в рок-группе, мама и папа, далекие от музыки, понятия не имели. Но Таня была уверена — рано или поздно они узнают и брата прибьют. Или его прибьет эта красивая девушка по имени Нина.

Красивая девушка Нина, с трудом придя в себя, попросила у Тани полотенце и пошла в ванную комнату.

— Выйдешь, и я тебе свою футболку дам, — пообещала сестра Келлы. Ниночка ничего не ответила — носить за кем бы то ни было вещи она не собиралась.

В чужой ванной с белоснежным кафелем и душевой кабиной ей тоже было не по себе. Нинка обвела брезгливым взглядом полочки с девичьими флакончиками: шампунями, бальзамами, гелями, скрабами, масками. Такие дешевые фирмы она никогда не покупала — наверняка одна химия! Из мужских же вещей, не считая зубной щетки, здесь были лишь бритва, пена и лосьон после бритья. Никаких мятных гелей для душа «три в одном» или шампуней для настоящих мужчин. Видимо, подобными вещами синеволосы́й не озадачивался. Зато Журавль вдруг подумала — а кто Рыло все время красит? Ему ведь постоянно нужно подкрашивать корни.

Девушка спешно приняла душ, завернулась в розовое полотенце со слониками и вновь уставилась на свое отражение в зеркале. Оно, кажется, было спокойным, а рука лишь слегка саднила.

«Надеюсь, они не заразные», — мрачно подумала Журавль о братике и сестренке Строгановых-Софьиных и зачем-то двумя пальчиками взяла крем после бритья. Открыла его и осторожно поднесла к носу — крем почти не пах, хотя ей вдруг почудился слабый аромат альпийского снега, и это ей неожиданно понравилось.

Нинке вспомнилось вдруг, как в детстве она веселилась с отцовской пеной для бритья — мазала ею лицо, прорезала в белоснежной простыне дырку для головы, и, облачившись в костюм привидения, бегала пугать соседей. А еще она воображала себя то гримером, то поваром — с пеной можно было и усы рисовать, и коктейли, как в телевизоре, в стакане делать!

Воспоминания об отце заставили девушку напрячься. Хоть мать и сказала, что с ним все в порядке, но все еще было страшно. Бояться Журавль ненавидела еще больше, чем ждать.

Она, и сама не понимая, зачем, взяла с полочки флакон с пеной, выдавила немного на руку и, как в детстве, нарисовала на лице мушкетерские усы и куцую бородку. А после разошлась и сделала бороду, измазав щеки и подбородок, и густые белоснежные брови.

«Надо бы так сфотографироваться», — решила Нина, потянувшись за телефоном, который брала с собой даже в ванную комнату, однако не успела.

В самый неожиданный момент дверь распахнулась, и на пороге появился Келла собственной персоной, который не ожидал, что в ванной кто-то есть — вода ведь не шумела!

Парень обалдело уставился на Ниночку. Та с недоумением таранилась на него, держа в

руке пену.

— Это... У меня только один вопрос — зачем? — спросил он, но не дождался ответа и захохотал громко.

— Заткнись, — ледяным тоном велела ему Журавль.

Однако Келлу было не унять.

— Помогите развидеть! — орал он весело, упираясь рукой в дверной косяк. — Почему те, кто врываются в ванную, видят обнаженных девчонок, а я увидел это?!

— Что случилось? — прибежала и Таня, но Нинка к этому моменту уже включила воду и спешно смывала пену с лица, матеря про себя Рыло, которое стало у нее собачьим. Ефим сквозь смех попытался объяснить сестре, что его так рассмешило, но не смог — стоило ему только посмотреть на Нинку, как его накрывал новый приступ смеха.

— Ты зачем за ней в ванную поперся? — строго спросила Таня, которая вновь неправильно все поняла. — Ты озабоченный, что ли?

— Это Королева с приветом, — отмахнулся Келла. — Я же говорил, что она — мужик!

Успокоился он с трудом. И, дождавшись, когда Нина переоденется — от вещей Тани она все же отказалась, поманил ее пальцем и сказал самодовольно:

— Завтра в час.

— Что — в час? — не поняла та, нахмурившись. Собственный прокол ее бесил, а синеволосому хотелось с особым усилием пожать горлышко.

— Свадьба твоя в час, — ухмыльнулся он, засунув руки в карманы джинсов. — Дыши, детка. Добрый рыцарь Келлий внял твоим молитвам. И договорился с ведьмой. Регистрацию перенесли на завтра.

У Ниночки от сердца отлегло, и она чуть не закричала от счастья, однако показывать свои эмоции не стала — сдержалась. Но, кажется, по взгляду Келла все понял и позволил себе слабо улыбнуться. Когда он сегодня приехал к родственнице Нины, та самолично вышла его встречать. Долго Эльзу Власовну на повторное бракосочетание уговаривать не пришлось. Она, движимая своими какими-то принципами, легко согласилась и позвонила поверенному, чтобы тот через знакомого договорился о завтрашней повторной регистрации. Деньги и связи творили чудеса.

— И да, твоя бабка требует теперь еще и свадебных фоток. И чтобы ты выглядела подобающе — типа она тебе на это бабло отвалила, — продолжал синеволосый. Он в упор не понимал, зачем все это делает и сам себя успокаивал — для прикола.

— Спасибо, — тихо сказала Ниночка. В ее голосе не было проникновенности, но это был один из тех редких случаев, когда благодарила она искренне. Ей вдруг вновь захотелось обнять Ефима — как ночью, в подъезде, но она сдержалась.

— От «спасибо» кайфа не словишь, — отвечал, прищурившись, Келла. Девушка вопросительно на него посмотрела, а он указательным пальцем коснулся собственных губ. Не прочь был повторить вчерашнее.

— Наркоман чертов, — услышала его слова Таня, которая вновь не вовремя появилась и опять не так все поняла. — Хватит ее принуждать!

— Ты на учебу пойдешь?! — рявкнул Келла, которому испортили такой момент.

— Сегодня пятница, мне к четвертой паре, — фыркнула сестра. Они начали спорить, а Журавль под шумок надела куртку. Остаться здесь дольше она не видела смысла — нужно было ехать домой. Цель достигнута.

Однако сразу уехать не получилось — Таня позвала всех завтракать, и они втроем

сидели за столом, и у брата с сестрой не закрывались рты, а Журавль лишь кисло ковыряла вилок в тарелке нечто, похожее на омлет. После завтрака она вновь засобиравалась домой.

— Я помогаю тебе только из-за твоего отца, — зачем-то предупредил Ефим Ниночку около двери. — Веселый мужик, хоть тачки у него дерьмо.

— Папа был бы рад услышать твои слова, — ангельским голосом сказала девушка.

— Завтра будь красивой. На чучеле жениться не буду, — предупредил ее Келла, который отлично понял ее вчерашнюю стратегию. Он заправил ей за ухо выбившуюся прядь волос и произнес тихо, но многообещающе:

— И помни: если ты станешь моей женошкой, будешь делать все, что я хочу. Ясно?

— Да, малыш, — приторно-нежным тоном произнесла девушка, — я буду самой нежной и заботливой, — она неожиданно провела рукой по его крепкому плечу, спустилась к груди, глядя при этом ему в глаза.

— А ты мне нравишься такой, — проговорил он тихо, чувствуя, как мгновенно все внутри него реагирует на такие простые безобидные прикосновения.

— Какой? — уточнила Ниночка и потерлась об его плечо словно кошка.

— Покорной, — выдавил из себя Ефим, злясь на коварство блондинки. Его руки сами собой потянулись к ее талии.

— Я буду такой только для тебя, — слишком ласково проговорила Ниночка, касаясь губами его щеки и заставляя парня едва заметно вздрогнуть.

Келла прикрыл глаза.

— Пока, Рылий! — гаркнула неожиданно Ниночка ему на ухо и убежала, оставив парня в крайне раздосадованном состоянии.

— Платье покупать будешь со мной! — крикнул он вслед ей.

Но девушка даже не обернулась. Она, как стрела, пролетела по ступеням, вырвалась из подъезда и почти бегом бросилась к машине. Время уже было близко к полудню, а она всю ночь не появлялась дома — мать ее убьет.

И она оказалась права. Софья Павловна, приехав из больницы и не обнаружив дочь дома, сначала разозлилась — к тому же и Ирка сказала, что Ниночка опять убежала веселиться. Однако время приближалось к полуночи, а Нина все не появлялась, и женщина разволновалась. Нет, она отлично знала, что ее девочки любят повеселиться в клубах, и всячески покрывала их перед отцом, прекрасно понимая, что запретный плод — сладок, а лучший способ контролировать детей — давая им свободу, но также она понимала, что Нина не такой человек, который, зная, что отцу плохо, убежит на тусовку. Софья Павловна пыталась дозвониться до нее, однако телефон дочери был выключен. И женщина, еще раз поговорив с Ирой, вдруг решила для себя, что Нина обиделась на пощечину и ушла.

За свой поступок Софье Павловне было отчасти стыдно — эмоции и страх за любимого супруга взяли свое. Однако теперь она испугалась еще и за Нину. В голову стали лезть всякие нехорошие мысли, и рано утром, не выдержав, Софья Павловна позвонила Нинкиному крестному. Человеком она была сдержанным и спокойным тоном попросила у него совет — обращаться ли в полицию или пока не стоит? Дядя Саша, у которого было полно дел, в том числе связанных с бизнесом старого друга, сказал Софье Павловне, что сейчас отправит к ним Матвея, у которого приятель — глава детективного агентства со связями в полиции, и они помогут.

Матвей и его друг только-только подъехали к дому Журавлей и уже собирались выйти из машины, как во двор залетел красный «Жук» и ловко припарковался задним ходом между

двумя автомобилями.

— Отбой, — тотчас узнал машину Нины и ее саму Матвей. — Вот и пропажа.

— Лихая девчонка, — присвистнул его приятель.

— Как Лихо Одноглазое, — вспомнил детскую сказку парень. Журавль хотелось прибить за скотское поведение, но он был рад, что с ней ничего не случилось.

— Крутая она у тебя, — присвистнул детектив, видя, как блондинка выскакивает из «Жука» и со всей силы пинает по колесу соседнюю машину — та припарковалась на ее месте.

Он думал, что Нина — девушка Матвея, как и все остальные его друзья.

— С характером девочка, — ухмыльнулся Матвей. — Ладно, бывай. Езжай обратно.

— А ты?

— А я воспитывать буду.

И он вышел из салона, поймав Ниночку около подъезда, отметив про себя, что выглядит она странно: без косметики, одета так, как будто бы вышла выгуливать собаку, а в глазах странный блеск.

— Ты где была? — зло спросил Матвей, перегородив ей путь.

— А тебе-то что? — дерзко осведомилась девушка, не ожидавшая его тут увидеть.

— Тебя все ищут. Мать места не находит.

— Твое какое дело? Пропусти, — Журавль рвалась домой, и появление Помойки жутко ее раздражало. Она попыталась обойти молодого человека, но тот схватил ее за запястье и притянул к себе.

— Отпусти, — вскипела Ниночка, чувствуя острое желание убивать.

— С кем была? — вдруг спросил Матвей, чувствуя от светлых волос едва уловимый сигаретный дым и запах чужого одеколona. Взгляд его упал на шею девушки — она была закрыта воротом водолазки, и ему показалось, что это неспроста. Ниночка всегда одевалась стильно — за исключением того рок-концерта, ее глупой блажи. Зачем надела эту простую водолазку? Воротнику-стойке есть что скрывать?

Девушка по привычке послала его.

— Я спросил тебя — с кем была? — повторил Матвей тихо.

— С кем надо, с тем и была. Катись, суслик, — попыталась вырвать руку Ниночка. Не получилось.

— Ты ответишь на мой вопрос или нет?! — закричал вдруг Матвей, и перед глазами его пронеслись черно-белые сцены, в которых Ниночка с разметавшимися по подушке волосами и распухшими от поцелуев губами влюбленно смотрит на какого-то обнаженного типа с плотоядным взглядом.

Фантазии открыли дверь потоку неконтролируемого бешенства.

Матвей волновался за нее, он приехал ее спасать, а она отрывалась с кем-то? Как посмела, черт побери?! Кого нашла?

Кажется, Матвей уже сам начинал верить, что Нина — его девушка, и ужасно ревновал.

— На какой? — ничуть не боялась его Журавль. — Где была или с кем?

Она отлично видела, как разъярен молодой человек, и если ей нравилось, когда Келла злился и кричал, то сейчас она не испытывала никакого удовольствия. Более того, где-то на заднем плане маячило опасение.

Нина попыталась отпихнуть навязчивого ухажера, но тот, поймав ее за вторую руку, развернул и с силой прижал к стене. Как Келла ночью.

Но Келла был другим. Келла был своим. Его хоть и хотелось уничтожить, стереть в пыль, однако когда он ее касался, с ней творилось что-то странное, но — девушка в полной мере отдавала себе в этом отчет — приятное.

Матвей же был другим. Отталкивающим. Чужим.

— Если я спросил — отвечай, — понимал, что сходит с ума Матвей, но ничего поделать со своими чувствами не мог. Эту глупую девчонку хотелось ударить и поцеловать одинаково сильно.

— Я тебе, поилка для свиней, ничего говорить не обязана, — прошипела Нинка. — И не буду.

— Что происходит? — раздался мужской суровый голос — по камерам охрана увидела происходящее, и один из мужчин в форме вышел к парочке.

Матвей нехотя отпустил девушку.

— Бешенство мозжечка, — пропела Ниночка и упорхнула в подъезд.

Разборки с матерью были долгими. Софья Павловна сначала обрадовалась, увидев на пороге живую и невредимую дочь, и даже обняла. А потом устроила разбор полетов. Она не кричала, как отец, не топала ногами и не устраивала истерик. Она даже не стала пытаться, где Нинка была, верно решив, что та не сознается. Софья Павловна выбрала иной метод: села напротив нее и долго, на примерах объясняла ей, как маленькой, к чему мог привести ее необдуманный поступок и как все переживали: и она, и брат с сестрой, и крестный.

— Твой мальчик за тебя беспокоился, — добавила мать.

— Какой еще мой мальчик? — затравленно посмотрела на нее Ниночка, у которой уже уши сворачивались в трубочку. Софья Павловна умела надавить на больное. Было стыдно. Но Нина оправдывала себя тем, что сделала все это во благо собственной семьи.

— Матвей, — удивленно произнесла женщина. — Мне показалось, между вами что-то есть.

— Нет, мама, — решительно заявила Нина. — Между нами есть стена непонимания и заборчик отворачивания — с моей стороны.

— Не можешь забыть Ефима, — вдруг понимающе улыбнулась Софья Павловна.

Нинка не ответила — стала вдруг икать: громко и с выражением.

— Что с тобой? — сердито посмотрела на дочь женщина.

— У меня на имя Ефим икотная аллергия, — отозвалась Нинка, — мне водички надо попить, — попыталась она смыться.

— Нина. Мы говорим о серьезных вещах, — посуровела Софья Павловна. — И кстати, что у тебя с зеркалом в комнате?

— Разбила, — созналась Нинка и тотчас покривила душой:

— Переживала за папу.

И она показала замотанную руку. Софья Павловна едва сдержалась, чтобы не треснуть дочери по голове и вновь принялась выговаривать — только теперь уже по-другому поводу. Зато расчет Ниночки был верен — мать забыла про то, что ее не было дома ночью.

— И прости, что вчера ударила тебя, — сказала она напоследок, взяв дочь за руку.

— Все в порядке, мам. И я не хотела, чтобы так получилось, — сказала Нина твердым голосом. — Прости, что тебе пришлось волноваться. Впредь этого не повторится.

Софья Павловна только вздохнула. Нина была слишком сильно похожа на супруга, чтобы давить на нее.

С Виктором Андреевичем, кстати говоря, все было хорошо. Вчера у него из-за

переработки и постоянных стрессов сильно поднялось давление, и случился гипертонический криз — поэтому сотрудники и вызвали «скорую», испугавшись, что у шефа еще и вдобавок что-то с сердцем, напугав при этом и Софью Павловну. Сегодня Виктор Андреевич все еще оставался в больнице — его перевели в частную клинику, однако уже порывался на работу — решать проблемы, которые валились на него снежным комом. Вчера он узнал, к примеру, что один из партнеров, улучив момент, кинул его и перебрался в лагерь конкурентов, а это значило лишь одно: новую потерю денег.

Поговорив с мамой и позвонив отцу — ехать к себе он категорически не разрешал, заявляя: «Я еще не помер, чтобы вы стояли полукругом и скорбно на меня глазели», — Нина отправилась в душ, твердя про себя, что после пребывания в доме у Рылия просто обязана смыть с себя всю грязь. Словно забыла, что уже побывала в его душе.

Только как ни крути, прикосновения Келлы были приятны. И Нина, включив холодный душ, долго стояла под водой, пытаясь таким нехитрым способом привести себя в чувство. После, надев теплый халат и обернув полотенце вокруг головы наподобие тюрбана, девушка отправилась в свою комнату, не забыв прихватить чашечку кофе — нужно было немного посидеть одной и обдумать план действий.

Нина подсоединила зарядное устройство к севшему телефону и включила его: пропущенных звонков было море, как и сообщений — в том числе и от Кати, которая за нее, видимо, тоже волновалась. Нинка набрала ее номер, однако вместо подруги трубку взял Тропинин.

— О, Блондинчик, — обрадовалась Нинка и поинтересовалась на всякий случай:

— Еще не завернул ласты?

— Не успел, — хмыкнул Антон. Голос у него был сонным — как у человека, который не спал всю ночь.

— Как жаль, как жаль, — притворно вздохнула Ниночка. — А где Катенька?

— Катенька в душе.

— Да ты что? Смывает с себя грязь от твоих потных похотливых лап? Я бы на ее месте перед встречами с тобой принимала противорвотные лекарства, — не могла не уколоть Нина.

— Хорошо, что ты не на ее месте, — трудно было сейчас вывести из себя довольного Тропинина. — Что передать Кате?

— Что она приглашена на свадьбу, — хмыкнула Журавль. — И ты, шкурка петуха, тоже. Прилетай завтра к часу в то же место, что и вчера.

— Журавль, как бы что с твоей шкуркой не случилось, — надоела Антону подруга любимой.

— Не забудь шампанское и палочку, — продолжала та.

— Зачем палочку? В тебя тыкать? — спросил с любопытством музыкант, решив, что Келла, наверное, свихнулся, раз решил проделать этот опасный трюк еще раз. Бессмертный. Но цирк он, Антон, любит. Съездит, посмотрит, посочувствует другу.

— Нет, представишь, что это микрофон и споешь свадебную песню, мудилка. Забудешь сказать Кате — найду и зарезу, — без перехода добавила Ниночка и пригрозила для профилактики:

— Сделаешь ей больно — землю есть будешь.

— Угомонись, — лениво посоветовал ей Антон.

— Брат за брата, так за основу взято, Тропино, — усмехнулась Журавль и отключилась.

Она привела себя в порядок, стащила у зазевавшегося Сергея чипсы, не забыв подбросить пустой пакетик Ирке — мстить мелко Нина любила. И, собравшись, вышла из квартиры. Маме она сказала, что поехала к Кате, сама же вновь села в машину и направилась в банк. Там она сняла остатки средств, выделенных Эльзой Власовной на подготовку к свадьбе — после покупки «пирожного» их осталось совсем немного, и стала думать, куда ехать дальше. Однако ей помешал звонок.

— Ты где? — развязно осведомился Келла голосом средневекового сеньора, которому что-то понадобилось от убогого слуги.

— Что надо? — не слишком любезно спросила Нина.

— Что, память отшибло? Пойдем с тобой платье выбирать, Королева. Твоему вкусу я больше не доверяю, — заявила трубка.

— Зачем тебе это? — нахмурилась девушка, поняв точно, что это еще один способ поиздеваться над ней.

— В примерочной буду за тобой подглядывать, — расхохотался парень, мгновенно взбесив Ниночку, но она не стала спорить с ним, понимая, что от этого придурка зависит ее благополучие.

— Как хочешь. Я заеду за тобой.

— Ого, моя девочка на машине?

Нинка промолчала, а перед глазами ее стояли сцены убийства барабанщика.

— Какого хоть цвета? — еще больше развеселился синеволосый, зная, что обычно девушки ориентируются только на этот фактор в выборе автомобиля.

— Красного.

— Как кровь! Опа-а-асная тачила! А белье на тебе какого цвета? — не успокаивался парень.

— В радужный горох, Рыло.

— Не забывайся, Королева, — предупредил ее парень. — Вдруг я передумаю на тебе жениться, — отлично знал он, на что теперь можно давить. — Так что будь нежна.

— Куда за тобой заехать, тигренок? — елейным голосом осведомилась Ниночка и поморщилась, отодвинув телефон от уха — услышав про тигренка, Келла стал хохотать. Он вообще слишком много смеялся. И Нинка надеялась, что скоро так много же и поплачет.

Спустя полчаса ее будущий супруг, а ныне жених уже находился в ее автомобиле.

— Бабская машинка, — заявил он, садясь вперед и игнорируя ремень безопасности.

Девушка косо на него посмотрела. Вообще-то она была с ним согласна, вот только вслух этого признавать не хотела. Она хотела только одного — напихать ему в пищевод навоза — так, чтобы заткнулся.

— Застегнись, пожалуйста, — тоном терпеливой матери сказала она.

— Так плохо водишь? — осведомился Келла, который решил, что был слишком добр с Журавлем и теперь пытался отыграться. В первую очередь, чтобы самому себе доказать, что она на фиг ему не нужна.

— Я штраф платить за тебя не собираюсь, — отчеканила девушка.

— А, я забыл, ты теперь с пустыми карманами, детка. Ничего, у твоего будущего муженька хватит денег прокормить тебя. Ты как к картохе относишься? — глумливо спросил он.

— Как к картохе, — с яростью поглядела на него блондинка, мечтая запихнуть ему в рот следом за навозом пару клубней. И не только в рот.

— Так, зайка, знаешь, как до рынка доехать? — решительно спросил Келла.

— До какого еще рынка? — обалдела Нина.

— Вещевого.

— Чего?!

— А платье мы тебе где покупать будем? — задал синеволосый вполне резонный вопрос.

— Ну не на рынке же! — заорала Ниночка.

Келла довольно улыбнулся.

— Это пожелание твоей родственницы, — пожал он плечами. — Она сказала, что на карте у тебя осталось не так много бабла, чтобы ты ездила по салонам. И посоветовала посетить рынок. Кстати, вы одинаково ехидно улыбаетесь, — добавил он радостно.

Нинка только крепче сжала руль и развернула машину, а Келла уткнулся в телефон.

— Неплохо едешь, — серьезно заметил он уже в конце пути, когда девушка припарковалась. Водить у нее получалось довольно неплохо, и инструктор только диву давался: вроде бы голубоглазая высокая блондинка-куколка — канонная дура, а водит неплохо.

Нинка ничего не ответила, лишь покосилась нехорошо на своего будущего супруга и первой вылезла из машины.

Свадебный магазинчик на рынке они нашли довольно быстро. Это был отдельный павильончик, около которого стоял манекен со свадебным незамысловатым платьем, подол и рукава-фонарики которого трепал ветер. В подобных местах Журавль не была уже много лет и чувствовала себя, прямо скажем, не комфортно. Однако в павильоне оказалось не все так плохо, хоть и не было привычного гламурного блеска. Только наличие Синего рядом безмерно напрягало.

— Здравствуйте, — подскочила к ним громкоголосая рыжеволосая девушка — видимо, продавец, которая беспрерывно что-то жевала. — Что хотите?

— Платье, — отвечала настороженно Нина, ненавидя весь мир.

— А какое?!

— Это вы уже мне предложите хоть какое-нибудь, — ядовито сказала Журавль.

— Красивое! — в один голос с ней выкрикнул Келла, который перед выходом из машины не забыл накинуть на голову капюшон и выглядел теперь, по мнению Ниночки, как какой-то гопник с района.

— У нас красивых много, — обрадовалась рыжая. — А какого цвета надо?

— Любого, — кисло отозвалась Журавль.

— А фасона?!

— Просто давайте нам что-нибудь клевое, — махнул рукой Келла. — Я сам буду выбирать, — со смешком добавил он, и блондинка закатила глаза.

«Клевого», по мнению продавщицы, оказалось много — она притащила целую кучу платьев, навешав одно на другое.

— Проходите в примерочную, мерить будем! — хищно глянула на Нинку рыжая, явно чувствуя, что от нее зависит счастье молодоженов.

Из принесенных нарядов Келла с видом знатока выбрал несколько, которые приглянулись ему, но привели в ужас Нину. Единственное, что ей тут нравилось — это цены.

— У тебя глазомер в порядке? — осведомилась девушка, разглядывая укороченное свадебное платье с корсетом и игривым шлейфом. — Я к этому позору на нитках даже

притрагиваться не буду. И к этому тоже, — кинула она гневный взгляд на пышное атласное платье молочного цвета с кокетливым пояском.

Наряды казались Ниночке убожеством: нелепо пошитым, с откровенно безвкусным фасоном, содранным с платьев домов высокой моды, из ужасно дешевой ткани. Келла же, как назло, предлагал одну вещь хуже другой, и она, сцепив зубы, мерила. А он каждый раз скептически смотрел на нее и качал головой, давай понять, что, нет, это не подходит, и продавщица подавала очередное чудовищное белоснежное творение. Поток их в этом месте был неиссякаем, однако, справедливости ради стоит заметить, что пирожное безобразие за невероятную сумму переплунуть ничто не смогло.

— Как тебе это, солнышко? — спросил Келла, и взору выглянувшей из-за шторки Ниночки предстало нечто асимметричное и многослойное, расшитое сверкающими пайетками — как будто бы блестящее облако перетянули нитками, словно колбасу, и пришили к нему лиф.

Журавль скривилась.

— А это? — указал на платье цвета шампань в руках у улыбающейся продавщицы Келла. Фасон его был почти ничего, да только все портил огромный декоративный элемент, похожий на расплющенный цветок.

Нина скривилась еще сильнее.

— Тебе ничего не нравится, милая, — укоризненно покачал головой парень.

— А вот еще классная модель, грудь подчеркивает — дай боже, — мигом нашла новый наряд продавщица, и Келла царственно махнул рукой, мол, пусть меряет.

— Не буду, — заартачилась Нина.

— Ну что ты все время со мной споришь? — свел брови к высокой переносице Ефим. — Если ты себя так, Королева, до свадьбы ведешь, то что будет потом? Может, мне на тебе не жениться, а?

Рыжая бестактно захохотала. А Журавль, нервно выхватив платье, скрылась в примерочной, бормоча ругательства. Однако она продолжала держаться с достоинством.

Сверкающий, как солнце, лиф-декольте платья в форме сердечка грудь не просто подчеркивал, он качественно выставлял ее напоказ, дабы все желающие могли ею полюбоваться.

Келла, увидев такое, присвистнул.

— Прикройся, — посоветовал он Ниночке. — Или хочешь, я тебе все прикрою? — и он, подняв руки, сделал вид, что пытается что-то схватить в воздухе.

Нинка окинула его жгучим взглядом.

— Зачем? — тихо спросила она, задрав подбородок. — Ты ведь хочешь поиздеваться, милый. Пожалуйста. Если тебя это повеселит — пойду в ЗАГС в этом. А хочешь, я пойду раздетой? Смешно будет, правда?

В голосе ее звенела сталь, и Ефим, поняв, что Нина уже на пределе, решил больше ее не злить. Отлично знал по себе — перейдет ту особую тонкую грань, и она просто взорвется.

— Ладно тебе, — сказал он мирным тоном. — Сейчас найдем что-нибудь стильное.

И он искренне попытался найти что-то, что бы понравилось Журавлю. Однако задача была не из легких. Она немного успокоилась, не слыша больше его шуточек, но все равно ни один наряд ей не нравился.

Пока Ниночка мерила платье за платьем, а Келла ходил и с видом знатока тыкал то в одну модель, то в другую, в магазин зашла женщина с девушкой, которая, видимо, скоро тоже

выходила замуж. Парень, помогающий своей подруге выбрать платье, тотчас привлек их внимание.

— Я тоже хотела с Пашей выбирать, — ноющим тоном сказала девушка, с завистью поглядывая на Келлу. Он, засунув руки в карманы, с независимым видом стоял у стенда с бижутерией, ожидая, когда в очередной раз выйдет из примерочной Нина.

— Видеть жениху свадебное платье невесты заранее — плохая примета, — сообщила тетка злорадно. — Слышали, молодой человек? — обратилась она к синеволосому.

— Не нравится жениху — единственная плохая примета, — отозвался спокойно Келла, которому такие слова были, что гусю вода. — А в платье, которое я выберу, моя девочка будет самой-самой.

Тетка, нахмурила брови, но от дальнейших высказываний воздержалась, став вместе с дочерью смотреть свадебные одеяния. В отличие от привередливой Нинки, девушке нравилось все и сразу, и она восторженно ахала, касаясь то одного платья, то второго. Журавль зато слова Келлы слышала и неожиданно для самой себя улыбнулась, глядя в огромное зеркало. Кажется, она нашла более-менее подходящее платье.

Единственное, что приглянулась ей — белое, как чистый снег, нежное платье в стиле «принцесса» с открытыми плечами, корсетом, обшитым кружевом, и в меру пышной невесомой юбкой из фатина. На нем не было никаких излишеств, дешевых стекляшек, бусин, лент, цветочков и прочего мусора. Конечно, ни о каких следованиях моде нельзя было говорить, но Журавль успокаивала себя, что это почти классика.

А еще неоспоримым плюсом было то, что оно хорошо на ней сидело.

— Берем его, — махнул рукой Келла, видя, что Ниночке нравится. Магазин ему порядком надоел.

— Да ну, — сморщила нос продавщица, — просто совсем. Это куда лучше, — ткнула она в очередной шедевр дизайнерской мысли с воланами-рюшами и цветком-брошью, декорированной кристаллами.

Ниночка, однако, таким ненавидящим взглядом окинула рыжеволосую девушку, так и не переставшую жевать, что та сочла за лучшее отойти к другим покупателям.

Журавль скептически смотрела в зеркало, а Келла вдруг подошел к ней. Он не смыслил в моде, но платье ему нравилось. И Нина тоже нравилась.

— Ты красивая, — сказал он зачем-то, поддавшись очередному порыву, зная, что через минуту будет жалеть.

— Но кроме этого ты во мне ничего другого не видишь, верно? — прямо спросила блондинка, не оценив комплимента.

— Я вижу непроходимую дуру, — буркнул парень. Хватило секунды, чтобы он жалел о своих словах.

— Выйди, — велела ему девушка.

Ни перчатки, ни фату, ни серьги с колье и диадемой Ниночка брать не стала, понизив в глазах продавщицы уровень своего вкуса еще на градус. Она ограничилась только платьем, сказав, что подходящая обувь у нее есть и украшения — тоже.

Из магазина они вышли спустя часа три, уставшие и не слишком довольные.

— Пойдем гулять? — предложил вдруг Келла, поняв, что скучает по городу. Блондинка пожала плечами — как будто бы ей было все равно.

И они просто шли по улице, не говоря ни слова друг другу.

Шагали молча, изредка случайно касаясь друг друга предплечьями: оба высокие,

красивые, гордые. Может быть, ему хотелось обнять ее, а ей — взять его за руку, но никто из них не сказал ни слова.

* * *

О том, что завтра у Ниночки состоится свадьба, дубль два, я узнала, когда ехала в машине Антона. Он как раз вез меня домой, чтобы я взяла вещи, потому как и на следующую ночь я решила остаться у него в квартире — благо, что отец его вновь был в какой-то длительной командировке. А расставаться с Тропининым не хотелось даже на минуту.

В то, что подруга согласилась на свадьбу, верилось с трудом, как и в то, что Келла великодушно решил жениться на Ниночке, и я отчетливо понимала, что между ними что-то произошло: недаром Журавль затаилась — она порою так делала, когда у нее что-то случалось — переваривала, обдумывала и лишь немного позднее рассказывала. Кажется, сейчас ей тоже нужно было немного времени, чтобы свыкнуться с происходящим.

— Что им подарить? — задумчиво спросила я.

— Успокоительное, — отозвался Антон, одной рукой держа руль. — Чтобы не поубивали друг друга.

— Я серьезно!

— Я тоже, Катя. Что ты им подаришь? Мультиварку для счастливой семейной жизни? — иронично поинтересовался Тропинин.

— Что-нибудь интересное и милое... Свадебный альбом ручной работы, например, — не сдавалась я, хоть и понимала, что это глупо.

— Сомневаюсь, что Демоница оценит, — хмыкнул Антон. — Уместнее было бы подарить венок с надписью: «Спи спокойно, гордость», — и он подмигнул мне. — Я знаю в этом толк.

— Не сомневаюсь, — проворчала я и, улучив момент — загорелся красный — поцеловала его в щеку. Ему этого показалось мало, и он, повернувшись, крепко поцеловал меня в губы, заставляя забыть обо всем на свете. Да и сам тоже забылся — нажал на газ только тогда, когда сзади просигналили.

— Что ты со мной делаешь, — покачал он головой, но на следующем пешеходном переходе снова поцеловал меня.

Дома, где, слава богу, не было никаких посторонних людей, Антона ожидал фурор. Кира, Нелли и Томас бегали вокруг него с поднятыми руками и с явным намерением начать преклоняться прямо сейчас.

Томас соскучился, Нелли радовалась приезду Антона, которого стала называть братиком, а Кира никак не могла поверить, что солист «На краю» сидит перед ней в квартире ее парня. Когда она увидела Антона, то не сразу признала — все-таки в обыденной жизни он выглядел несколько иначе, чем на сцене. А когда все-таки поняла, что это не шутка, заорала на весь дом и заявила, что «На краю» — «нереально крутая группа»!

Антон торжественно посадили во главу стола, аки почетного отца семейства. Он, к слову, происходящее воспринимал спокойно, я бы даже сказала терпеливо, — еще бы, привык, что вокруг крутятся толпы поклонников. Улыбался, отвечал на вопросы и даже смеялся изредка, положив мою руку к себе на колени и не отпуская ее — слава богу, этого никто не видел.

— Как ты, сынок? — с умилением спрашивал папа. — Творишь? Ты такой талантливый мальчик, я с безмерным удовольствием жду новую пластинку. Между прочим, посадил на вашу музыку Краба, то есть, конечно, господина Воронцова, моего старинного приятеля. Теперь он хочет написать книгу о музыкантах и скромно просит встречи и интервью.

— А давай фото замутим?! — вторила ему Кира. — Слушай, а ты моим парням из Владика, — так называла она друзей, — автографы чиркануть можешь?

— У меня селфи-палка есть! — кричала воодушевленно Нелли. — Давайте фотаться вместе!

— О свадьбе-то не задумываешься? — интересовался словно бы невзначай Леша. — А то мы с приятелем свадебную коллекцию пошить хотим. Катьке — бесплатно.

«Ботовод» — явственно читалось в глазах молчавшего Эдгара.

Это продолжалось по кругу.

— Квинтэссенция творчества...

— Автографы!

— Селфи-палка!

— Свадьба.

«Ботовод».

Продолжалось и продолжалось.

— Музыка — это прекрасно...

— Вот у парней во Владике бомбанет!

— Фото! Фото!

— Свадебная современная концепция.

«Ботовод».

И нужно было положить этому конец.

— Вы его достали! — не выдержав, заявила я. — Чего вы прилипли к человеку? Антон, вообще-то, ко мне приехал!

— Мне нравится, — уголками губ улыбнулся Тропинин и сильнее сжал мою ладонь. Его взгляд был многообещающим, словно бы он говорил: «Потерпи немного, скоро мы останемся вдвоем».

— Сынок любит говорить о творчестве, Катенька, зря ты так. Ты должна давать Антону свободу! Людям искусства нужна муза, а не мегера, — покачал головой Томас.

Я сердито уставилась на него.

— Верно, друг мой? — обратился папа к Антону.

— Верно, — отозвался тот, и я одарила его прищуренным взглядом.

— Между прочим, — никогда не упускал случая поговорить о себе Томас, — у меня в Милане зимой персональная выставка, сынок. Джино помог организовать. Помнишь Джино? Мой итальянский друг, которого ты довел до слез своей музыкой. Знаете, какое название я дал выставке? «Между мной»... — выдержал выразительную паузу Томас, торжественно обводя присутствующих взглядом.

— И нормой, — фыркнул Алексей. — Очерки сумасшедшего.

Старший брат одарил его недобрый взглядом.

— Отнюдь. «Между мной и мной». Я изложу в визуальном формате современный эгоизм, как способ выживания, — похвастался Томас. — Невероятно актуальная тема...

— Кое-кому очень актуально, — проскрипел брат, вперившись взглядом в Антона. — У того, у кого раздвоение личности.

— Ты о чем? — мигом заинтересовалась Кира.

— Об нубе одном.

— Сам, можно подумать, топ, — захихикала Нелли, которая то и дело смотрела в телефон, с кем-то усиленно переписываясь.

— Вы меня слушаете или нет?! — возмутился Томас. И начал вдохновенно толкать очередную заумную речь об искусстве. Единственному, кому было действительно интересно — так это Антону. Он внимательно слушал отца, а остальные уткнулись в тарелки и подняли глаза только тогда, когда Томас, сияя, продемонстрировал картину, на которой был изображен висящий в воздухе палец. Вместо ногтя у него было человеческое лицо.

— Гениально! — захолопал в ладони дядя, вставая и приглашая всех нас подняться на ноги. — Шедевр!

Нелли, Кира и я засмеялись. Губы Антона тронула улыбка. Даже Эду стало смешно.

Томас понял, что младший брат издевается, и они самозабвенно принялись переругиваться.

В общем, вечер прошел по-семейному тепло и весело — по таким вечерам я ужасно соскучилась. Мы все вместе расположились в гостиной — прямо на полу — и играли в настольную игру. Даже Эд изволил посидеть вместе с нами. И было странно наблюдать за тем, что Кира сидит рядом с ним и изредка касается его — точно так же, как и меня — Антон.

Эдгар, кстати, в этот вечер решил отомстить Нельке, которая вечно совала нос в его компьютер. Он долго за ней наблюдал, приценивался, а потом в какой-то момент выхватил у нее из рук телефон.

— Отдай! — заорала сестра.

— Нашла себе кого-то? — поинтересовался Эд, пытаясь прочесть ее переписку в социальной сети. Он вскочил на ноги и поднял телефон над собой, а Нелли прыгала вокруг, возмущенная и раскрасневшаяся.

— Тебе какая разница! — кричала она, пытаясь забрать у брата телефон. — Отдай немедленно!

Тот отдавать мобильник явно не собирался. Задрав голову, пытался что-то прочитать.

— Эд, — возмутилась я. — Что за детский сад?

— Отдай ты ей игрушку, — кисло поддержал Леша, незаметно мухлюя с фишками — проигрывал.

— Не нервируй ребенка, — поддержала его Кира.

— Ей можно было, а мне нельзя? — возмутился злопамятный Эдгар, которого до сих пор злило, что Нелька читала его переписку с Кирой. — Ну-ка, что там тебе, — пригляделся он к экрану, — Синий Зверь пишет? Это твой дружок?

— Нет у меня никаких дружков! — выкрикнула Нелли. Изловчившись, она укусила его за руку и все же завладела своим мобильником.

— Бака, — обозвала она Эдгара, и они стали ругаться. К ним присоединились веселые Кира и Леша, причем оба явно желали потроллить брата и сестру.

— Дети-дети, как же вы быстро растете, — умиленно качая головой, говорил Томас. — Еще вчера ели песок, а сегодня заводите отношения.

Ситуация его забавляла. В наши конфликты он предпочитал не вмешиваться — считал, что это жутко непедагогично, хотя я была уверена в обратном.

В доме было шумно, а я молчала — просто сидела на полу рядом с Антоном, переплетя

свои пальцы с его пальцами, и улыбалась. В какой-то момент я сама поцеловала его — невинно, почти невесомо, а потом, увидев, что это заметил Томас, смущенно отпрянула. Отец лишь улыбнулся. Кажется, он был очень рад, что у меня есть Антон, а у Антона — я.

Из дома мы с Тропининым уехали далеко за полночь, и хоть в настольно игре я ни разу не победила, настроение у меня было отличное.

— Не устал? — на всякий случай спросила я парня уже в машине.

— Мне нравится твоя семья, — ответил он. — Они умеют заряжать позитивом.

— А я тебя позитивом не заряжаю? — капризно спросила я.

— Вдохновением, — было мне ответом.

* * *

Вторая свадебная попытка Нины и Келлы явно была удачнее первой. За некоторыми исключениями все шло по плану, однако напоминало театр абсурда, где главные актеры были немного не в себе.

В семь утра мы с Антоном заехали за Ниной, которая выбежала из собственного подъезда, словно шпион, все время оглядываясь по сторонам. Да и одета она была соответственно: шапка, кроссовки, спортивный костюм и расстегнутая куртка поверх него. За плечами у нее виднелся рюкзак — судя по всему, позаимствованный у младшего брата. Подруга воровато огляделась, заметила нашу машину и тотчас оказалась на заднем сиденье.

— Стильная невеста, — не мог не прокомментировать Антон, и я легонько шлепнула его по руке.

— Молчи, шофер, — фыркнула подруга и пояснила мне: — Ирка, скотина, чуть не запалила, пришлось сказать, что в спортзал иду. А потом, по легенде, я у тебя дома готовлюсь к совместному проекту по информационным технологиям.

— По чему? — приподняла я бровь.

— Какая разница, они все равно не знают, — отмахнулась подруга, поправляя шапку. Это меня удивило. Обычно Ниночка в шапках не ходила — даже в тридцатиградусный мороз зимой. — Зато контролировать меня вздумали. Чтобы я деньги просто так не тратила и не веселилась в сложные для семьи времена. А, чего это я, — на ее лице появилась старушечья улыбочка. — У меня теперь ведь заблокирована карта. Ну, давай, шеф, трогай, — обратилась она к Тропинину. Голос у подруги был веселый, как будто бы она задумала свою очередную авантюру, а не выходила замуж по принуждению.

Всю дорогу Нина болтала, обсуждала наших общих знакомых, заставляя Антона морщиться — он не слишком любил сплетни, и жаловалась на то, что все вокруг дураки, а она одна хорошая. Я смотрела на подругу с некоторым удивлением и в который раз понимала, что все-таки, несмотря на все свои недостатки, она — сильный человек. Потому что только сильный человек может совладать со своей гордостью.

— А с рукой у тебя что? — поинтересовалась я, обернувшись в очередной раз и увидев на кисти, которой подруга жестикулировала, повязку.

— Синему в рыло вмазала, костяшки сбила, — фыркнула Ниночка. — Зато пятак у него теперь скособоченный.

— Ты шутишь, как бог, — заметил Антон.

— А я и есть бог, — не полезла за словом в карман Журавль.

— Ребята, — вмешалась я голосом кота Леопольда, успокаивающего злопакостных мышей, — давайте вы не будете ругаться?

— Мы не ругаемся, — одновременно ответили они.

— Это обмен мнениями, — добавила подруга и поправила шапку. — Кстати, Тропино, дай ускорение, мы плетемся, как черепахи.

— Не надо ускорения, — испугалась я, вспомнив гонки за городом. Антон, кажется, тоже — он посмотрел на меня и подмигнул.

Всю оставшуюся дорогу мы молчали. Нинка притихла на заднем сиденье, Антон сосредоточился на дороге, а я думала, как пройдет сегодняшний день и понравится ли подруге наш подарок.

На лице у Келлы, домой к которому мы приехали, ибо свадебное платье хранилось у него, никаких следов не оказалось, и я заподозрила Журавль во лжи, решив, однако, выяснить, что между ними произошло, после свадьбы.

Барабанщик казался заспанным и явно не был рад нашему визиту. Даже на невесту свою он смотрел широко, как бегемот, зевая. Зато когда Ниночка сняла шапку, Келла едва не поперхнулся. Я, впрочем, тоже весьма удивилась. Единственный, кто оставался спокойным, как удав, был Тропинин.

Волосы Ниночки стали короче, и доставали теперь не до пояса, а до лопаток. Более того, они поменяли цвет: шикарный блонд ушел в небытие, и волосы подруги обрели теперь насыщенный шоколадный оттенок. Более того, несколько прядей она выкрасила в лазурный, и смотрелось это, мягко говоря, смело.

— **Запрещено цензурой**, — только и выговорил Келла, зачарованно глядя на будущую супругу.

— Сам такой, — с достоинством царицы отвечала Журавль.

— Зачем ты это сделала? — изумленно спросила я. Удивительно, но темные волосы шли ей ничуть не хуже, чем светлые.

— Чтобы быть под стать жениху, — засюсюкала Нинка, с угрожающим видом подходя к Келле и ущипнув его за обе щеки. — Иди ко мне, мой малыш. Соскучился по мамочке? — и она, вытянув губы трубочкой, громко зачмокала.

— Отстань от меня, — оттолкнул ее Келла и неожиданно чихнул.

— Будь здоров, мой котик, — тотчас полезла в рюкзак Нинка и выудила из него влажные салфетки. — Давай высморкаемся, Рылочка, — продолжала сюсюкать подруга, зажав салфетку в пальцах и пытаясь тыкать ею ему в нос.

— Отстань! — заорал Келла, которому такие поползновения не нравились. — Психопатка!

Нинка захохотала.

— Тебе, может, успокоительного дать? — спросила я ее с беспокойством.

— Я «скорую» могу вызвать, — предложил Антон, который лениво наблюдал за всем, сидя на подлокотнике дивана и вытянув длинные ноги.

— Мне бы коньяку грамм сто пятьдесят, — тоном профессионального алкоголика отвечала Журавль, и взгляд ее мечтательно устремился в сторону кухни.

— Ага, сейчас, разбежалась, — отозвался Келла с раздражением. — Я еще тебя пьяную в ЗАГС на руках не тягал.

— Ну, я же твоя Королева, мой лупоглазый зайчонок, — послала ему ослепительную улыбку Журавль.

— Еще раз так назовешь, и в ЗАГС поедешь с кем-нибудь другим, — пообещал хозяин квартиры.

— Ребят, хватит, — почувствовала я себя вновь третейским судьей. — Давайте собираться.

Выпроводив на кухню Келлу и Антона, мы остались с подругой вдвоем.

— Страшно? — спросила я ее со вздохом.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Онни — корейское обращение девушки к девушке, старшей сестре, подруге.